

Центр экономических и политических исследований
(«ЭПИцентр»)

Кафедра истории народного хозяйства и экономических учений
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

*Л.Н. Юровский
(1884–1938)*

Л.Н. Юровский

**ВПЕЧАТЛЕНИЯ
СТАТЬИ 1916–1918 ГОДОВ**

*Составление, предисловие и комментарии
А.Ю. Мельникова*

Москва
«Медиум»
2010

УДК 330.8
ББК 65.9
Ю 78

Юровский Л.Н.

Ю 78 **Впечатления. Статьи 1916–1918 годов** / Сост., предисл. и коммент.
А.Ю. Мельникова. – М., 2010. – 248 с., фотогр.

ISBN 978-5-85961-073-4

Книга «Впечатления. Статьи 1916–1918» содержит статьи известного российского экономиста Л.Н. Юровского, который честно служил России на фронтах Первой мировой войны и на разных должностях в государственных органах новой России. Как это водилось в те времена с честными и интеллигентными, был замучен и, в конце концов, расстрелян большевистской властью.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Редактор Ю.А. Здоровов

Художник О.Б. Филиппова

ISBN 978-5-85961-073-4

© Мельников А.Ю., составление,
предисловие, комментарии, 2010

© Филиппова О.Б., художественное оформление, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	7
Предисловие	10
1916 год	
Будни – 21 июня (4 июля)	14
Дела и дни – 13 августа (26 августа)	17
На полях сражений в Галиции – 28 августа (10 сентября)	23
1917 год	
В зимние дни (письмо с позиций) – 26 февраля (11 марта)	35
Запоздалая мудрость – 18 июня (1 июля)	39
Без лозунга – 23 июня (6 июля)	43
Восстание – 6 июля (19 июля)	46
Гражданская война – 11 июля (24 июля)	50
Две диктатуры – 13 июля (26 июля)	53
Впечатления – 13 августа (26 августа)	57
Из предварительных итогов – 15 августа (28 августа)	59
Единый путь – 18 августа (31 августа)	61
Из наблюдений бюрократа последней формации – 24 августа (6 сентября)	65
На пути к анабиозу транспорта – 30 августа (12 сентября)	69
В первый день республики – 7 сентября (20 сентября)	72
После грозы – 16 сентября (29 сентября)	75

Железнодорожный конфликт – 17 сентября (30 сентября)	80
Продолжение бюрократических наблюдений –	
11 октября (24 октября)	85
Освобождённая Россия – 16 ноября (29 ноября)	88
По ту сторону человеческого – 6 декабря (19 декабря)	92
Перед священной войной –	
30 декабря (12 января 1918 года)	95
1918 год	
Русское хозяйство – 3 января (16 января)	99
Крайний срок – 26 января (8 февраля)	105
Вольные цены или свободная торговля –	
2 марта (15 марта)	109
Социальное содержание социалистической революции –	
12 апреля (25 апреля)	113
Комментарии	118
Указатель имён к статьям Л.Н. Юровского	208
<i>Статьи, библиографические заметки, письма, изложения докладов Л.Н. Юровского в газете «Русские Ведомости» (1910–1918 гг.)</i>	
	210
<i>Приложение 1. Л. Юровский, В аудитории Политехнического института</i>	
	225
<i>Приложение 2. П. Струве, рецензия на книгу Л.Н. Юровского «Очерки по теории цены» (Саратов, 1919)</i>	
	230
<i>Фотографии из семейного архива Юровских</i>	239

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга не могла бы увидеть свет без доброжелательной помощи со стороны многих людей. Мой университетский товарищ *Алексей Геннадьевич Сушкевич*, несмотря на занятость в высоких правительственных сферах, с обычной для него тщательностью и здравомыслием прочитал рукопись и в ходе нескольких обсуждений высказал ценные замечания о заглавии книги, структуре и содержании комментариев.

Важные соображения по тексту комментариев были высказаны *Диной Ашотовной Асриевой*, *Леонидом Михайловичем Баткиным*, *Евгенией Борисовной Власовой*, *Арменом Сумбатовичем Гаспаряном*, *Денисом Владимировичем Поповым*, *Андреем Виленовичем Рябовым*, *Михаилом Александровичем Субботиным*, моим руководителем на экономическом факультете Московского университета *Натальей Владимировной Хвалынской*. Её фамильная настольная лампа Jugendstil помогла мне лучше почувствовать стиль мюнхенского журнала Jugend, который Л.Н. Юровский держал в руках, вероятно, в Мюнхене и, очевидно, на Юго-Западном фронте.

Важные материалы были любезно предоставлены *Кириллом Михайловичем Александровым* (Санкт-Петербург) и *Анатолием Всеволодовичем Шмелёвым* (Стэнфорд), а также уже упоминавшимся выше *Арменом Сумбатовичем Гаспаряном*, дружеская поддержка которого неоценима. Отмечу, что репрессированный коммунистической властью К.Ф. Шмелёв, работы которого Л.Н. Юровский упоминает в «Денежной политике Советской власти (1917–1927)», – двоюродный дед А.В. Шмелёва.

Сотрудники библиотеки ИНИОН РАН квалифицированно и терпеливо откликнулись на мои просьбы. Без фондов этой библиотеки и работы хранителей книга не была бы подготовлена. Сотрудница Российского Государственного Архива Экономики (РГАЭ) *Елена Николаевна Калинина* помогала мне профессиональными советами и добрым отношением во время работы с хранящимся в архиве личным фондом Л.Н. Юровского (РГАЭ, ф. 256, оп. 1, д. 14), содержащим ценные фотографии, воспроизводимые в книге.

Заведующий кафедрой истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского университета *Александр Георгиевич Худокормов* взял на себя труд прочитать рукопись и направить мою мысль на включение в книжку приложения, касающегося истории теоретической экономики, а также подготовку дополнительных комментариев, касающихся истории экономической мысли.

Григорий Алексеевич Явлинский вдохновлял меня на протяжении всей работы над книжкой, а также оказывал всю возможную поддержку для её выхода в свет. *Юрий Арсеньевич Здоровов*, как это для него обычно, выступил превосходным редактором книги и интересным собеседником на веранде кафе «Вкусное место» жарким московским летом 2010 года. Дующий в сторону Новодевичьего монастыря прохладный ветерок сопровождал наши неторопливые беседы о бывшем и настоящем.

Восьмилетний сын моих друзей *Данила Андреевич Рябов* не оставлял меня своими разговорами о Диогене Синопском и стойким неприятием римских суеверий. Поэтому соответствующая часть комментариев к статьям Л.Н. Юровского несёт на себе отпечаток этих бесед с моим маленьким другом и, в этой связи, чтения книг М.Л. Гаспарова о Древней Греции и Риме, которые мы очень любим, а книгу «Капитолийская волчица» считаем превосходной. Словно монеты ушедших эпох в перепаханной земле, блестят иногда в статьях Л.Н. Юровского осколки Древнего Рима – латинские выраже-

ния, улыбки авгуров, ауспиции. А из-за частокола русских слов выгянет иной раз с лукавой улыбкой сатира Эллада.

Давним беседам с ушедшими в мир иной *Николаем Львовичем Кафенгаузом* и *Владимиром Евгеньевичем Юровским* я обязан ощущением времени, которого касается эта книжка. Только сейчас понимаю, насколько бесценна была эта живая связь со свидетелями эпохи. Когда твоих кумиров называют словами «папа» и «дядя Лёня», это ни с чем не сравнимое ощущение.

Наконец, книга не могла бы состояться без разнообразной поддержки родных и близких людей: *дочери Насти, моей мамы Галины Михайловны, сестры Татьяны, бабушки Антонины Николаевны, Натальи Мельниковой, Тамары Ивановны и Петра Антоновича Корчменных*. С печалью пишу о том, что мой дорогой отец, *Юрий Иванович Мельников*, скоропостижно умерший от тяжёлой болезни, не сможет взять в руки эту книжку. Надеюсь, что он, как и *прабабушка Саша, дедушка Ваня, бабушка Аня, дедушки Василий и Георгий* смотрят, улыбаясь, с Небес на этот небольшой труд.

Приношу всем благодарность. Возможные ошибки и недоработки в этой книжке лежат только на совести автора-составителя сборника и не имеют отношения к лицам, оказавшим ему поддержку.

Книга посвящается памяти жены Л.Н. Юровского *Вартуги Карповны Юровской* и его сына *Георгия Леонидовича Юровского*.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые в настоящем сборнике статьи российского экономиста Леонида Наумовича Юровского печатались в 1916–1918 годах в московской газете «Русские Ведомости».

Возникший во второй половине 80-х годов прошлого века, в годы горбачёвской перестройки, интерес к российской экономической науке и российским экономистам носил ограниченный характер. В связи со стремлением найти пути реформирования советской экономической системы внимание обращалось преимущественно на 20-е годы. Рождение, жизнь и смерть новой экономической политики (НЭПа) – вот что представляло, казалось, практический интерес. Тема развития экономической науки в период до октябрьского переворота не служила предметом широкого интереса или же более или менее понималась как приложение к 20-м годам.

В итоге получилась однобокая картина, в которой выхваченный в связи с политическими потребностями исторический фрагмент приобрёл почти самостоятельное значение. Следует отметить, что сегодня в рамках изучения экономической политики периода НЭПа выходят интересные исследования и прекрасные сборники документов. Это существенно, но этого мало.

Наша неудовлетворённость пониманием времени возрастёт, если мы примем во внимание ограничения на выражение мнений, установившееся в советской литературе в 20-е годы. Во всяком случае, та относительная свобода суждений, которая была в эти годы, несопоставима со свободой суждений в предшествующий период (в особенности между мартом и октябрём 1917-го года). Если же мы

обратимся к предшествующему периоду, то найдём в нём немало ценного материала, позволяющего представить себе эволюцию российской экономической науки или же, в более узком понимании, взглядов на экономическую политику.

Там же лежит пласт исторического материала, позволяющий получить объёмную картину – выяснить не только экономические взгляды, но и общественное лицо российских экономистов. Вписать экономическое знание в общий исторический контекст. В полной мере это относится и к публикуемым статьям Л.Н. Юровского.

История – это не только картины общественных переворотов и жизни народов. Не меньший интерес представляет собой микроистория – жизнь отдельных людей, их оценка совершающихся событий. Можно искать в изучении жизни отдельного человека и более общие выводы – о поведении той или иной социальной группы, или же её части, в существующих исторических условиях. Публикуемые статьи Л.Н. Юровского могут быть интересны и с этой точки зрения. Мы видим отражённые в зеркале публицистики мысли и чувства русского интеллигента в переломный момент российской истории.

Важно также ощущение плотной ткани истории, связи людей друг с другом, осознание течения времени, единства политической, экономической, военной историй, истории мысли и, наконец, личной истории. Комментарии писались исходя из такого понимания задачи. Отмечу, что статьи Л.Н. Юровского лишены отсылок к комментариям. Это сделано для того, чтобы не лишать читателя цельного впечатления от статей Л.Н. Комментарии могут читаться независимо от статей. Всегда указано, к какому фрагменту текста они относятся.

Статьи и заметки публиковались Л.Н. Юровским в либеральной московской газете «Русские Ведомости» (часто называемой «профессорская газета»). Их можно условно разделить на четыре части.

Событиям на фронтах Великой (как тогда говорили) войны посвящены статьи «Будни» (июнь 1916-го), «Дела и дни» (август

1916-го), «На полях сражений в Галиции» (сентябрь 1916-го) и «Зимние дни (письмо с позиций)» (февраль 1917-го). В некотором отношении к ним примыкает написанная в конце 1917 года статья «Перед священной войной», в которой со слов военного начальника Л.Н. Юровского, приехавшего в Москву, рассказывается о развале фронта. Три первые статьи относятся к периоду, который генералом Н.Н. Головиным, военным историком и теоретиком, назван «периодом величайшей Галицийской битвы 1916 года, продолжавшейся около 4 месяцев». Она началась переходом 22 мая (4 июня) 1916 года четырёх Русских Армий (VIII, XI, VII и IX) в наступление. Взятые в целом эти статьи дают впечатление о военной стороне в биографии Л.Н. Юровского. Но также и о том, чем во второй половине 1916-го – начале 1917 года был фронт и во что он превратился в конце 1917-го.

Вторая группа статей посвящена периоду Временного правительства. Это пульсирующие страницы, в которых смешана свойственная Юровскому-экономисту рассудительность с иронией, полемикой, надеждой на лучшее, ощущением происходящего развала.

Третья часть, хронологически относится к периоду после захвата власти большевиками и заканчивается концом 1917 года. Здесь критика большевиков сочетается с осмыслением начавшейся в феврале 1917 года революции.

Наконец, последние четыре статьи спокойны по своему психологическому настрою, если позволено так сказать, более рассудительны и более свойственны перу экономиста. Они оставляют ощущение, что писал их человек, переживший бурю, выброшенный на берег, в далёкий от столиц саратовский угол, со стороны описывающий происходящее, размышляющий о том, что будет и что теперь делать. Похожее настроение, пожалуй, повторилось у Л.Н. Юровского ещё один раз – в 1922 году. Оно чувствуется в первых строках его статьи «Бюджет и народный доход в современной России».

Л.Н. Юровский писал позднее, что «система военного коммунизма установилась не сразу. Небольшой период от Октябрьской революции до лета 1918 года носил переходный характер». Третья и четвёртая часть сборника охватывает именно этот «переходный период».

Между первыми фронтовыми статьями, в которых показан то «пламень» жаркой Галиции, то «лёд» сонных, снежных Карпат, и последней четвёркой статей лежат нервные, трагичные лето, осень, зима 1917 года.

А.Ю. Мельников

*Центр экономических и политических исследований
(«ЭПИцентр»)*

1916 год

БУДНИ

Иногда дуют сильные ветры, охлаждённые снегами, ещё не растаявшими на вершинах Карпат, и это для нас – лучшие дни. Тогда и в палатке дышится легко, и вне её в узкой лощине, из которой мы почти не выходим, можно сидеть или гулять. Гораздо хуже, когда стихают западные ветры и июньское солнце вступает в свои права. У нас ни деревца, ни кустика. Только рожь, пшеница и клевер. Укрыться негде. В палатке, раскалённой солнцем, – невыносимая духота, снаружи солнечные лучи жгут немилосердно. Мы ждём вечера и начинаем дышать свободно лишь к ночи. Но выйти из лощины нельзя. Правда, мы отдыхаем теперь после больших боёв; однако каждую минуту по телефону с наблюдательного пункта может быть передана новая команда: «К бою!».

Нельзя назвать затишьем то, что установилось у нас севернее Б. На правом и на левом фланге нашего корпуса ещё третьего дня шли бои, и потеснённые австрийцы бросили два ряда своих окопов. Но наша батарея вот уже неделю ведёт только пристрелку по новым целям, готовясь к будущему натиску или отражению возможных неприятельских атак. Это – лёгкая работа, это ещё не бой, это – ожидание его.

Мы занимаем узенькую полоску среди зеленеющих хлебов. Орудия и ящики замаскированы колосьями, рядом с ними вырыты глубокие ровики для «номеров», позади, – тоже прикрытые зеленью, – стоят низкие палатки, в которых, тесно прижавшись друг к другу, номера проводят ночь. На фланге – палатка телефонистов и палатка офицеров, несколько более просторная, чем остальные.

Вот и всё, что у нас есть: вся позиция лёгкой батареи: передки расположились в полуверсте в другой лощине; резерв наш – в деревне; наблюдательный пункт – впереди.

Ночью всё спит кроме дежурного, дневального и телефониста. Днём, осмотрев и почистив орудия, прислуга дремлет, тихо беседует или занимается своим делом. Своего дела немного: написать письмо, перечитать полученное, выстирать бельё, что-либо сшить или заштопать. Здесь, на отдыхе, после побед и захвата добычи пошло переобмундирование. Австрийцы, отступая, бросили много всякого добра. Наши ребята говорят: «Когда мы отступали, ему (неприятель всегда называется «он») не доставались снаряды, потому что их у нас не было; а сами-то мы бросали лишь старые портянки». «Он» бросил теперь гораздо больше. Австрийцы оставили нам не только крупные трофеи, о которых пишут в сообщениях штаба Верховного Главнокомандующего, но и массу мелочей, которыми солдаты очень дорожат. Нам достаются превосходные алюминиевые фляжки, противогазовые маски новой системы. Это – уже не марлевые повязки первого времени с завёрнутым в клеёнку компрессом, а резиновое прикрытие с очками для всего лица; в металлическую часть его ввинчивается коробка-респиратор, наполненная, кажется, углём. Всё это хранится в брезентовом футляре и носится через плечо. Оставили нам австрийцы мягкие шерстяные куртки, которые солдаты охотно надевают на ночь под шинель, вязанные шерстяные шлемы, которые у нас нарасхват, палатки, с которыми теперь возится вся наша батарея. Австрийские палатки сделаны из очень лёгкого непромокаемого материала; в качестве палаток они нам здесь не нужны, так как у нас и своих достаточно. Солдаты шьют из них дождевые плащи и радуются, как дети, своей находке.

Два раза в день к нам приезжает кухня и три раза нам привозят кипяток. Как завидует пехота этой благодати. И действительно, появление кухни или кипятивильника здесь – радостное собы-

тие. После чая дожидаясь обеда, затем снова дожидаясь чая, а потом ужина и т.д. Если бы изобретательный ум человеческий нашёл уже способы насыщать организм патентованным экстрактом в объёме пилюли, то этим упростилась бы до крайности задача снабжения армии, но я решительно не знаю, что бы развлекало нас на позиции в течение дня: для нас это было бы несчастье.

Время от времени австрийцы как бы просыпаются. Высоко в воздухе появляются разрывы несколько беспорядочной австрийской стрельбы и начинают грохотать тяжёлые германские орудия, прибывшие для поддержки армии Франца-Иосифа. Тогда и наши батареи отвечают огнём, и ненадолго разгорается бой. Сонная батарея сразу оживает. Старые, опытные наводчики в несколько секунд поворачивают орудия по новым целям, летят колпачки шрапнельных снарядов и очередь следует за очередью.

Прошлой ночью сапёры проводили проводочные заграждения перед нашими цепями, а австрийцы стали обстреливать их. Командир полка просил открыть огонь по неприятельским окопам, и около часа нас подняла команда «к бою». Ночью стрельба занятнее. Около орудий мелькают огоньки. Работа с прицелом и шрапнельными трубками труднее и нервнее. Явственнее и громче раздаются слова команды. Резче слышны раскаты выстрелов. Ярко поднимается отблеск от вспышек боевых зарядов в стволах орудий. Он небезопасен – этот отблеск. По нему неприятель может определить положение батареи и впоследствии нащупать её.

К 3 часам стрельба прекратилась, и восстановился отдых. Спокойно протекли часы до утра и спокойно начался день. Сперва дул холодный ветер с запада, потом он улёгся, и часов с 10-ти солнце стало мучительно палить. Батарея дремлет на позиции в узкой лошине среди зеленеющих хлебов. Солдаты толкуют об оставленных дома солдатках и о будущем мире. Теле-

фон, соединяющий нас с остальным миром, тихо гудит в руках сонного телефониста.

10-го июня 1916 г.

«Русские Ведомости», 21 июня 1916 года, № 142, с. 1–2.

ДЕЛА И ДНИ

Под зарядным ящиком было очень хорошее место, единственным, но не слишком существенным недостатком которого являлось отсутствие простора. Зарядный ящик, соответственно положению нашего фронта, обращён на запад. Он отбрасывает утром изрядную тень на сторону противника и вечером – такую же тень в нашу сторону. Перед орудием он имеет то преимущество, что и в полдень он даёт некоторую тень, в которой возможно укрыться, если осторожно подлезть под стрелу и поместить голову аккуратно под осью. Место в тени зарядного ящика было моим местом, и никто его у меня не оспаривал. Во-первых, потому, что я был орудийным фейерверкером и «нумера» орудий были мне подчинены. Во-вторых, потому, что в глазах моих сослуживцев по батарее я – существо, в практическом отношении нуждающееся в поддержке и покровительстве. Мои боевые товарищи очень ценят то, что я могу перевести подобранные в окопах немецкие газеты и письма, что я видел некоторые страны и кое-что читал. Но они уверены, что, если не позаботиться о том, чтобы я вовремя поел, надлежащим образом укрылся и правильно уложил свои вещи, то я растеряю всё, что у меня имеется, и погибну от голода, дождя, жары, или холода, как беспомощное дитя.

Я не берусь судить о том, насколько обосновано их мнение. Я лишь констатирую его, как факт, объясняющий мою привилегию на тень от зарядного ящика не в меньшей степени, чем моё положение орудийного фейерверкера; в этой превосходной, густой тени, которой позавидовал бы лишённый вовсе тени бессмертный Петер Шлемиль давно умершего Шамиссо, я провёл много хороших часов и дней. Для человеческого благополучия нужно очень и очень немного. Здесь, на войне, научаешься довольствоваться малым и находить удовлетворение в том, чего раньше не замечал. Я понимаю, что обстановка пустой бочки несколько не должна была препятствовать философической работе Диогена. Я только не могу понять, как мог он огорчаться тем, что беседуя с ним, один из властителей Греции загородил от него солнце. Должно быть, в то время в Элладе было менее жарко, чем в Галиции в наши дни.

Быть может, от долгого лежания под зарядным ящиком – я выходил из своего убежища лишь в дни дождей и дни боёв – и спокойного созерцания окружающей природы и у меня развилась бы склонность к философическому мышлению. Но приказом командира батареи я был извлечён из его тени и переведён на новую должность. Таковы уже превратности войны и перипетии воинской карьеры. «Судьба играет человеком, она изменчива всегда». Для нас это – основное положение житейской мудрости.

Таких карьер, как моя, в настоящее время на фронте очень много. Потому-то я и считаю возможным описывать здесь свою собственную судьбу: во всех соседних батареях – и лёгких, и мортирных, и тяжёлых – есть люди, автобиография которых будет весьма мало разниться от моей. А среди них у вас могут оказаться приятели и знакомые. И затем ещё одно. Не так давно я прочитал в «Русских Ведомостях» письмо моего дорогого и уважаемого коллеги Деренталю, в котором он свидетельствовал о том, что накануне был дежурным по конюшне. И мне было чрезвычайно занятно уз-

нать, что у нас, двоих сотрудников одной и той же газеты, писавших с запада и с востока, оказались довольно сходные занятия. Дорогой Деренталь, может быть, и вам весело будет прочитать, что в один из тех часов, когда вы дежурили по конюшне, я чистил щёткой и скребницей свою лошадь Налёт. Налёт – лучшая лошадь батареи, несколько тряская, но сильная и удивительно быстрая: пустить её полной рысью и обогнать всех разведчиков – огромное наслаждение. И я ухаживаю за ней, как только могу...

Мой командир моложе меня. Он меньше моего знает по политической экономии, но несравненно больше моего смыслит в военном искусстве. Он несколько волнуется во время напряжённой работы, но он мужествен и не прячется в ровике, когда все уже укрылись в нём. Он – меткий стрелок и ведёт огонь с увлечением, которое передаётся всей батарее. Он, не колеблясь, ставит батарею в рискованное положение, если считает, что этим может быть достигнут успех. Но он бережёт себя несколько не больше, чем своих людей. «Пусть узнает солдатскую жизнь и пусть пройдёт по всем должностям», – сказал он после того, как я впервые пришёл на батарею и представился ему. И думаю, что это было правильное решение.

Я побывал у своего орудия установщиком, т.е. устанавливал дистанционную трубку шрапнели соответственно скомандованному числу делений, дабы снаряд разорвался на положенном расстоянии от батареи. Я побывал наводчиком, т.е., глядя в окуляр прицельного приспособления, наводил орудие и затем поднимал или опускал дуло его, смотря по указанной командиром дистанции. Но вы не думаете, конечно, что в окуляр прицельного приспособления или, технически правильнее, панорамы, видна та цель, которую обстреливает батарея. Такие случаи носят совершенно исключительный характер: в нашей бригаде за настоящую войну их почти не было вовсе. Выехать на открытую позицию в условиях современного боя, это значит погубить свою батарею почти на-

верняка: неприятельская артиллерия засыплет её шрапнелью и гранатами прежде, чем удастся выпустить несколько очередей. А для того, чтобы возможна была стрельба по невидимой цели, существует несколько простых, но в высшей степени остроумных формул и приборов.

Усовершенствовавшись в установке трубок и в более ответственном деле наводки, я был назначен орудийным фейерверкером: тут я стал принимать, записывать и передавать «прислуге» команды, следить за их исполнением, заботиться о том, чтобы орудие было правильно поставлено, снабжено патронами и чтобы оно исправно действовало в бою. После трёх боёв командиру было доложено, что я освоился с этим делом. Тогда я простился со своими товарищами по работе при орудии и с жизнью на позиции батареи. Товарищей было 8 человек: это были славные, хорошие, заботливые ребята, которых нельзя было не полюбить. Глубоко миролюбивые по характеру, они тем не менее вели свою боевую работу спокойно, деловито, без отказа, без малодушия во всех условиях, и лёгких, и трудных; лучших солдат нельзя себе и пожелать. В артиллерии убыль сравнительно с пехотой невелика, и значительная часть персонала работает с самого начала войны. Люди приобрели поэтому большую опытность, привыкли друг к другу, и в старых частях образовалась устойчивая боевая традиция. Я думаю, что по своим боевым качествам наша лёгкая артиллерия – когда она достаточно снабжена снарядами – стоит на высоте всех тех требований, которые могут быть предъявлены к ней.

• • •

Разведчики и наблюдатели, в команде которых я состою, живут при командире батареи. Мы помещаемся на краю деревни в полуразвалившейся халупе, ибо целых халуп здесь на окраине нет. Бедная Галиция! В той полосе, которая была ареной зимней позиционной кампании и летних напряжённых наступательных боёв,

всё носит следы разрушения. Города и селения так пострадали, что протекут годы после войны, пока они примут прежний вид. Много сгорело хат, много славных, старинной архитектуры деревянных церковок походят на руины, много полей изрыто вдоль и поперёк окопами, ходами сообщения, воронками австрийских крякалок и тяжёлых снарядов. Сравнительно хорошо ещё тем жителям, которые остались в своих халупах: многие из них не соберут своего урожая, или соберут лишь часть его, но жилище их останется цело. А если у крестьян осталась корова, они в обмен на молоко получают от солдат и денег и хлеба. Впрочем детям солдаты щедро раздают хлеб, не требуя никаких взаимных услуг. Хлеба у нас много, солдаты сыты, если только по условиям окопной жизни подвоз пищи не слишком затруднён: артиллеристы же и полки в резерве кормятся вполне хорошо, и с солдатского стола всегда перепадает населению. Но те, которые ушли, убоявшись огня и меча, – те будут проливать много слёз, когда возвратятся на родину. Бесхозяйное имущество погибает фатально...

Мы живём в полуразвалившейся халупе, но и в ней нам живётся хорошо: в тесноте, да не в обиде. Солома есть, на полу хватает места для всех, на сохранившейся печи в любое время дня можно вскипятить воду, сварить молочную кашу или молодой картофель в дополнение к казённой порции. Халупа наша окружена вишнёвыми деревьями, и вид у нас хороший, далёкий на стрынскую долину, в которой непрерывным рядом тянутся деревни, – белые и полужёлтые хатки, сады, высокие хорошие здания сельских школ, блестящие и потускневшие купола новых и старых церквей.

Наблюдательных пунктов у нас один или два, смотря по обстоятельствам: на бугре в ходе сообщения, на деревне, иногда в передовом пехотном окопе. Дежури́м мы на наблюдательном пункте по очереди: наблюдатель со стереотрубой и телефонист со своим аппаратом. Начинаем рано утром, когда поднимается солнце и рассеется утренний туман, кончаем, когда погаснут последние лучи.

Если же ночью идёт стрельба, то в темноте по отблеску стараемся определить местонахождение неприятельских батарей.

На смену выходишь на рассвете, и нет ничего лучше этой утренней прогулки по полям, ещё покрытым росой, когда вдыхаешь освеживший за ночь воздух и ждёшь, что вот-вот позади прорвутся сквозь туман первые солнечные лучи. Дойдёшь до хода сообщения и долго, иной раз с версту, шагаешь по узкой щели, выкопанной в чернозёме и глинистой подпочве. Если встретишь пехотинцев, плотно прижимаешься к стене, чтобы пропустить их, и снова, касаясь локтями жёлтых стен и наклоняя голову, чтобы укрыться от внимательных взглядов неприятельских наблюдателей, продвигаешься вперёд, пока не дойдёшь до места, где щель расширяется. Под защитой крепких стволов на случай обстрела устроено укрытие и к столбу прикреплен стереотруба. Это и есть наблюдательный пункт.

Здесь узнаёшь от старого наблюдателя, что случилось в течение предыдущего дня, напьёшься с ним чаю, если была возможность достать кипятка в соседней роте, закусишь хлебом и сушеной воблой, которая в дни дежурств заменяет завтрак, обед и ужин, и приступишь к «работе».

На первый взгляд всё кажется неподвижным у противника, пока глаз не привыкнет различать предметы вдали. Тогда картина оживает. По далёкому шоссе, верстах в десяти, проносятся автомобили и тянутся обозы. Ближе в ложине покажется небольшой разъезд и снова исчезнет, скрытый кукурузой. Кто-то нагружает возы в полях, поднимая вилами недавно скошенную рожь. Кто? Долго вглядываешься и, если расстояние не слишком велико, различаешь серые куртки и бескозырки германских солдат. Вот шевелится что-то и блестит позади неприятельских окопов. Лопатами подбрасывают землю и роют ход сообщения, или новую линию укреплений, как раз напротив ложинки, уже обстрелянной нами. Работают усердно, насыпь растёт и отчётливо чернеет на зелёной

траве. Однако для работ существует ночь, вести их днём, конечно, удобно, но слишком уже дерзко. «Телефонист, доложите на батарею, что неприятель работает вблизи цели № 5, левее 0–20. Не прикажет ли командир открыть огонь?» – «Была команда к бою? Хорошо.»

И напряжённо смотришь в сторону противника, ожидая, когда начнёт работать батарея. Там номера уже подошли к орудию, фейерверкер скомандовал уровень угломера, прицел и трубку, наводчик дёрнул за шнур, телефонист передал «очередь». Резко ахнул позади выстрел, снаряд завизжал, засвистел в воздухе; пройдут 10–20 секунд, пока он долетит. Затем в ярких лучах солнца показывается белое, круглое, красивое облачко и тает в воздухе, уносимое ветром. Одно, другое... Рабочий день начался...

«Русские Ведомости», 13 августа 1916 года, № 187, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

После слов «...остроумных формул и приборов» и до нового абзаца «Усовершенствовавшись в установке трубок...» идёт пробел примерно в 11 строк. По-видимому, описание «остроумных формул и приборов» изъято военной цензурой.

НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ В ГАЛИЦИИ

Генерал Ботмер за оборону занимаемых им позиций, долгую и упорную, получил от императора Вильгельма Железный Крест. Два месяца – после удачного натиска в конце мая – наши части лишь слабо продвигались здесь вперёд, местами не сдвигались

даже вовсе, выжидая, покуда брусиловская армия одержит на флангах достаточно побед, чтобы центр мог наступать, не принося в тяжёлых атаках значительных и ненужных жертв. Мы испытали и безумную трудность этих атак в лоб. Австро-германские окопы вырыты были глубоко, укрытия были прочны и безопасны, перед неприятельской линией проволока наплетена была на деревянных и железных кольях во много рядов, войска снабжены были огромным числом пулемётов и тяжёлых орудий. Нет, разумеется, такой позиции, которую невозможно было бы взять. Но существуют позиции, которые брать не стоит. И потому было решено выжидать, не истощаясь в атаках, того момента, когда ген. Брусилову удастся его зрелый стратегический план. Когда наши войска по ту сторону гор вошли в пределы Венгрии, а по сю сторону Лесистых Карпат заняли Станиславов и Монастыржиску, тогда противник сравнительно легко подался на участке левее нашей дивизии, а из окопов, что были перед нами, он сам ушёл. Было это в ночь с 29-го на 30-е июля. 30-го июля мы начали преследование германцев, австрийцев и мадьяр.

Это было в чудесное летнее утро. Небо безоблачно. Созревшая, но ещё не всюду убранная рожь чередуется в полях с низкими овсами, стройной – почти в рост человеческий – кукурузой и сочным тёмно-зелёным клевером, лёгкий утренний ветерок, идущий с запада, ласкает лицо. Туман ещё стоит над извиистой долиной Стрыны. Пыль слабо поднимается над широкой грунтовой дорогой. Все собрались на позиции батареи: командир, офицеры, разведчики, наблюдатели, телефонисты. Фельдфебель – наш толстый и добродушный подпрапорщик З., высокий голос которого находится в разительном несоответствии с его плотной фигурой – пришёл узнать, как ему быть с резервом. Мы – разведчики – стоим около своих лошадей. Трубач Касперик держит командирского коня. Все бодры, веселы, возбуждены. Командир отдаёт последние распоряжения. Касперик подводит лошадь и капитан садит-

ся в седло. В то же время – не раньше и не позже – и мы садимся на коней, и передовая разведка крупной рысью трогается с места: впереди – командир и рядом с ним – офицер-разведчик, начальник нашей команды; позади командира – трубач; за ними, по трое в ряд, – разведчики, наблюдатели и старший телефонист. Лошади застоялись на месте. Им, видно, тоже надоели позиции на Стрыне, и они рвутся вперёд. Я с трудом сдерживаю своего Налёта: он охотно скакал бы впереди командира. Касперик неодобрительно поглядывает на меня, так как ему не нравится подобное рвение: у него своя профессиональная гордость, и она заключается в том, что в походе его место непосредственно за командиром и никто не смеет опережать его.

Да, это было чудесное утро, и всех обуюла такая радость, какой я давно не видал. Так «он», наконец, отсюда ушёл. Ну, ладно, теперь «он» не скоро остановится. Теперь мы выйдем в открытое поле и будем гнать «его» в глубь Галиции на много-много вёрст.

Мы проезжаем мимо наших окопов и через нашу раздвинутую проволоку, в то пространство между обеими линиями, которое всё изрыто снарядами и где ещё валяются неубранные трупы, свидетельства давнишних боёв: лишь сегодня их можно будет опустить в братскую могилу. Командир полка стоит у немецкой линии, и мы подъезжаем к нему. Затем, получив новые указания о том, куда продвинулась наша пехота, мы едем дальше через брешь в проволоке противника и через его окопы, затем, по полям без дороги к той деревне, которую я столько раз разглядывал с наблюдательного пункта в стереотрубку и где вчера вечером квартировали ещё немецкие и венгерские части. Неприятель ушёл сам, у него было время собраться, и всё же он побросал много всякого добра: одеял, белья, брезентов, палаток, леса и проч. Но меня интересуют прежде всего бумажные, а не вещественные ценности. И благодаря стараниям моих товарищей кобуры моего седла вскоре оказываются набитыми письмами, журналами, газетами. Здесь

есть и «Jugend», и «Simplicissimus», и много саксонских и прирейнских газет – вероятно, соответственно составу германских полков; австрийских довольно мало; венгерские я по неграмотности не подбираю.

Вот наша пехота, расположившаяся на отдыхе в ожидании более точного выяснения обстановки и получения нового приказа. Где передовые цепи? Впереди? Мы едем дальше, догоняем и перегоняем их, узнав от подпоручика-ротного командира, где бродят пехотные разведчики. Шагом подвигаемся вперёд, уже осторожнее и осмотрительнее и останавливаемся на перепутье у креста. Командир пишет первое донесение, а мы в бинокли осматриваем бугры, за которыми скрывается долина Коропца. Чьи они теперь, эти бугры? Там бродят отдельные фигуры разведчиков, быть может, наших, быть может неприятельских. Пехотная разведка не дала ещё определённых результатов, а между тем нам нужно знать, выбирать ли в этом районе позицию или можно продвигаться с батареей дальше. Чем раньше батарея займёт позицию и будет готова открыть огонь, тем лучше, ибо тем сильнее будет нажим на неприятеля.

Мы спешились у креста. Подвигаться дальше всей группой неблагоразумно. «Кто хочет продолжить разведку?» – спрашивает командир. – Оказывается, что хотят решительно все, и спрос ни к чему не привёл. Тогда разведчиков назначает сам командир, и мы втроём снова садимся на коней: подпоручик Ковалёв, разведчик Фёдоров и я. Едем ложиной вдоль бугра, затем поднимаемся на высоту.

Вдали, ещё за одним бугром, видна шоссеяная дорога, и по ней движутся фигуры, по-видимому, неприятельских солдат. Встречаем своих пехотинцев и расспрашиваем, но показания их противоречивы. Надо взобраться на соседнюю высоту: кто знает, может быть немцы далеко, а здесь остались лишь ничтожные полевые заставы, которые только следят за тем, как наши части продвигаются вперёд. Мы спускаемся с бугра в ложину и снова поднимаемся

вверх вдоль полоски, засеянной кукурузой. Солнце уже высоко, и страшно хочется пить: в моей фляге – три глотка, которые мы делим на три части. Затем мы спешиваемся и, держа лошадей в поводу, выходим на открытый бугор. Немцы – теперь мы уже определённо знаем, что это они – перед нами на шоссе.

Конечно, мы могли бы быть благоразумнее, и никто впоследствии наших тактических приёмов не хвалил. Лошадей следовало оставить в ложине, скрыто следовало пробраться на высоту и скрыто наблюдать; продвигаясь на четвереньках; как можно ближе к врагу. Но это был первый день наступления после столь долгого перерыва; наконец, нас не связывала линия окопов; кому же была охота думать об осторожности? Мы шли по бугру вдоль кукурузы; повод – в одной руке, в другой руке – бинокль.

А они стоят на шоссеяной дороге – их человек десять – и тоже рассматривают нас. И до того соблазнительно подойти к ним ещё ближе, что мы продолжаем шагать по направлению к шоссе. Теперь можно уже заметить на шоссеяной дороге какие-то чернеющие бугорки – по-видимому, окопчики – и ясно различить шапки и снаряжение германцев. Я не знаю, сколько времени мы бы ещё шли, как бы загипнотизированные непривычной обстановкой, но спускаться с бугра нам не пришлось «по независящим обстоятельствам». Вблизи раздался тонкий свист, и что-то вонзилось в землю на соседней делянке. Затем ещё и ещё. Над окопчиками появились огоньки, и немцы, решившие, очевидно, что мы подошли достаточно или даже слишком близко, стали обстреливать нас ружейным огнём. Лошади вырвались и помчались назад, да и удерживать их не стоило, так как они легко могли быть ранены. А мы залегли в кукурузе. Когда стрельба ослабела, мы сделали перебежку и снова залегли и в таком порядке отходили, пока не скрылись за бугром. Лошади явились к командиру раньше, чем мы, и о нас уже беспокоились. Но нас не бранили за странный способ разведки, ибо я ведь сказал, – это был необыкновенный день. Командиру дивизиона были доложены

сведения об обстановке, и решено было поставить батареи в этом районе, пока пехота не продвинется дальше вперёд.

Да, это был хороший день, а вечер был для нашей батареи так грустен, что я всегда буду с горечью вспоминать о нём. Батарея стала на позицию, спешно был выбран наблюдательный пункт, и наш офицер-разведчик Владимир Владимирович Ковалёв с телефонистами и наблюдателями отправился открыть стрельбу. В такие моменты некогда бродить по холмам и искать скрытых и безопасных уголков. И уж, конечно, нет времени рыть глубокие убежища и покрывать их в несколько рядов толстыми стволами, которые в счастливый случай могут уберечь даже от разрыва тяжёлого снаряда. Идут с телефонистом, раскатывающим провода, до первой высоты, с которой заметен неприятель, и командуют: «Огонь!» А затем, если понадобится, двигаются дальше.

Уже выпущено было несколько очередей и можно было заметить удачное попадание в заранее приготовленные неприятелем неглубокие окопы, уже группы германских солдат стали спускаться в лощину, спеша уйти от огня, а наши пехотные цепи вновь поднялись из быстро выкопанных «лунок», чтобы продолжать преследование, когда противник обнаружил наш наблюдательный пункт. И началась пристрелка. Немцам и австрийцам надо отдать справедливость – они стреляют метко. Вторым выстрелом было взято верное направление. Был перелёт и недолёт. Наши отошли в сторону, неприятель перенёс огонь. «Отбеги влево, – сказал Ковалёв рядовому Арсеньеву, – я пойду за тобой». Арсеньев отбежал шагов на двадцать, когда в воздухе провизжал снаряд – и граната упала у ног подпоручика.

Его засыпало землёй и осколком ударило в голову. В первый момент его сочли убитым, но затем оказалось, что его лишь ранило и контузило тяжело. На носилках мы доставили его к врачу на батарею; оттуда его отнесли на 12 вёрст в перевязочный отряд. На другое утро, несмотря на старания врачей, его не стало...

Я не могу не посвятить В.В. Ковалёву несколько слов. Конечно, здесь много погибает народа. Много дельных офицеров и солдат, много людей с чистой душой не возвратятся на родину, и мы так привыкли к этому, что смерть для нас, особенно здесь, обыденный, очередной факт. На то ведь и «война», как выговаривают галичане. А всё-таки не можешь стать вполне равнодушным, и человек, как и до войны, остаётся для тебя человеком.

Подпоручик Ковалёв был помощником присяжного поверенного в Казани, способным, деятельным, и там его знали хорошо. Его призвали в начале войны и зачислили в парковую бригаду. Он попросился в батарею и года полтора назад попал в нашу боевую часть. Он полюбил свою батарею и батарея его любила. В нём было сочетание двух достоинств, сочетание редкое и необычайное ценное: у него была твёрдая воля, он знал то, чего хотел, и мог решительно преследовать поставленную цель, и в то же время он отличался необыкновенной мягкостью и добротой и, кажется, любил всякого не беспутного и не беспорядочного человека, которого встречал. Ковалёв стал для меня убедительнейшим опровержением этой нелепости, которой я и раньше верить не хотел. Его авторитет покоился на храбрости, заботливости, серьёзности и постоянном доброжелательстве. Солдаты плакали, когда его несли, раненого, мимо батареи, и они должны были плакать, потому что понесённая ими потеря была незаменима. Она незаменима и для меня, и вместе с товарищами я сохраню в памяти образ моего милого, славного начальника в первых боях.

• • •

А дни шли за днями, немногие дни отдыха и многие дни боёв. Мы переходили по вновь наведённым мостам, а то и вброд через речки, текущие с севера на юг параллельно одна другой, всё туда же, всё к Днестру; тут были и бурные и грязные потоки, образо-

вавшиеся после дождей, и скромные прозрачные ручьи, которые лишь весной заслуживают названия рек. Мы подходили так близко к той высокой гряде гор, что тянется от Буковины до Силезии, что в тихие, ясные вечера, особенно после дождей, смывающих с воздуха все пылинки, слева вырисовывались дивные, грандиозные горные профили, и солдаты спрашивали: «Неужели это Лесистые Карпаты?» – «Они, они самые. Вон как они хороши. Только воевать в них зимою трудно». – «Да, не дай Господи». Но мы снова отходили вправо от Лесистых Карпат, приближались к тому городу, у которого общее со всем этим краем название, бились близ него, а затем, сделав большой ночной переход, ушли ещё значительно правее и добрались до крутых бугров с меловой почвой, на которых линии окопов вырисовываются так, словно их навели известью на зелёной траве. И сидят в этих белых окопах, которых лопатой не выроешь, а пробиваешь киркой, уже не немцы, не мадьяры, не австрийские славяне, а турки.

Весь август прошёл в боях. С утра идёт пробитие бреши в проволочных заграждениях противника, и граната летит за гранатой, по возможности в одну точку, вырывая и разбрасывая колья и раздирая на части колючую изгородь. Когда бреши готовы, в назначенный час начинается «артиллерийская подготовка», и град шрапнелей и гранат рвётся над линией и в линии неприятельских окопов. Эта подготовка, по принятой теперь на нашем фронте системе, ведётся очень интенсивно, но недолго. Под прикрытием урагана своей артиллерии наша пехота выходит из окопов и цепью бежит к укрепленной линии противника. Пробежать надо немного, но пройти несколько сот шагов, отделяющих окопы противника от наших, и перебраться через проволоку, это – как раз та трудная задача пехоты, от разрешения которой главным образом зависит победа. Надобно только дойти: противник штыкового удара не принимает, но дойти под бешеным ружейным, пулемётным и орудийным огнём.

Но вот противник побежал, и наши врываются в его окопы. Мы стреляем уже не по неприятельской линии, а переносим огонь вперёд, преследуя бегущих и не давая подойти резервам. Говорить о победе ещё рано. Часто бывает не так тяжело взять линию противника, как удержать её. Часто противник оставляет свои передовые окопы лишь для того, чтобы потом тем яростнее броситься в контратаку. Наступающий понёс потери и устал. Огонь порвал все провода и телефонная связь нарушена. Много начальников из офицерских и нижних чинов перебито. Что произошло справа и слева бывает трудно установить... Противник пользуется этим моментом, в свою очередь открывает по занятым окопам ураганный огонь и посылает резервы в контратаку: если только, разумеется, у него есть резервы и если первый натиск на неприятеля не был так могуч, что вслед за нашей атакой побежали и передовые, и резервные силы.

Когда успех наступления обрисовался ясно, мы выезжаем на передовую разведку. Выбираем позицию, спешим поставить батарею и гоним отступающих. Ночуем где попало, – около орудий в поле, или в лесу, иной раз – в палатке, иной раз – под открытым небом, то на соломе, то прямо на земле; всем это безразлично, лишь бы скорее уснуть. А наутро батарея снова открывает огонь, опять – в случае дальнейшего отхода противника – снимается с места, и так до тех пор, пока неприятель не остановится на линии, заранее укрепленной, которую с налёта не взять. Тогда позиция батареи и наблюдательный пункт оборудуются основательнее и прочнее, исподволь готовится атака, и наступление продолжается, как было описано выше...

• • •

Над глубокой ложиной, которая на карте носила какое-то замысловатое название, а у нас прозывалась Суходолом, у нас был превосходный наблюдательный пункт. Надобно по справедливос-

ти признать, что мы его нашли, а не устроили сами. Его оборудовали наши предшественники на той же позиции и тем приобрели не только удобную стоянку, но и благодарность ставшей на их место батареи, что в духовно-нравственном отношении, конечно, несравненно важнее. Пункт был в дубовой рощице на значительной высоте. Устраивавший его командир любил комфорт: он поместил трубу не в ровике, а за хорошо замаскированной деревянной стеной; рядом, на полу из молодой берёзки, поставили стол и диван из белых нарядных стволов. Было чисто, удобно, прохладно, так хорошо, что я приходил сюда и вне дежурств читать рассказы и писать письма. Но главное, что было хорошо на наблюдательном пункте, это – огромное поле зрения: мы видели расположение не только своего полка, но и соседних дивизий справа и слева, и когда начался бой, нам представлялось зрелище изумительно интересное. Бой происходил 18-го августа и имел очень счастливый исход. Здесь преобладали германцы, но они быстро побежали вверх за свои окопы при первом натиске нашей пехоты. Условия местности позволили преследовать их огнём довольно далеко, не меняя ни наблюдательного пункта, ни позиции батареи. Благодаря заградительному огню впереди бегущих многие бросились назад, и тут-то получилась ситуация, которой нельзя было не порадоваться от души! Навстречу друг другу идут русские и германские цепи – последние уже без оружия. Их пропускают в тыл, наскоро формируя из них команды, а наша пехота свободно и легко продвигается вперёд. «Откуда вы?» – спрашивал я пленных полчаса спустя, когда мы выехали на разведку. – «Aus Ostpreussen», «Aus Württemberg». – Их было захвачено больше тысячи человек; одни шли в касках, другие – в мягких бескозырках (нормально все снабжены и тем, и другим), и пленные начальники при встрече с нашими офицерами корректно отдавали честь. Некоторые были ранены, но могли идти в общей команде. Иных вели или несли наши санитары. Случалось, что здоровый немец вёл своего раненого то-

варища. Случалось, что германский санитар вёл под руку нашего раненого пехотинца...

Мы успешно продвинулись за сутки, затем остановились в небольшом и уютном фольварке и против ожидания провели здесь несколько дней. Отдохнуть и полежать в прохладном стоделе на соломе было совсем не худо. Кто занимался кулинарией, кто книжной, кто письменной частью; всякий коротал дни как умел. Я лежал между развалившейся печью и разбитой соломорезкой и думал, кажется, о том, как хорошо купаться в это время года в Средиземном море, близ Пизы. И размышления мои на эту тему были если и бесплодны, то во всяком случае чрезвычайно приятны. Там сидишь весь день, покуда светит солнце на широком пляже, в мягком мохнатом халате, а вечером слушаешь на террасе шум прибоя и пьёшь чёрный кофе. Да, это были в высшей степени приятные размышления.

Прервали их товарищи по батарее. «Немца ведут, немца ведут, поговорите с ним!» Действительно, пехотинец вёл к нам германца в каске, в пенсне, бледного, усталого, измученного. Я подошёл, заговорил с ним, затем доложил, кому следовало, и мы отправились побеседовать в мой стодел. Он ел с аппетитом наш чёрный хлеб и, довольный тем, что может поговорить на родном языке, рассказывал мне о своей судьбе.

Он отрекомендовался Gymnasialprofessor'ом, что по-русски звучит проще: преподавателем гимназии. До войны он обучал штутгартское юношество латинскому и греческому языкам, затем в одну из первых мобилизаций был освидетельствован и признан негодным к военной службе. Тогда, желая принять какое-нибудь участие в событиях, он поступил в санитарный отряд: tout comme chez nous. Однако к началу 1916 г. положение изменилось, и «человеческого материала» стало не хватать. Филолога переосвидетельствовали и нашли теперь, что из него может получиться недурной пехотинец. Наскоро обучили, послали на наш северный

1917 год

фронт и оттуда перебросили в Галицию. Здесь он повоевал недолго и в первом же бою попал к нам в плен.

Мой пленник обучался в Мюнхене, и почти в одно и то же время мы слушали в аудиториях на Людвигштрассе лекции по истории Римской империи Пёльмана и по психологии Липпса. И, может быть, в одни и те же летние воскресные дни мы совершали прогулки в баварских Альпах и поднимались на Вацмана или на Цугшпице. «Что делать, пришло теперь для вас время посмотреть на степи и леса восточной Европы, а пока положите побольше хлеба в карманы – вам предстоит немалый путь – и прощайте».

Gymnasialprofessor последовал моему совету и пошёл, сопровождаемый нашим пехотинцем, в штаб дивизии. А я отправился доложить начальству о том немногом в нашей беседе, что могло представляться сколько-нибудь интересным в военном отношении.

«Война, пане, война, ниц не зробиш».

«Русские Ведомости», 28 сентября 1916 года, № 223, с. 2–3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

После слов «Мы испытали...» и до слов «...и безумную трудность этих атак в лоб» идёт пробел примерно в 2 слова. По-видимому, слова о части испытанного изъяты военной цензурой.

При характеристике В.В. Ковалёва перед предложениями «Ковалёв стал для меня убедительнейшим опровержением этой нелепости, которой я и раньше верить не хотел» военной цензурой изъято примерно две с небольшим строки, рассказывающие, по-видимому, о «нелепости», которой Л.Н. Юровский «и раньше верить не хотел».

После слов «...пришло теперь для вас время посмотреть на степи и леса восточной Европы...» военной цензурой изъято примерно две строки, за которыми следует «...а пока положите побольше хлеба в карманы».

В ЗИМНИЕ ДНИ (ПИСЬМО С ПОЗИЦИЙ)

После обеда садились за пульку. Некоторое время спорили о том, играть ли с разбойником, или без разбойника, и как вести запись, с ответственным или с простым вистом. Потом, условившись, посылали в канцелярию за листом писчей бумаги, аккуратно прикрепляли его кнопками к столу и тщательно расчерчивали карандашом. Затем тянули карты из колоды, распределяли места и усаживались. Играли сосредоточенно и долго, коротая зимние дни, дни позиционной войны, однообразной и скучной.

В шестом часу темнело, и зажигали большую лампу с белым абажуром, дёшево купленную в Коломне при распродаже реквизированных в бесхозяйных лавках товаров. К 7-ми часам кончали и звали вестовых: «Эй, орлы, подавайте ужин!». И если повар Фурман, chef de la cuisine de la batterie, присылал в каком-нибудь виде солонину, – а это очень уж часто случалось в последнее время, – то кто-нибудь из более молодых, помнящих песни военного училища, затягивал на опереточный мотив: «Как хороша во всяком виде солонина, ах, солонина, ах солонина» и т.д.

А после ужина наш «старик» – немолодой прапорщик, о котором утверждают, по-видимому, преувеличивая его действительный возраст, что он призывался ещё в первую Отечественную войну, – предлагал: «А что бы нам попробовать в стуколку, или в девятый вал, или в железку; врежем?» И если не находил сочувствия, садился играть с Евгеньичем в «безик», игру спокойную, но более скучную, чем какое-либо занятие из всех придуманных человечес-

твом. Таково по крайней мере моё мнение; по существу, это, конечно, дело вкуса, я же лично безика не люблю.

Утром один из нас уходил на наблюдательный пункт, остальные же вставали поздно и занимались немногими делами, писали письма или гуляли до обеда.

В эти тоскливые дни и долгие ночи, когда промерзли тонкие стены нашей халупы и приходилось сверх двух одеял накрываться шинелью и меховой курткой, а часто днём стоял густой зимний туман и поднималась снежная вьюга, в эти дни и ночи большим утешением служила захватывающая красота окружающей горной природы. Слава Богу, что нас послали зимовать в Карпаты, иначе можно было бы стосковаться совсем. А здесь, в предгорьях, высоты – около 1000 метров, подалее, в руках австрийцев, но в пределах нашего горизонта – даже до 1000; здесь чудесные виды на горные хребты и долины: тесную долину, поросшую лесом и широкую долину быстрой горной реки, текущей до Станиславова и дальше; в этой долине много деревень, частью в наших, частью в неприятельских, частью в ничьих руках. Мы стоим далеко от противника, и в нейтральной зоне между передовыми заставами бродят наши и его разведчики. Иногда удаётся поймать нескольких человек пленных, иногда перебежчики приходят сами, пользуясь тем, что уйти и придти здесь очень легко; недавно наши разведчики отправились в нейтральную деревню, зашли в халупу, а там сидит мадьяр за столом и пьёт молоко; поздоровались и взяли его с собой.

Днём понемногу стреляют наши взводы, выдвинутые вперёд; в горах гулко раздаются разрывы шрапнели, и эхо много раз повторяет знакомый звук. Иной раз встретятся партии пехотных разведчиков и затеют ружейную перестрелку. Даже наступления изредка бывают в скромном масштабе небольшой горной войны. Случается, что мы читаем о них в сообщениях штаба и улыбаемся друг другу, как авгуры.

Наш наблюдательный пункт очень высоко: шутка ли для полевых артиллеристов 795 метров! И даже настоящей дороги до вершины нет. Утром, когда светает, выезжаешь верхом в сопровождении разведчика и поднимаешься по крутой тропинке. Налёт не любит горных прогулок: шагать в гору, имея в седле человека весом в 5 пудов, очень тяжело, а в горном пейзаже мой конь не усматривает, по-видимому, никакого толку; он фыркает и напряжённо дышит в трудных местах, и если мечтает о чём-нибудь, так, вероятно, о возвращении домой и о куске сахара, который он получит, когда подъём будет закончен.

В ста метрах от вершины отдаёшь лошадь ординарцу, и он ведёт её в деревню, а сам поднимаешься до самой вершины, опираясь на ясеневую палку с острым наконечником. Эти палки делает хозяин нашей халупы, старый русин-лесник, состоящий на службе у чешского графа, которому принадлежат леса и охоты в наших местах. Здесь много всякого зверья. Во время прогулки часто встречаешь лисицу, в снегу много следов зайцев и диких коз. Водятся даже кабаны, и ходить в одиночку без оружия в лесу небезопасно. Говорят, что месяца два назад кабан заел в горах запоздавшего казака.

На наблюдательном пункте замаскировано стоит стереотруба, которую наши солдаты называют стерва-труба. На восточном склоне устроена землянка и в ней – стол, два стула и печь, сложенная из кирпичей. Дежурят здесь фейерверкер-наблюдатель и двое телефонистов: их застаёшь уже на месте, когда приходишь наверх. Если погода стоит ясная, глядишь в стереотрубу: на снегу ясно виднеется проволока противника, протянутая во много рядов по склону высокой горы на левом берегу Быстрицы, видны неприятельские землянки, и часто можно наблюдать работы чёрненьких существ на таком расстоянии, что их не обстрелять из наших лёгких орудий. Если же в горах туман, устраиваешься в землянке, читаешь книжку, или ведёшь с дежурными беседу. О чём? О прошлом батареи, о том, как воевали вначале в Люблинской губернии,

под Ченстоховом, или на Нареве, об отступлении в 1915 году, о прежних командирах, о наградах – медалях и крестах. О наградах нижние чины говорят очень много. После японской войны установили большие пенсии для награждённых, и теперь стали выдавать награды крайне скупно, если принять масштаб, соответствующий размерам нынешней небывалой по напряжённости войны. Я говорил об этом с опытными, хорошими командирами, и они вполне соглашались со мной. К сожалению, насколько я знаю, никто не поднял громкого и авторитетного голоса за изменение этого порядка.

Когда стемнеет, возвращаешься домой, застаёшь своих за пулькой и, голодный, озябший, набрасываешься на обед, который разогревает всё тот же доблестный Фурман.

Почти всё население, какое было, – кроме мужского, разумеется, – осталось в деревнях. Бабы очень красивы в этой части Галиции, смежной с Буковиной; ходят по праздникам в ярких платьях с бусами и лентами и в белых расшитых полушубках с рукавами или без рукавов. С нашими солдатами установились очень дружеские и весьма интимные отношения: будущее поколение с трудом найдёт своих отцов. Живут не очень сыто, больше кормятся картошкой, а хлеба имеют мало, сахара и вовсе нет. Но попадаются зажиточные семьи, благодаря счастливому стечению обстоятельств сравнительно мало пострадавшие от войны. Ещё до Рождества я жил некоторое время в такой семье.

Хозяйку звали Мария Степанчук. Муж – на войне и старший сын тоже. Но дома остались дочь-работница, сын Михаил, 16-ти, и Василий, 12-ти лет. Есть лошадь, три коровы, больше 20 моргов (10 десятин) земли. Михаил – толковый, хороший малый; он учился до войны в украинской гимназии в Надворной, но не потерял крестьянского облика, крестьянских привычек и способностей к тяжёлому физическому труду. В этом доме есть всё, что нужно, настроение в нём бодрое и весёлое, в нём сохранился мирный уют. Почти целый месяц я прожил у Степанчуков и подружился с ними. Хозяе-

ва дорожили спокойным гостем, который в случае надобности мог и вступить за них, и Мария Степанчук не жалела для «пана профессора» муки, молока, масла и сметаны. И я должен сказать, воздавая по заслугам подданным враждебной нам державы, что нигде и никогда я не ел таких вареников, как в доме пани Марии. Это были чудесные, необыкновенные вареники. Только тут, в скромной деревушке, на склонах лесистых Карпат, я понял, прочувствовал, осознал, почему в нашей литературе вареникам принадлежит столь видное место и убедился, что в суетной человеческой жизни – всюду суетной, и в мире, и на войне – вареники могут явиться источником большого утешения не для одних только украинцев.

«Русские Ведомости», 26 февраля 1917 года, № 47, с. 3.

ЗАПОЗДАЛАЯ МУДРОСТЬ

Когда экономисты хотят исследовать сложный хозяйственный вопрос, они прибегают иногда к такому приёму: рассматривают его в сравнительно простых условиях изолированного государства и затем, внося поправки, распространяют свои выводы на реальные экономические и социальные отношения. Почему бы не воспользоваться тем же методом и для политических целей, когда изолированное государство налицо? Явления в нём проще и яснее, и выводы из них напрашиваются сами собой.

В обычное время изолированного государства, пожалуй, и не найдёшь. Зато теперь этих народившихся и нарождающихся государств чрезвычайно много. Излюбленный пример – всё тот же вольный город Кронштадт. Он, может быть, успел уже несколько

надоесть читающей публике. Но краткая новейшая история острова Котлина столь поучительна, что было бы ошибкой не остановиться ещё раз на последнем сообщении о событиях на нём. Мы имеем в виду не грабежи, не смертные казни, не действия следственной комиссии, а отношение кронштадтского населения к кронштадтской власти.

Кронштадтская власть в короткий срок перешла все фазисы развития, через которые проходит всякое живое существо. Зародившись в порыве революции, она из органа революционной демократии, призванного расчистить пути новому строю, силою вещей постепенно стала превращаться в орган государственной власти. Это был период роста. Почувствовав себя властью, кронштадтский совет солдатских и рабочих депутатов пожелал стать властью независимой и вступил в конфликт с временным правительством и всей революционной Россией. Это был момент высшего развития. Но не прошло и двух недель, как кронштадтская власть стала склоняться к упадку. Она, по-видимому, не в силах более справиться с населением, которое создало её, и доверие, которым она пользовалась, начинает исчезать. «Не верим вам» – кричала толпа членам кронштадтского исполнительного комитета, когда они требовали выдачи преступников. Это был вотум недоверия неорганизованный, конечно, неокончательный, но в то же время не случайный и показательный.

И тогда кронштадтские организации выпускают воззвание, в котором так много благоразумия, что удивляешься, каким образом сохранились столь большие запасы этого свойства на острове Котлине.

«Всякое революционное выступление имеет смысл только тогда, когда оно организовано, – говорится в воззвании. – Каждое действие отдельного лица или группы может дать возможность врагам революции истолковать и использовать это выступление в своих целях для создания контрреволюции. Вы сами избрали совет ра-

бочих и солдатских депутатов как революционный центр, вокруг которого должна группироваться вся революционная демократия Кронштадта. Следовательно, все распоряжения, исходящие из этого центра, должны быть обязательны для всех, кому дорого дело революции. Всякое выступление отдельных вооружённых сторон, а равно прекращение работ с целью активных выступлений отдельных групп ведёт к дезорганизации наших революционных рядов, всякие же безответственные призывы к активному выступлению со стороны отдельных лиц или групп, явно вредят делу революции». Под этим воззванием подписались: исполнительный комитет кронштадтского совета р. и с. депутатов, кронштадтский комитет большевиков, комитет с.-р., меньшевиков, фракция беспартийных и организация анархистов-коммунистов.

Все эти группы, столь мало похожие друг на друга, внезапно объединились на государственной точке зрения, которая некоторым из них совсем недавно была абсолютно чужда. Большевики, товарищи которых готовили на днях в Петрограде за спиной петроградского совета р. и с. депутатов вооружённую демонстрацию, в Кронштадте неожиданно заявляют, что «выступления отдельных вооружённых сторон ведут к дезорганизации наших революционных рядов». Это как будто непоследовательно: почему в Петрограде поведёт к торжеству революции то, что в Кронштадте ведёт к её дезорганизации? Почему на всём пространстве России отдельные группы большевиков и анархистов пытаются разрушить новую власть, а в Кронштадте они утверждают, что население должно повиноваться новой власти? Почему «каждое действие отдельного лица и группы» в Кронштадте даёт возможность врагам революции истолковать это действие и использовать его в целях контрреволюции, а вне Кронштадта отдельные действия большевиков, направленные против государственной революционной власти и советов р. и с. депутатов, для дела революции полезны? Почему?

Ответ элементарно прост. Потому, что в России большевиков ещё сравнительно мало, а в Кронштадте их уже сравнительно много. Потому, что в отношении к русской революционной власти кронштадтский совет и кронштадтская фракция чувствуют себя революционной оппозицией, а у себя дома они сами чувствуют себя революционной властью. Поэтому-то они и переписывают политические рецепты, давно составленные в Петрограде; но они, конечно, рекомендуют их для использования исключительно в пределах своего вольного острова. На этом острове люди, недавно с небольшими оговорками отрицавшие русскую государственность, теперь внезапно сами становятся на государственную позицию и призывают к повиновению и порядку. В Кронштадте приверженцы Ленина заражаются, по-видимому, «буржуазными предрассудками», которыми, по их словам, давно преисполнены все социалистические партии, кроме большевиков.

Но благоразумие приходит слишком поздно. Почему бы теперь кронштадтскому населению повиноваться своей местной власти, когда оно не желало повиноваться власти российской? Никакого логического основания для такого требования нет. И если только Кронштадт глубоко проникся теми политическими принципами, в которых он жил в течение трёх месяцев, то воззвание, которое цитировано выше, едва ли покажется ему убедительным. Кто сеет ветер, пожинает бурю.

Ленин хочет добиться власти через анархию. И желание его как будто осуществимо. Но в тот день, когда он выйдет из Мариинского дворца, чтобы приветствовать от имени нового правительства народ и потребовать повиновения себе и новому совету большевистских и дезертирских депутатов, площадь перед дворцом будет пуста; а на окраинах Петрограда начнёт скопляться народ с криками: долой правительство Ленина! Ибо истинная революционная власть не рождается из анархии. В этом

отношении анархия бесплодна, и тот, кто идёт через неё, рано или поздно проиграет свою игру.

«Русские Ведомости», 18 июня (1 июля) 1917 года, № 137, с. 3.

БЕЗ ЛОЗУНГА

Вопрос о войне и, в частности, вопрос о наступательных боях требует, прежде всего, полной определённости в постановке и разрешении. Чтобы вести армию в бой, ей нужно дать ясный лозунг. Особенно это необходимо теперь, когда начала принуждения почти отпали, когда новая дисциплина едва только налаживается, когда народ призывается добровольно идти на смерть ради осуществления своих политических и социальных целей.

В откликах печати на телеграммы о галицийских боях есть два отчётливых лозунга.

Большевистский «Социал-Демократ» ясно и без оговорок отмежевывается от тех партий и групп, которые приветствовали наступление. Теперь, как и прежде, он заявляет: «Долой войну!». Теперь, как и прежде, англо-французский пролетариат представляется ему более опасным носителем империализма, чем германские аграрии и крупные промышленники. Для него наступление – преступный акт, лишь провоцирующее кротких германцев. Смысл этой точки зрения не возбуждает сомнений. Всегда отраднее, когда люди отчётливо знают и прямо заявляют, чего они хотят.

«Единство» на противоположном фланге социал-демократического расположения и «Воля Народа» на правом фланге социалистов-революционеров высказались не менее определённо. Они

приветствовали наступление. Они увидели в нём доказательство того, что усилия заново организовать революционные войска не пропали даром. Для них наступление – тот шаг, без которого надежда на скорый мир становилась всё более и более призрачной. И вместе с тем, сознавая, что при огромном моральном и физическом напряжении, которого требует вооружённая борьба, успех может быть лишь на той стороне, которая идёт сомкнутыми рядами, эта группа социалистических органов призывала к единению в трудный момент последней решительной борьбы. Быть может, с меньшим пафосом и подчёркивая несколько иные точки зрения, московская с.-р. печать тоже приветствовала успехи русских войск.

Но в промежутке между этими двумя лозунгами лежит целая серия сложных рассуждений, которые имеют, пожалуй, свою теоретическую ценность; но они бесплодны и, более того, недопустимы в практических условиях, когда вопросы ставятся неумолимо ясно и ответы должны звучать вполне определённо. Людям, идущим на смерть, нельзя говорить: «Ступайте, но помните, что ваш подвиг полезен лишь постольку, поскольку... Остерегайтесь, как бы ваша жертва не была использована в целях, которые совсем не следует защищать; идите вперёд, но глядите по сторонам, как бы вашим порывом не злоупотребили для подавления вашей же свободы».

Люди умирают не «постольку, поскольку», а уж если умирают, так просто и без всяких оговорок. И кто признал, что перед лицом вооружённого врага оружия не бросают и что война ещё нужна, тот должен иметь также и моральную смелость прямо и определённо это сказать и взять на себя полную ответственность за свои слова.

Только в каком-то моральном и политическом ослеплении можно этого не понимать. Лишь игнорируя все свойства человеческой души, можно требовать от людей высших жертв и в тоже время убеждать их в том, что, строго говоря, эти жертвы бесполезны.

Если они бесполезны, поступайте, как большевики. Если они необходимы, призывайте к ним без ассортимента оговорок. Ведь мы не историю русской революции пишем, где можно констатировать, что «роковое положение потребовало в такой-то момент пролития крови, которая делу свободы оказалась ненужной». Мы участвуем в живом процессе, где действуют живые люди, а не машины.

Вот цитата из газеты «Вперёд», цитата очень характерная для того политического стиля, о котором идёт речь.

«Против одних империалистов в союзе с другими – таково фактически то роковое положение, в котором мы продолжаем находиться, хотя наш лозунг, наша твёрдо выраженная воля это – борьба против всех империалистов, это – стремление порвать общий империалистический круг и ликвидировать братоубийственную бойню народов.

Война продолжается. И пока народы мира и их правительства под влиянием международной демократии не пойдут навстречу тем лозунгам мира, которые выставила русская революция, войне нет конца. Ибо не на полях сражений, не под гул пушек, трескотню пулемётов, не победными кликами торжества одной коалиции над другой создаётся тот демократический мир, который единственно может дать мир народам всего мира.

Единодушно отказавшись от сепаратного мира, связав судьбу нашей революции с исходом всемирной войны, мы вынуждены оставаться в тех же окопах, в которых нас застала революция, на тех же позициях».

Допустим, что всё здесь верно по существу: положение роковое, наши союзники – империалисты, «развивающиеся активные операции на фронте – даже и удачные, даже и победоносные – не могут дать нам окончания войны» и т.д. Но тот, кто это думает, должен понимать, что в день, когда ему удалось бы внушить всей армии в достаточной степени свой скептицизм и своё недоверие, армия перестала бы воевать. Нельзя признавать необходимым

участие в империалистической войне и быть противником империализма. Нельзя считать, что бои не способны приблизить мир и в то же время говорить солдатам: участвуйте в боях. Это противоречит и здравому смыслу, и природе человека.

Война – жестокое и варварское дело; мысль человеческая работает очень упрощённо на линии фронта, и сложные политические построения в окопах совершенно недоступны ей. Солдаты, выходящие из окопов, чтобы броситься в атаку, хотят и должны бесспорно знать, достойны ли доверия их вожди и борются ли они за свои подлинные интересы и за правое дело. И на этот вопрос необходимо ответить категорически: да или нет. Всякий промежуточный ответ практически сводится к уклонению от ответа; вместо ясного лозунга он содержит запутанное пессимистическое рассуждение на тему о войне. Пессимистические рассуждения могут быть подходящим занятием для философов и литераторов, но никак не для политических деятелей, желающих руководить общественным мнением и обладающих в надлежащей мере чувством ответственности за свои действия и слова.

«Русские Ведомости», 23 июня (6 июля) 1917 года, № 141, с. 3.

ВОССТАНИЕ

Петроградское восстание назвали бунтом во вчерашнем номере газеты, и в известном смысле правильно, что его назвали именно так. Это было движение, которое не смеет претендовать на громкое и славное название революционного выступления; движение без политического содержания, без государственной цели. Это

был бунт, в трудном процессе революции, быть может, неизбежный, но не привнесший в этот процесс ни одной новой идеи. Если и верно, что дух разрушения есть в то же время созидующий дух, то верно это далеко не всегда. Возможны разрушительные течения, которые не созидают решительно ничего. Они, правда, обречены в конечном счёте на гибель. Но это не мешает им проявлять свою, подчас очень большую силу до тех пор, пока подлинно творческие силы страны не окрепнут в достаточной мере, чтобы справиться с ними.

Петроградское восстание было политически бессодержательно. На знамёнах демонстрировавшей толпы не было ни одного требования, которое имело бы реальный политический смысл. Толпа шла вслед за руководителями-большевиками не потому, что они предлагали ей программу, для неё более убедительную, чем программы других партий, сделавшихся уже партиями порядка, а потому, что темперамент и настроение неудовлетворённости побуждали её выйти на улицы и протестовать против всякой власти, т.к. именно в ней она видела виновника своих бед.

В политической области не осталось демократических требований, которые принципиально и в значительнейшей мере практически не были бы уже удовлетворены. Требовать перехода власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в момент, когда из состава временного правительства всё равно уходит большая часть министров-несоциалистов, значит в сущности ничего нового не требовать, ибо абсолютно никакой практической разницы между представителями советов, именуемыми «членами исполнительного комитета», или теми же лицами, именуемыми «министрами», нет.

В области международных отношений, точнее – в вопросе о войне, никакое правительство не в состоянии будет удовлетворить желание людей, жаждущих немедленного мира. Демагоги, агитирующие в настоящее время против наступления и призыва-

ющие солдат к неповиновению революционной власти, делают это лишь потому, что они безответственны и никаких практических планов к приближению мира принимать не обязаны. Но они сами превосходно знают, что надо либо вести войну до тех пор, пока противник не согласится на предложенный ему общий мир, либо заключить мир сепаратный. А т.к. ни одна правительственная власть сепаратного мира на свою ответственность не возьмёт, ибо этим она поставит государство политически и экономически в безвыходное положение и нанесёт сама себе удар, то и руководители петроградского восстания не могли предложить в этой области ни одного реального лозунга, который выходит за пределы того, что принято советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и осуществляется временным правительством.

В сфере аграрной политики важнейший вопрос принципиального значения предрешён. Что вся земля перейдёт в руки «трудовых» групп населения в настоящее время не подлежит спору. Остаётся вопрос о том, производить ли немедленный захват, или предоставить решение через 3–4 месяца Учредительному Собранию. Однако, из-за 3–4 месяцев революции ведь не устраивают.

В области промышленной и рабочей политики скорее всего можно найти новые требования. Здесь есть меньшинство, рассчитывающее на возможность введения социализма в России, и против него стоит подавляющее большинство, которое считает такой план утопией. Но предположения меньшинства так мало обоснованы ими, так мало носят характер практической программы, что даже и в этой области нельзя найти каких-либо определённых лозунгов петроградского движения.

Против стоящих у власти организованных сил демократической России выступают не вновь организовавшиеся силы, наметившие новые, политические и социальные пути и требующие участия во власти, а выступают с чисто разрушительным протестом элементы, которых революция не удовлетворила, ибо она не дала им того,

чего они ждали от неё. Они жаждали мира, между тем, как продолжается война, они жаждали благосостояния, а страна во многих местах переживает голод. Вместо того благоденствия, которое должно было наступить, государство требует всё больших жертв, и лучшие дни, наступят, очевидно, ещё не скоро.

На этой почве растёт недовольство. Но из недовольства не возникает на этот раз политического движения, ибо вожаки недовольных не находят новых политических путей. Из недовольства возникают лишь бунты в Нижнем Новгороде, в Ярославле, в Рязани то среди населения, то среди войск гарнизона, и возникает, наконец, грандиозный петроградский бунт, угрожающий уже центру революционной власти.

Задача власти в высшей степени трудна, но у неё нет выбора: всеми силами и средствами, которыми она располагает, она должна бороться с направленным против неё движением. Она борется не за одну политическую платформу против другой платформы. Она борется за самую сущность революционных завоеваний, ибо падение её под влиянием якобы крайних левых сил имело бы те же практические последствия, как и её падение под влиянием контрреволюции. И в этом смысле петроградский бунт по содержанию своему определённо контрреволюционен. В этом смысле мы вступили в фазис самой напряжённой борьбы русской революционной власти за существование. Не предаваясь иллюзиям, не предугадывая исхода, мы должны, во всяком случае, признать, что участие в этой борьбе является политическим долгом всех граждан, дорожащих свободой России.

«Русские Ведомости», 6 (19) июля 1917 года, № 152, с. 1.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Много и часто говорили в течение последних месяцев о том, что стране угрожает гражданская война, говорили в надежде предупредить тот фазис революции, который наиболее страшен и опасен для самого её исхода. Ныне этот фазис наступил, и гражданская война налицо. Критические дни пришли гораздо скорее, чем это можно было ожидать, и дело революции – в смертельной опасности. Надо признать прямо и без обиняков: положение настолько трудно, что, кажется, никто не видит сколько-нибудь надёжного выхода из него. Надо «работать и не отчаиваться» и верить в свою страну. Больше мы ничего не знаем.

Элементы гражданской войны в высшей степени сложны, противоречивы, не всегда уловимы. Большевики с одной стороны и черносотенцы – с другой, фанатики-интернационалисты и государственные изменники, люди голодные и люди подкупленные, часть бывшего подполья, не могущая приспособиться к новым условиям политической жизни, и бывший полицейский участок, который не желает примириться с ними, люди усталые, которые хотят только мира и разрешения разойтись по домам, и люди беспокорные, готовые приветствовать всякое восстание уже потому, что это удовлетворяет их стремлению к авантюре, – всё это и ещё многое другое встретилось в одном лагере, не склонном теперь признавать никакую власть, – лагере противогосударственном по самому существу своих настроений. По одну сторону этот лагерь, по другую сторону – революционная власть, и между ними – борьба в самой острой форме – борьба, в которой обе стороны уже

взялись за оружие, в которой политический и моральный авторитет уже не действует, и на первый план выступил вопрос о силе: это и есть гражданская война.

Но она происходит не между революционной властью и течениями контрреволюционными в тесном смысле слова. Конечно, не исчезли сторонники старого порядка, и всякий раз, как где-нибудь – в Петрограде, в Нижнем Новгороде или на фронте – завязывается сложный узел и вспыхивает бунт, – всякий раз обнаруживается где-либо на сцене фигура агитатора, не столь давно состоявшего на службе в охранном отделении. Но черносотенные лозунги имеют пока лишь второстепенное значение, если не считать отдельных уголков России. Сторонники старого порядка не обнаруживают своего подлинного лица, ибо почвы для контрреволюционной агитации в общем в стране, очевидно, нет. Революция борется не с контрреволюцией, а с анархией.

Если в первом фазисе нашего революционного процесса речь шла о том, чтобы приобщить к власти революционно-социалистические круги, если во втором фазисе борьба велась под лозунгами «долой буржуазных министров» и «вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», то теперь, когда последний лозунг практически осуществлён, борьба ведётся уже против самих советов. Кто-то из видных общественных деятелей охарактеризовал нынешний период так: «советы рабочих и солдатских депутатов борются с анархией – в этом суть совершающихся событий». Мне думается, что это – правильное определение.

Советы ещё пользуются среди широких масс авторитетом, и они являются сейчас единственными органами, имеющими авторитет. Но это уже не то, что было два-три месяца назад. Уже Петроград показал это наглядно. Он показал это 11-го июня и снова подтвердил в кровавые июльские дни. А вести из провинции почти также красноречивы, как петроградские сообщения. Разве не пришлось силой восстанавливать в Нижнем Новгороде пошатнув-

шийся авторитет совета солдатских депутатов, раскассированного взбунтовавшимися эвакуированными и поддержавшим их полком? Лица, которым приходится встречаться с провинциальными деятелями, знают, что жалобы на недостаточную силу и власть советов постоянны. В Туле, в Ельце, во Владимире, в Рязани, в Липецке, в Ярославле и в десятках других городов, где были эксцессы и где их не было, – всюду жалуются на то, что власть советов, особенно советов солдатских депутатов, уже недостаточно сильна, чтобы обеспечить устойчивость порядка. Им самим уже доверяют лишь постольку, поскольку они плывут по течению и принимают все лозунги толпы. Там, где они поддерживают центральную революционную власть, они то и дело отрываются от той самой массы, из которой они вышли. Трагизм положения заключается именно в том, что органы безусловно революционные и безусловно демократические тоже начинают чувствовать, что почва колеблется под их ногами. Дальше идти некуда. Больше революция ничего не в состоянии дать. Новые уступки невозможны, и власти остаётся только удерживать государство силой на краю пропасти.

В данный момент главная опасность идёт со стороны солдат. Полки, отказывающиеся отправиться на фронт, эвакуированные, заявляющие, что они поедут в действующую армию лишь тогда, когда будут переловлены в тылу «все окопавшиеся буржуи», старые солдаты, настойчиво требующие, чтобы их послали на сельскохозяйственные работы домой, – всё это – горячий материал, воспламеняющийся, когда власть начинает настаивать на выполнении своих приказов. И с того момента, когда революционно-общественные организации требуют подчинения революционным властям, они также рискуют утратить своё влияние и свою силу, ибо массы перестают видеть в них своих истинных представителей и перестают подчиняться им.

В нашей государственной и общественной жизни исчезло психологическое звено, являющееся наиболее крепкой и надёжной

социальной спайкой: это – доверие. Кому-нибудь же нужно доверять, иначе общественная жизнь невозможна. Нельзя построить государство на принципе *homo homini lupus est*. Если взаимное доверие исчезает даже в пределах отдельных классов и групп, если люди перестают верить своим собственным представителям, то это значит, что разрушительный процесс достиг опаснейших пределов. В Нижнем Новгороде эвакуированные кричали, что члены с.с.д. – буржуи, которым верить нельзя. На этой грани нет уже классовой борьбы, а начинается война всех против всех. Это – не просто гражданская война, это – один из худших видов её.

В трудные дни, когда ещё и внешний враг прорвал наш фронт, не время считать ошибки и попрекать друг друга. В эти дни определённое должно быть намечено, кто по какую сторону революции, и теснее должны сплотиться те силы, которые готовы спасти государство и революционные завоевания. Гражданская война всё равно началась. В этой войне революционная власть должна либо восторжествовать, либо погибнуть. А чтобы восторжествовать, она должна прежде всего дать себе ясный отчёт, что война налицо.

«Русские Ведомости», 11(24) июля 1917 года, № 156, с. 3.

ДВЕ ДИКТАТУРЫ

Слово «диктатура» сказано, и дело сделано. Гражданская война приблизила нас к диктатуре, а позор 11-й армии, которому не было равного во время всей европейской войны, привёл нас к ней с такой быстротой, о которой не помышляли даже глубокие

пессимисты. Формально диктатура не объявлена, но политическое содержание важнее юридической формы. А содержание так властно диктовалось событиями, что центральный исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов и исполнительный комитет совета крестьянских депутатов почти единогласно приняли его.

За временным правительством признаны «все неограниченные полномочия», и оно названо правительством «спасения революции». Очевидно, самое название дано лишь для того, чтобы показать, что характер власти временного правительства отныне изменяется.

Правда, министры-социалисты обо всей своей деятельности докладывают объединённому собранию исполнительных комитетов не менее двух раз в неделю. По-видимому, эта ответственность в данное время лишена большого политического значения. Неизвестно ещё, насколько сильным окажется временное правительство нового состава. Но довольно безошибочно можно предсказать, что оно будет *сильнее* исполнительных комитетов. Передав временному правительству «неограниченные полномочия», советы тем самым отошли на второй план. Члены временного правительства будут по-прежнему апеллировать к авторитету «центральных органов организованной революционной демократии», но в этих заявлениях не будет уже живого духа, они обратятся в условную формулу, обязательную для половины кабинета.

Придуманно довольно сложное построение «паритетного» правительства в составе пяти министров, ни перед кем не ответственных, и пяти министров, ответственных перед исполнительным комитетом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Но сущность этого построения проста. Она сразу же бросается в глаза всякому, кто следил за ходом развития революции. Эта сущность новой правительственной комбинации – диктатура А.Ф. Керенского и И.Г. Церетели.

Именно они оказались наиболее яркими фигурами, выдвинутыми революционным процессом, и несомненно почти вся совокупность власти, – поскольку у временного правительства вообще окажется власть, – будет сосредоточена в их руках. Отсюда до единоличной диктатуры – той диктатуры, которую обычно имеют в виду, когда говорят о ней, – один лишь шаг.

Диктатура, к которой мы вплотную приблизились, которую мы, может быть, уже получили, была названа революционной диктатурой. Это название верно. Цель этой диктатуры – сохранить завоевания революции ценою известных жертв. Так экипаж корабля, идущего ко дну, выбрасывает за борт часть того, что хранилось в трюмах, для того чтобы спасти самое судно и людей. Если бы диктатура могла сохранить всё прежнее, она была бы бессодержательна и не нужна. Именно потребность пожертвовать частью революционных завоеваний ради укрепления власти и сохранения разлагающегося государственного организма заставляет призвать диктаторов. Без этих жертв диктатуры не существует.

От чего отказаться и что сохранить, это – тактический вопрос. Это – вопрос, который завтра будет решён иначе, чем сегодня, в зависимости от обстановки дня. Весь политический талант «революционного диктатора» должен заключаться именно в том, чтобы в каждый данный момент правильно наметить пределы осуществляемой им твёрдой или даже беспощадной власти. Революционная диктатура есть последняя ставка революции. Можно зарваться – и это было бы несчастьем. Но можно не проявить достаточной силы – и это было бы гибелью.

В одном смысле наша революция была безусловно национальной. Ко всему мы приходили задним умом. Подрывали в глазах толпы, склонной к анархии, авторитет всякой власти и спохватывались тогда, когда толпа окружала Таврический дворец и арестовывала В. Чернова. Углубляли в критический момент классовые противоречия и заметили последствия этого углубления, когда дело дошло

до гражданской войны. Поощряли солдатскую вольницу и сообразили, что делали, когда корпуса, превратившиеся в трусливый и бесстыдный сброд, в паническом страхе побежали под натиском двух неприятельских дивизий. Мы боялись дисциплинарной власти начальников. Мы дошли до расстрелов бегущей толпы. Мы отменили стояние под ружьём. Но мы восстановили смертную казнь. Четыре месяца мы позволяли развращать и разлагать свою армию и только на днях мы сообразили, что это – государственная измена. Так мы дошли до последней революционной черты и у неё мы пытаемся создать правительство «спасения революции» – правительство диктатуры.

Слово – за ним. Обстановка, в которой оно будет действовать, во стократ труднее, чем та, в которой началась революция. В одном лишь преимущество на его стороне: позади – четырёхмесячный несчастный опыт, позади – определённый политический урок. Если оно поднимется вполне до государственного понимания своей задачи и если оно проявит из ряду вон выходящую силу и смелость, тогда, быть может, положение будет отчасти спасено. Но нужна подлинная сила – сила, которой не заменяют исторические порывы, подлинная смелость, которую доктринёрство не держит в тисках.

Последняя революционная ставка поставлена. А если она будет проиграна – что тогда? Тогда мы пройдем через период полной и безумной анархии, в которой сформируются в политическую силу пока ещё слабые контрреволюционные элементы, и диктатура контрреволюционная совершит то, чего не в силах будет сделать революционная диктатура. Но сделает она это, конечно, по-своему.

Эти строки были написаны, когда я прочитал в телеграмме Корнилова, в этом человеческом и историческом документе необыкновенной силы, слова, полные жестокой, но бесспорной правды: «Это бедствие может быть прекращено и этот стыд будет

смыт или революционным правительством, или, если оно не сумеет этого сделать, то неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди, которые, сняв бесчестье, вместе с тем уничтожат завоевания революции и потому тоже не смогут дать счастье стране».

Кто-то сказал, что революция в опасности. Нет, она погибает.

«Русские Ведомости», 13 (26) июля 1917 года, № 158, с. 1.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Значение государственного совещания можно будет оценить лишь после того, как выступят представители всех тех организованных сил, которые собрались в Москве. Пока закончена лишь первая часть программы. Керенский, Авксентьев, Прокопович и Некрасов сказали всё то, что временное правительство имело сообщить стране. С внешней стороны совещание началось импозантно: серьёзность аудитории, создававшей глубокий трагизм переживаемого момента, сильные слова, которые нашлись у министра-председателя, движение, которое по временам охватывало собравшихся, – всё это производило сильное впечатление, и на языке газетного репортажа можно будет говорить: да, это был «большой день».

Но все усилия выступивших с декларациями членов временного правительства, увы, не создавали убеждения, что в России существует та обстановка и существует та власть, которые выведут страну из безнадёжного тупика на путь государственного оздоровления. «Государственные задачи», «охранение завое-

ваний революции», «решительные меры» – все эти лозунги были брошены собранию с трибуны Большого театра. Был даже намёк на возможность восстановления смертной казни в тылу. Министры не пожалели красок, и положение России было обрисовано в самых мрачных тонах. Но чего-то не хватало, и не возникала уверенность, что мы вступаем действительно на путь спасения. Временное правительство пришло и требовало жертв, жертв и жертв. Все ораторы, один вслед за другим, призывали к жертвам как присутствующих, так и тех, кто за ними стоит. Аудитория понимала и сочувствовала. И всё же таки реального выхода не было видно.

Потрясающее впечатление производило то, что говорил Н.В. Некрасов. И, может быть, в тех немногих цифрах, которые он сообщил, действительное политическое положение обрисовалось ярче, чем во всех остальных словах. 500 милл. руб. стоят продовольственные комитеты. 190 милл. руб. стоят земельные комитеты. 90 милл. в год составляют прибавки, которых потребовали рабочие Путиловского завода. 11 миллиардов рублей необходимо затратить в год, чтобы удовлетворить семейства призванных на войну в исчисленных специальной комиссией размерах. Никогда царское правительство не обходилось так дорого, как стоит в настоящее время революционная власть. Государственная казна изнемогает. Мы не успеваем печатать бумажки.

Необходимы жертвы! Аудитория аплодирует. Но население жертв не несёт. Имущие предпочитают не платить налогов, рабочие понизили в некоторых случаях наполовину производительность своего труда. Какими же средствами спаять Россию? Средствами беспощадной власти, опирающейся на принуждение? Да, но где эта власть?

Керенский заявил, что, не опираясь ни на тех, кто слева, ни на тех, кто справа, временное правительство всё же не бессильно. Напротив, именно такая позиция создаст его силу. Правда ли это?

Это могло бы быть правдой. Мыслима такая власть. Но приходится опасаться, что это не та власть, которая созвала в Москве государственное совещание.

Таковы впечатления. О прочем можно будет писать лишь через два дня.

«Русские Ведомости», 13 (26) августа 1917 года, № 185, с. 3 (опубликовано под псевдонимом «Юр. Лигин»).

ИЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ИТОГОВ

Одно положение остаётся в силе после двух первых дней московского государственного совещания. Страна в лице представителей всех тех групп, которые стоят на государственной точке зрения, желает власти безусловно сильной, твёрдой, решительной, активной, и в данный момент она по-прежнему веряет эту власть коалиционному правительству и А.Ф. Керенскому – его главе. В последнее время в связи с подготовкой к государственному совещанию обнаруживались течения политической мысли и, может быть, планы политического действия вне этого основного русла. Сюда относятся явления двоякого рода. С одной стороны – заявления о контрреволюционном характере совещания, призыв к активным выступлениям против него, наконец, забастовки в Москве, которые в данных условиях были уже проявлением чисто анархической мысли. С другой стороны – в кругах, если ещё и не очень многочисленных, то во всяком случае весьма влиятельных, назревала и уже высказывалась мысль, что временное правительство данного состава недееспособно, что коалиция с левыми револю-

ционно-демократическими организациями становится неприемлемой, что существующие политические противоречия нельзя больше затушёвывать, что их необходимо вскрыть, во всеуслышание заявить о них и сделать из этого все практические выводы.

До настоящего времени государственное совещание по этой линии не пошло. Правда, в речах ораторов совещания и ещё в гораздо большей степени в поведении всей аудитории весьма определённо намечались трудно примиримые различия политических воззрений, но всё же вотум доверия временному правительству был почти единодушен, и в овации, устроенной А.Ф. Керенскому, участвовали почти все.

Коалиция ещё признаётся. Долго или коротко, но она ещё может существовать. Однако необходимо ясно поставить вопрос о том, в каких условиях это существование может быть сколько-нибудь долговечно.

На государственном совещании совершенно определённо было выяснено, что власть стоит перед необходимостью разрешить несколько наиболее элементарных государственных задач. Не высшие, а простейшие потребности народа остаются неудовлетворёнными. Нынешняя власть сумеет сохраниться, если она сможет сколько-нибудь удовлетворительно накормить и одеть армию и население и защищать русскую территорию. А сможет она это в том случае, если она установит *порядок* на фронте и в тылу. И к этой элементарнейшей задаче сейчас всё больше сводятся все социальные и политические вопросы. Государство расшатано, дезорганизовано, разваливается. Государству необходим *порядок*.

Пять месяцев революции показали, что словами порядка не установишь. «Убеждармы», как кто-то недавно остроумно назвал командующих нашими армиями, должны сойти со сцены, так же как и соответствующие им представители власти в тылу. Порядок должен быть установлен силой. Керенский выразился резче. Он сказал: «железом и кровью».

Кто-нибудь рано или поздно это сделает – всякий понимает, что это так. Ещё не миновало время, когда это может сделать временное правительство с А.Ф. Керенским во главе. И для спасения завоеваний революции в наибольшем объёме желательно, чтобы это сделал именно он. Государственное совещание показало, что ему даётся время. Но довольно очевидно также, что время, которым он располагает, невелико.

Будет ли использовано это время? Кто будет выводить Россию на новую дорогу? Вопрос этот разрешается на основании того, что произошло на совещании. Блаженны верующие, но, увы, правы чаще бывают скептики.

«Русские Ведомости», 15 (28) августа 1917 года, № 186, с. 3.

ЕДИНЫЙ ПУТЬ

Повсюду – на совещаниях тех лиц, которые группируются около социалистических советов, и на собраниях торгово-промышленных деятелей, во всём ряду организаций, начиная с большевистских и кончая теми, которые вышли из прежней октябристской среды, – раздаётся одна общая жалоба на безвыходность создавшегося положения. Винят анархию и контрреволюцию, безмерность требований рабочих и «саботаж» предпринимателей; всякий толкует причины этой безвыходности на свой лад, но все, кроме самых неразумных, признают её. И она, действительно, налицо. Она не будет уничтожена ни частными, ни государственными совещаниями, ни призывами, ни приказами, опирающимися на реальную силу, ни новой группировкой политических сил. Эта

«безвыходность» коренится во всех условиях нашего государственного существования. Она подготовлена трёхлетней войной, форсирована революцией, и мы как будто стоим перед нею бесильные и беспомощные.

Мы не в состоянии прокормить свою армию и свои города. Мы не в состоянии одеть своё население и обуть его. Мы не в состоянии защитить себя от зимних морозов. Мы не в силах разрешить самые элементарные задачи, стоящие перед всяким обществом, и эта опасность страшнее, чем всякая другая. Перед лицом этой опасности теряют значение политические и социальные споры, которые могли волновать нас в тёплые летние дни. Голодный народ, сидящий в нетопленных квартирах, сметёт всякую власть, какова бы не была её политическая и социальная программа. Нужен какой-то полный пересмотр всех начал нашего государственного управления, и лишь тот заслуживает власти, кто будет иметь смелость предпринять его.

Основной факт заключается в том, что мы обеднели людьми и материальными средствами в такой степени, что нам не под силу разрешить какие-либо крупные государственные задачи. Что у нас есть великодержавного теперь? Разве лишь то, что несмотря на все поражения, земля наша всё ещё велика и что в самые тяжкие дни нашей истории мы вновь возмнили себя третьим Римом и захотели проучить всю Европу. И больше ничего.

Наша государственная машина работала плохо накануне войны. Она стала работать ниже всякой критики в 1915 и 1916 годах. В настоящее время она почти совсем не работает. Наши организационные силы оказались столь ничтожными, что мы не в состоянии не то, что справиться со всей своей государственной разрухой, мы не умеем даже как следует подойти к ней. В войске, в милиции, в железнодорожном, в продовольственном, в промышленном деле мы работаем, как беспомощные дети, на которых возложена задача, выходящая далеко за пределы того, что они могут совершить.

По инерции ещё работают некоторые части машины, ещё вертятся некоторые колёса, ещё шумит расшатанный механизм. Но постепенно ломаются всё новые части, и несоответствие между работой и потребностями становится столь разительным, что последствием его может быть лишь одно: голодный и холодный бунт, восстание бесцельное, жестокое, разрушительное, варварское.

Возможно ли его предотвратить? Кажется, возможно, но направление нашей государственной политики, в широком значении слова, должно для этого измениться самым решительным образом. Речь идёт не об изменении в сторону той или другой партийной программы. Речь идёт о пути экономического спасения, и при том, быть может, об единственном пути.

Мы должны приспособить свои задачи к своим средствам. Средства эти – скромные, и задачи должны быть невелики. И если мы этого не признаем, то мы всё равно не разрешим никаких задач. Мы должны продолжать войну вместе со своими союзниками до тех пор, пока не станет возможен общий мир. Но в этой войне нам придётся играть лишь скромную роль одного из многих факторов. Многомиллионная армия, которую мы держим, пытаемся одеть и прокормить, – не есть армия; на три четверти, по крайней мере, это – опасная для государства толпа, которая истощает последние государственные силы и не служит ровно ни к чему. С этой армией мы не сделаем даже того немногого, чего интересы союзников и наши собственные интересы всё ещё требуют от нас. Чтобы превратить толпу необученных или плохо обученных людей в войско, хорошо управляемое и удовлетворительно снабжённое, необходимы организационные и материальные средства; у нас их хватит, чтобы выполнить дело в небольшом масштабе, но мы, несомненно, сорвёмся, если захотим остаться при миллионных армиях на фронте и в тылу. Нам нужна небольшая армия, но настоящая, крепкая, для которой хватило бы хороших офицеров, здоровых солдат, хлеба, кожи, сукна, повозок, лошадей. Небольшую армию

мы сможем, быть может, дисциплинировать и содержать, и это будет полезная для государства сила. Большую армию мы не сумеем ни дисциплинировать, ни прокормить. Она задавит всю страну и всё ж таки не просуществует – если даже и признавать, что она существует ещё теперь.

Война есть важнейшее из условий, в которых живёт в настоящее время Россия. И с армии поэтому необходимо начинать. Сократить армию – значит подойти к разрешению всех остальных задач. Это в конечном счёте значит усилить её боеспособность, и это значит в то же время улучшить ту обстановку, в которой живёт тыл. Облегчится работа железных дорог, меньше потребуются хлеба на рынке, ибо часть отпущенного населения пойдёт в деревни, по домам, появятся рабочие силы и повысятся некоторые производства. Уменьшатся государственные расходы и вместе с тем несколько медленнее будет расти дороговизна.

Однако, это не всё. Сокращение армии должно быть лишь звеном в той государственной программе, которая может вывести страну из тупика. Власть должна определённо, незыблемо установить принцип: мы обеднели, а не разбогатели во время войны, и трёхлетняя война не может вести к тому, чтобы население пользовалось большим благосостоянием, чем раньше. В распределении богатств между классами населения возможны, конечно, изменения, но основная линия экономической политики должна быть направлена в данный момент в сторону обеспечения необходимых средств государству, а не отдельным лицам и классам, как бы справедливы ни были их притязания. И уж во всяком случае, если кто имеет право быть беспощадным в настоящее время, так это не население по отношению к государству, а государство по отношению к населению. Политика безумного расходования денег казначейством должна быть прекращена. Прямыми налогами, косвенными налогами, в подходящий момент, быть может, принудительными займами власть должна укрепить положение финансов.

Одна из печальнейших сторон революции заключается несомненно в том, что она дала гораздо больше простора жадности и корыстолюбию, чем самопожертвованию и энтузиазму.

Определить пределы тех государственных задач, которые мы в силах разрешить, и водворить в государственном хозяйстве начало крайней экономии, – в этом заключается задача ближайшего времени. Какая из политических групп сумеет её осуществить покажет нам недалёкое будущее. Но можно смело утверждать, что все те политические группы, которые пренебрегут ею, будут сметены ходом событий.

«Русские Ведомости», 18 (31) августа 1917 года, № 188, с. 2.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ БЮРОКРАТА ПОСЛЕДНЕЙ ФОРМАЦИИ

Автор нижеследующих строк принадлежит к этой именно категории – бюрократов последней формации. Он попал в эту категорию внезапно. Он был ошеломлён всем тем, что с ним произошло с того самого момента, как он занял своё место в вагоне петроградского поезда в Москве, на Николаевском вокзале. И, будучи убеждён, что его переживания, находящиеся ныне под непосредственным влиянием дел государственных, не могут быть безразличны для тех читателей, к которым он обращался в течение нескольких лет, он, т.е. автор нижеследующих строк, решил изложить свои наблюдения в форме газетной статьи, подписанной соответствующим псевдонимом.

По дороге в Петроград попутчики автора разочарованно беседовали о московском государственном совещании, особенно стараясь разгадать смысл заключительного его аккорда. Так как автор

вообще никакого смысла в этом аккорде найти не мог, то он должен был уклониться от участия в обсуждении означенного вопроса.

В Любани пассажиры, как бывшие, так и не бывшие членами московского государственного совещания, набросились с необыкновенной живостью на имевшиеся в ресторане суррогаты питательных веществ, которые продавались здесь на вес кредитных билетов. Этот новый способ оценки хозяйственных благ, по мнению автора, весьма интересен и заслуживает внимания и экономистов-теоретиков, и министра финансов.

В Петрограде автор прежде всего и сильнее был поражён отсутствием на улицах солдат, этого вредного для международного благополучия наследия варварских времён на Неве почти не имеется. Осталось лишь изрядное количество людей, носящих форму, похожую на солдатскую, вероятно, за отсутствием иной одежды. Указанные люди, занимавшиеся ещё недавно некоторыми видами торговли, вынуждены были бросить это занятие по независящим обстоятельствам и посвящать свои досуги как прогулкам по проспектам и скверам, так и заботам о том, чтобы женское сословие Петрограда не скучало. Милитаризму и империализму эти лица не оказывают, разумеется, никакой поддержки, за что и получают от казны стол, квартиру и содержание.

Как человек, не освоившийся ещё с тем, что он занимает государственный пост, автор по приезде в Петроград отправился завтракать в кофейню Филиппова, что на углу Невского и Троицкой улицы и всем бывавшим в Петрограде небезызвестна. В виду отсутствия прежних блюд здесь теперь сервируют питательные вещества в новых комбинациях, в роде, например, кофе с яблочным вареньем. Что же касается хлеба, то таковой, будучи отправляем «в адрес» кормильца Петрограда В.Г. Громана, составляет для потребителя редкий предмет роскоши и в кафе сервируется не ежедневно. Однако, весьма сведущий официант тут же сообщил автору, что эти мелкие дефекты продовольственной организации будут

исправлены, лишь только В.Г. Громан закончит начатый им подсчёт запасов, производства, распределения и потребления всех существующих в пределах государства Российского товаров и настаит на том, чтобы временное правительство достаточно часто созывало всероссийские съезды.

Наконец, автор отправился в своё министерство, дабы осведомиться о том, в каком состоянии находятся порученные ему дела государственной важности. И тут-то произошло самое замечательное. Тут-то автор и усмотрел, что быть бюрократом последней формации – это и есть самая печальная доля из всех, которые уготованы человеку. Что за государственные дела ему препоручаются, никто сообщить автору не мог, и там, где должен был быть его департамент, он обрёл пустое место. Однако автор не может рассказать эту историю во всех её конкретных деталях и ограничится поэтому некоторыми обобщениями.

• • •

Правительство вместе с министерствами есть аппарат политический и технический. Революция поставила во главе этого аппарата новых людей с новыми идеями. Затем ход событий переменил этих людей несколько раз. Обстановка, в которой происходила эта смена, определённо обязывала изъять и заменить новыми лицами лишь тех чиновников, которые играли при старом порядке руководящую политическую роль, и, по возможности, шадить весь механизм. Может быть, это очень печально и неприятно, но это безусловно так. Правительственный аппарат огромен и необыкновенно сложен. Заменить его, притом ещё в военное время, новым аппаратом было бы совершенно немыслимым начинанием. Худо ли, хорошо ли работала старая организация, у неё был огромный опыт и она располагала многими техническими навыками (я имею в виду преимущественно финансово-экономическое управление). Только живой души не было в этой организации. Надо

было вдохнуть эту душу, но помнить, что у нас «нет людей», и относиться к тому, что есть, необыкновенно бережно.

Бесспорно, очень многие это понимали. Но под давлением ли обстоятельств и новых политических организаций, или по собственной вине далеко не все это в достойной мере соблюли. «Новые» косо смотрели на «старых», и параллельно министерской пошла чиновничья чехарда. А так как людей от этого не становилось больше, то дело сводилось к тому, что чиновник, изгнанный в качестве представителя старого режима из одного министерства, часто принимался в другом министерстве в качестве представителя новых начал. Но своё старое дело он знал, а с новым ему приходилось лишь знакомиться. И расшатанная машина ещё больше расшатывалась.

Плохо работали наши министерства? Да, плохо. Но никогда не работали они так отчаянно, как теперь. Ещё в старых организациях дело идёт кое-как, вертятся колёса машины, велика инерция и лишь производительность упала. Но бюрократические организации, возникшие заново, внушают больше чем тревогу и больше чем страх. Глядя на них, иной раз удивляешься, как это вообще ещё действует государственный механизм, и начинаешь верить, что может поступить такой час, когда он перестанет работать в буквальном смысле слова.

Ломать этот механизм ещё раз, снова реорганизовывать и продолжать чехарду было бы безумием. Существует лишь один выход из положения: по возможности упростить стоящие перед государством задачи. Сюда относится прежде всего недавно выдвинутый вопрос о сокращении армии путём демобилизации всех лишних её элементов. С какой бы стороны не подходить к нашим государственным бедствиям, всё очевиднее становится, что с этого именно необходимо начинать.

«Русские Ведомости», 24 августа (6 сентября) 1917 года, № 193, с. 1–2 (опубликовано под псевдонимом «Юр. Лигин»).

НА ПУТИ К АНАБИОЗУ ТРАНСПОРТА

Данные о состоянии транспорта, приведённые в этой заметке, взяты из статьи практика и специалиста И.Д. Михайлова, напечатанной в книжке «Известий по продовольственному делу», которая на днях выходит из печати. Они в каких-либо комментариях не нуждаются, будучи сами по себе так красноречивы и грозны, что никакие восклицания не могли бы прибавить что-нибудь к их поистине страшному значению.

Некоторые цифры уже приводились в печати. Для полноты картины они будут однако вновь упомянуты.

«Паровозов в текущем году сравнительно с 1916 годом на 1200 больше, а между тем сейчас их работает всего только 15930 против 16600 работавших в это время в прошлом году».

Процент больных паровозов возрастал за последние месяцы следующим образом:

15 марта – 21%,
15 апреля – 22,6%,
15 мая – 23,5%,
15 июня – 24,2%,
15 июля – 25,3%.

На некоторых дорогах процент больных паровозов достигает фантастических цифр: на Сызрано-Вяземской – 34,7%, на Ейской – 40,9%, на Сев.-вост. Уральской – 41,7%, на Мурманской – 51,9%.

Процент больных вагонов растёт ещё быстрее. Он составлял:

1 марта – 5,4% наличного числа,
 15 марта – 6,0%,
 15 апреля – 7,3%,
 15 мая – 7,4%,
 15 июня – 8,3%,
 15 июля – 9,0%.

Известно, что ремонтные работы протекают в высшей степени неудовлетворительно. И.Д. Михайлов сообщает об этих работах нижеследующее:

«Во многих железнодорожных мастерских зафиксирована заработная плата в 250 рублей в месяц, по расчёту 3–4-х часовой работы в день; на остальное время рабочие уходят на частные заводы. Между тем стоимость работ сильно повысилась: так, например, капитальный ремонт паровоза ранее стоил 12000 рублей, в настоящее время он стоит уже 100000 рублей».

Из-за недостатка паровозов образуются пробки на рельсовых путях, и Забайкальская дорога, например, не в состоянии пропускать все грузы из Владивостока. Вывоз из последнего упал поэтому с 150-ти вагонов до 50-ти, и бывают дни, когда погрузка совершенно не производится. Отражением служат хвосты у частных магазинов.

«За полугодие 1917 года по сравнению с тем же полугодием 1916 года железные дороги недогрузили 700000 вагонов, т.е. потребители недополучили 700 миллионов пудов нужного им груза и в том числе свыше 100 миллионов пудов угля».

Свои выводы И.Д. Михайлов резюмирует в следующих словах: «9-го июля на съезде начальников железных дорог уже раздавались голоса, что осенью железные дороги остановятся, и я полагаю, что это – не угроза, не голословное заявление, а логическое следствие

из нынешнего положения вещей, и если обстановка не изменится немедленно к лучшему, если не будут приняты решительные меры к поднятию продуктивности труда и не будет признан и проведён в жизнь принцип, что дисциплина на железных дорогах также необходима, как она необходима и в армиях, и это растение власти в железнодорожном деле совершенно нетерпимо, то угроза превратится в реальную и ужасную действительность».

С водным транспортом дело обстоит также плохо, как и с железнодорожным. По данным распорядительного водного комитета, к 1-му июля отправлено было тысяч пудов хлеба:

	в 1916 году	в 1917 году
по Волге	87,439	22,311
по Каме	28,211	18,094
по Оке	3,279	2,422.

Прибытие хлеба по Волге в Рыбинск упало в четыре раза. В Петроград на 27-е июля по водной системе прибыло 679000 пудов против 6725000 за то же время в 1916 году, т.е. в *десять раз* меньше.

И такое же явление на южном Буге (Николаев) и на Днестре (Херсон).

• • •

Ничего к этому не прибавить. О «решительных, неотложных мерах» в конце подобных заметок ведь пишут лишь потому, что надо же что-нибудь написать. В данной политической и социально-психологической обстановке этих мер не существует. Мы просто должны быть готовы всё, всё пережить.

«Русские Ведомости», 30 августа (12 сентября) 1917 года, № 198, с. 5.

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ РЕСПУБЛИКИ

3-е сентября 1917 года, или, по иному летоисчислению ещё формально не установленному, первый день первого года Российской республики. Осеннее солнце ласково светит над Петроградом, Невский проспект приветливее, чем в прошедшие дни, набережные Невы неподражаемо прекрасны, и холодно стоят на своих местах памятники императорской России. Может быть, совещаются в Зимнем дворце. Наверное, совещаются в Смольном институте. Но Петрограду всё равно. Провозглашение республики не вызвало ни радости, ни надежд.

Ибо с тех пор, как в первых числах марта подписаны были два акта об отречении, мы никогда ещё не стояли так далеко от республиканского образа правления, как в день, когда временное правительство нового состава провозгласило Российскую республику. Слабость, а не сила, беспомощность, а не уверенность, звучат в тех словах, которыми «правительство пяти» объявляет своё решение, опираясь на смысл аплодисментов, раздавшихся в московском государственном совещании во время речи Кропоткина.

Республика есть ценное политическое благо, которое надо уметь завоевать и укрепить. В начале марта перед нами открыты были все возможности. Из революции при сколько-нибудь благоприятном её течении должен был вырасти республиканский режим. Но мы свою революцию превратили в смуту, свою свободу превратили в разнузданность, своё государство – в растерзанный, расшатанный, голодный агломерат самоуправляющихся классов, городов, национальностей и провинций и свою армию на фронте

превратили в свой несмыслимый позор. И когда мы всё это сделали, когда глубокая пропасть разделила общественные классы, когда гражданская война, давно уже вспыхивавшая то здесь, то там, превратилась в огромное и страшное пламя, когда нам пришлось завоёвывать свою же ставку и волна самосудов снова прошла по армии и флоту, вновь деморализуя их, – тогда, сохранив на этот раз власть в руках временного правительства, мы стали, очевидно, думать, что за шесть месяцев Россия окрепла, порядок утверждён, народ созрел и великую государственность нашу надо окончательно оформить. И власть, у которой не было даже возможности создать правительство, решила создать республику в России.

Наши политические методы безусловно странны. Мы провозглашаем мир без аннексий накануне бегства перед противником. Мы объявляем республику в момент величайшего развала, в котором лишь ослеплённые могут видеть показатель наличности революционных сил. Но каковы бы ни были наши методы, мы провозгласили республику. Как же мы будем защищать её теперь?

По-видимому, так же успешно и мудро, как мы защищали идею мира народов, объявленную нами в марте после государственного переворота. Большевики были наиболее горячими приверженцами мира, любовь их к миру доходила до самозабвения и – что несколько хуже – до забвения своей страны; поэтому мы стали защищать идею мира большевистскими методами. Окопы мы позволили наводнить «Правдой», а люди из окопов пошли: одни – браться с неприятелем, другие – к себе домой. Несколько смельчаков Керенский повёл вперёд – и это останется его нравственной заслугой перед Россией, что бы ни случилось. А затем, когда войско как войско перестало существовать, мы укрепили идею мира бегством на полтора года вёрст и осудили человечество на лишний год войны.

Казалось бы, мы могли из опыта узнать, во что превращает идею передача её в большевистские руки. Но такова уже судьба России. Мы учимся плохо, мы крепки лишь задним умом. И как бывший

монарх, заточённый в Тобольске, так и нынешний самый свободный большевик и все иже с ним не способны усвоить ни один исторический урок.

При худых или хороших ауспициях, не мы провозгласили республику. Защиту её мы готовы, по-видимому, отдать в большевистские руки. Большевики безраздельно господствуют в петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. В центральном исполнительном комитете, который вновь стал играть огромную роль со времени корниловского восстания, большевики не пользуются господством, но пользуются зато таким влиянием, что центр и правое крыло, предлагая свои собственные резолюции, окрашивают их в большевистские цвета.

Партия социалистов-революционеров стала на большевистский путь, и Потресов совершенно прав, утверждая в «Дне», что последовательность требовала бы от сторонников демократического совещания, созываемого 12-го сентября, полного присоединения к большевистским лозунгам.

Этот определённо большевистский уклон партии социалистов-революционеров является одним из наиболее важных политических фактов последних дней, и он не может не приблизить печальной развязки. В нашей революции есть путь, которым готовы идти несоциалистические элементы демократии и часть буржуазии, и ещё другой путь, которым желают идти большевики. Первый есть путь «буржуазной революции». Второй есть опыт «социалистической революции» в условиях зарождающегося капиталистического хозяйства. Среднего пути нет. И партии социалистов-революционеров остаётся идти заодно либо с теми, кого она называет «цензовиками», либо с большевистскими демагогами. Отталкивая первых, она тем самым бросается в объятия вторых. С ними вместе она и готовится защищать республику.

Революционная демократия, представленная в советах, изолирует самое себя и хочет, очевидно, утверждать революционные

завоевания собственными средствами. Безумие, до которого недавно доходили только сторонники Ленина, становится всеобщим безумием, и партия, которая могла сыграть государственную роль, ибо вся обстановка побуждала её к этому, идёт под руководством В. Чернова к славе чисто ленинского стиля. Шансы молодой республики стоят в таких условиях не очень высоко.

И поэтому в первый день первого года республики не удивляешься тому, что ей оказана равнодушная встреча. В политических тонкостях обывательские массы, быть может, и не очень разбираются, но они чувствуют неустойчивость положения. Нет, кажется, ни одного завоевания революции, которое не было бы теперь под знаком вопроса, и декларации, как бы пышны они ни были, перед лицом развала не тешат.

«Русские Ведомости», 7 (20) сентября 1917 года, № 205, с. 1.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Как мы ни бьёмся в мучительной тревоге над разрешением тех политических и хозяйственных задач, которые оказались непосильными для нас, мы только топчемся на месте, в то время как мировая жизнь идёт своим путём. Рано или поздно эта «мировая жизнь» поставит нас перед совокупностью своих решений и нам останется только преклониться перед незыблемой силой вещей. Смутное чувство, что дело обстоит именно так, проникло в последние дни даже и в интернационалистические круги русских политиков. Орган В. Чернова стал громко протестовать против решения великих выдвинутых войной вопросов без соблюдения

интересов России и вне той постановки, которой требовала революционная демократия советов. «Дело Народа» поднялось даже до призыва к воссозданию сильной, боеспособной армии. Но поздно. Так поздно, что уж не лучше, чем никогда. Жалкими и ненужными представляются теперь эти вопли, запоздалый патриотический пафос и гражданские слёзы. Игра проиграна и, может быть, пора уже теперь подсчитывать, что останется у нас после проигранной игры.

Останутся ограниченные запасы хлеба и всякого сырья, испорченная железнодорожная сеть, изломанные машины на фабриках, неремонтированные в течение трёх лет заводские и жилые строения, разорённая полоса земли на западе, большой иностранный долг, плохой иностранный кредит – а, может быть, и отсутствие всякого кредита – пониженная работоспособность населения и масса вдребезги разбитых политических иллюзий, словом, то самое разбитое корыто, от которого мы всячески отрешивались, но которое волею судьбы неминуемо должно составить всё наше национальное достояние. Чтобы не прибавлять к этим старым иллюзиям ещё одной лишней иллюзии, мы должны определённо предвидеть уже теперь, что время по окончании войны будет необыкновенно трудным, что в хозяйственном отношении на целый ряд лет это будет время страданий и нищеты. Всем будет нелегко, и победителям, и побеждённым. Но горе побеждённых будет, несомненно, особенно тяжело. Для нас этот вопрос решили многие причины, и было бы несправедливо взваливать всю ответственность на одни плечи. Но поражение совершили преступления тех людей, которые чувствуют себя теперь победителями в стране.

Сейчас, когда машины экспедиции заготовления государственных бумаг работают вовсю, когда некоторые требования предъявляются, а иногда и удовлетворяются, можно сказать, в утопических размерах, истинное положение вещей не выступает во всей своей наготе. И, кроме того, мы приписываем временный характер

очень многому, что на самом деле будет длительно. Мы живём под впечатлением, что «дезорганизация», «разруха», «развал», что всё это прекратится вместе с войной и жизнь пойдёт не только по-старому, но в связи с более справедливым распределением народного дохода между классами, пойдёт лучше, чем по-старому. Но это – иллюзия.

У нас не будет иного богатства, кроме бумажек и огромных бесодержательных цифр. Взять даже сельскохозяйственное население, для которого в известной мере война была не безвыгодна: перераспределение происходило отчасти в его пользу, и все помнят, как в первый год войны отмечались обилие денег в деревне и рост её покупательных сил. Но что есть у деревни теперь? Сапоги она износила и одежду тоже. Мёртвый инвентарь за время войны обветшал. Живой инвентарь скорее всего уменьшился (если только не исчислять его путём сравнения несравнимых переписей). Остались вклады в сберегательных кассах и кредитные билеты в сундуках. Сумма вкладов (общая) в сберегательных кассах доходит теперь почти до пяти миллиардов рублей. Но насколько вкладчики богаче, чем были до войны? Что стоят теперь их вклады: два миллиарда золотых рублей или, может быть, ещё меньше?

Что есть у обогатившихся торговцев и промышленников? Дома, которые построены до войны, акции старых железных дорог или фабричных предприятий и снова бумаги, реальная цена которых такая же, как и реальная цена рубля. И с чем они начнут «расширенное» производство по заключении мира? Ни с чем, ибо нет ни новых машин, ни сырья, ни средств, чтобы купить что-либо за границей. Результат может быть только один. Мы пройдем через период самой острой и очень длительной, небывало тяжёлой хозяйственной депрессии, колоссальной безработицы, страшной нищеты. Всё это – не злостное карканье и не произвольное гаданье, всё это – несомненное будущее, равно непредотвратимое и ужасное. В терминах экономики то, к чему мы пришли, называется

сокращением основного капитала и огромным уменьшением, почти уничтожением, оборотного при отсутствии кредита.

Одно обстоятельство, которое не зависит от нас, могло бы помочь нам до некоторой степени после войны. Если бы нам суждено было собрать несколько хороших урожаев, то при тех ценах, которые Европа согласится платить за хлеб, когда откроются все рынки, мы могли бы выручить достаточные суммы, чтобы перебиваться в течение ближайших лет. Но хорошие урожаи – вне нашей воли, во всяком случае летом 1917 года народная воля не была ещё направлена на увеличение их.

Если оставить в стороне это «независящее» обстоятельство, то разрешение вопроса о длительности хозяйственного кризиса и нищеты будет зависеть от двух факторов: от массы и интенсивности народного труда и от той помощи, которую окажут нам более счастливые государства.

Количество трудящихся уменьшится, это ясно. Убитые, тяжело раненые, испытавшие непосильные лишения плена – все они должны быть сброшены с одной чашки экономических весов, а отчасти положены на другую. Сократившемуся числу работающих придётся прокормить инвалидов войны, уплатить проценты по долгам, погасить самые долги, восстановить изношенный и разрушенный капитал. Только огромное повышение производительности труда могло бы справиться с этой задачей. Мы же пока находимся в полсе его падения, и признаков обратного процесса ещё не видно.

Что касается иностранной помощи, в первую очередь иностранного кредита, то рассчитывать на него в широких размерах не приходилось бы даже в случае благоприятного положения вещей внутри государства. Ибо алчущих будет много, а дающих мало, и те, кто раньше ссужал, теперь явятся сами за ссудами с пустыми кошельками. Но мы, по-видимому, не получим и той небольшой доли, на которую мы в иных условиях могли бы претендовать. Никто не даёт тому государству, вся будущность которого под сомнением.

Но если бездействуют эти два фактора, тогда подорвана самая основа государственной жизни, и выхода из положения не видно. Тогда мы можем опуститься так низко, что участь разлагающихся восточных государств станет нашей собственной участью. Недаром недавно в этой связи вспоминали о Польше. Это не значит, конечно, что такая судьба может постигнуть нас через месяц, через год или через десятилетие. Государства разлагаются веками. Никто не может доказать, что будет. Нужно, чтобы весь круг несчастий был пройден, для того чтобы можно было сказать, когда действительно начался процесс разложения. Эти вещи констатируют не современники, а историки. Легкомыслию современников не положено – увы! – не положено ни логического, ни какого-либо иного предела. Отрезанные от морей, мы ведь будем существовать. Лишённые части своей территории, мы тоже будем существовать. Да, наконец, люди на нашей земле вообще не перестанут существовать, покуда она будет обитаема. Существуют Турция, Персия, существуют народы и там, где была когда-то Римская империя.

Что России угрожает опасность гибели, это – совсем не фраза. Но это, разумеется, не значит, что население страны погибнет. Речь идёт о таком общественном и культурном процессе, которого обыватель – зовут ли его Троцкий или Каменев, или Чернов, или Иванов и Петров – может не замечать.

Обстановка, в которой нам будет угрожать эта опасность, в международном отношении будет характеризоваться соседством всемогущей по сравнению с нами империи, в хозяйственном отношении – страшным оскудением и растратой небольшого накопленного в последние десятилетия капитала. Но справиться с обстановкой возможно. Важнее обстановки источник этой опасности, а она – в душевной слабости нации, которую обнаружили война и революция, особенно последняя. В годы после войны в затяжном и остром хозяйственном кризисе, в неминуемой нищете народная душа подвергнется новому испытанию. Без помощи извне, на ра-

зорённой почве, в тягчайших условиях международного соревнования, не закончив внутренних распрей, в тяжёлом труде придётся воссоздавать русскую государственность и работать над русской культурой.

Кто ныне может с уверенностью сказать, что это будет сделано? Никто. Необходимо почти что чудо.

Необходимо, чтобы в сознание народа вошли такие начала, которых ныне в нём нет. Те начала, на которых покоятся устойчивые, дисциплинированные и честные общественные и государственные организации лучших наций. И только в том случае, если бездна несчастий, на которые мы обречены, заставит зародиться и развиться эти начала в народной душе, Россия может быть спасена.

Каким ничтожным и мелким представляется в этой перспективе всё политиканство наших дней.

«Русские Ведомости», 16 (29) сентября 1917 года, № 211, с. 2.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ КОНФЛИКТ

Тот конфликт, который происходит в настоящее время на железных дорогах, является одним из самых ярких, удручающих и безнадёжных показателей анархии, всё более охватывающей страну. Дело касается, как известно, самых крупных предприятий в государстве, насчитывающих более 700000 служащих и рабочих, и притом таких предприятий, которым остановиться нельзя. В буквальном смысле слова и без всякого преувеличения – нельзя, ибо в настоящее время запасов нет, и остановка движения угрожала бы армии и населению городов голодом и смертью. Же-

лезнодорожные служащие и рабочие в известном смысле таким образом всемогущи: в том смысле, что от них зависит нанести России сокрушающий удар. Этим сознанием они и преисполнены. Но государственного сознания у них нет – не у всех, конечно, но у тех, кто сумел овладеть настроением учредительного съезда железнодорожного союза в Москве, – не оказалось совсем. Тот психоз государственного расхищения, который составляет одну из самых погубительных сторон нашей революции, овладел железнодорожниками в ещё более острой форме, чем раньше многими другими группами. И в настоящее время государство стоит перед страшной угрозой железнодорожного или финансового развала. Ибо уступить предъявленным требованиям – значит окончательно выпустить вожжи из рук и объявить: вот экспедиция заготовления государственных бумаг, подходите и берите, кто сколько может; финансового управления не существует, работают только печатные станки; пользуйтесь временем, пока они не износились.

Фактическое положение дела заключается в следующем. В течение второй половины июля и почти всего августа в Москве заседали учредительный съезд всероссийского железнодорожного союза. Он выработал ряд требований, касающихся условий труда служащих русской железнодорожной сети. Когда читаешь сводку, составленную трудовой комиссией съезда, то думаешь, что мы живём не во время изнурительной войны в государстве, дошедшем до полного истощения, а живём благополучно и богато, и можем удовлетворять свои потребности не только нормально, но даже и широко. Приведу несколько выдержек из этой сводки.

Для конторского труда устанавливается 6-часовой рабочий день. Табельщики приравниваются к конторщикам. Такой же рабочий день для телеграфистов и телефонистов. Перед воскресеньями он сокращается на 2 часа. «Принимая во внимание, что та или другая нормировка работ основана на недоверии к добросовестному отношению служащих к своим служебным обязан-

ностям и установлена с целью хищнической эксплуатации труда, нормировочная работа должна быть отменена.» Ежегодно каждый служащий и рабочий имеет право пользоваться месячным отпуском с сохранением содержания. Для окраинных дорог устанавливается отпуск в 1½ месяца. «Всем служащим, мастеровым и рабочим, как эксплуатируемых, так и строящихся железных дорог и подъездных путей, независимо от их служебного положения, предоставляется право бесплатного пользования разовыми билетами II класса по всем российским железным дорогам, как самим служащим, так и всем лицам, находящимся на их иждивении в количестве 6-ти билетов в год. Разовые билеты не подразделяются на личные и семейные. Все билеты могут быть использованы как самими служащими, так и их семьями, причём число лиц, едущих по разовым билетам, не ограничивается.» Пенсия выдаётся за 25 лет полностью, за 20 лет – 75%, за 15 лет – 50% последнего оклада. Вводится государственное страхование, при котором вдова и двое детей получают вместе полный оклад мужа. И пр., и пр.

Что касается заработной платы, то минимальные ставки определены, начиная с 130 рублей в месяц для дальневосточного района и кончая 285 рублей для петроградского района. Для центрального района поставлена цифра 265. Следует иметь в виду, что это – плата чернорабочим; для других категорий она соответственно повышается. А для того, чтобы судить об относительном значении этих цифр, достаточно сказать, что в Петрограде тарифные договоры, выработанные в последнее время, устанавливают для неквалифицированных рабочих в 1½–1¾ раза меньшую плату. Это объясняется тем, что комиссия съезда исходила из таких норм потребления, которые для настоящего времени совершенно фиктивны, потому что предполагаемые предметы потребления не существуют в природе. Она брала в месяц на рабочего 30 фунтов чёрного и 15 фунтов белого хлеба, на его жену 24 фунта чёрного

и 12 фунтов белого хлеба, т.е. количества, которые немислимо получить и которые превосходят разрешённый паёк. Она поставила цифру в 22½ фунта мяса, 4 фунта сахара, 30 бутылок молока и т.п. на рабочего в месяц (без семьи), в то время как едва ли существует в настоящее время в Европе страна (не исключая нейтральных), в которой возможно такое питание. Она считала, что на рабочего приходится в среднем семья из 3-х человек: жена и двое детей и принимала потребности жены равными 0,8 потребностей мужа, а потребности детей равными 0,8 и 0,7. По сравнению с данными железнодорожной статистики здесь преувеличены размеры семьи и кроме того преувеличены её потребности. Эти критические замечания принадлежат не мне. Это – замечания представителей рабочих организаций.

Специальная комиссия при министерстве путей сообщения под председательством товарища министра Тахтамышева занялась рассмотрением предъявленных требований. Не знаю, верно ли это, но высказывалось предположение, что удовлетворение желаний съезда вызвало бы расходы казны в 3–4 миллиарда. Очевидно, что здесь нужно было внимательно рассмотреть каждое требование, каждую ставку. В комиссии участвовали представители целого ряда профессиональных железнодорожных союзов, объединённого бюро всероссийских профессиональных железнодорожных союзов и центрального бюро профессиональных рабочих союзов (не железнодорожных). Комиссия работала очень деловито, серьёзно и добросовестно. Но однажды, дней десять назад, она внезапно узнала, что наряду с нею не на Фонтанке, а в Мраморном дворце работает другая комиссия, которая имеет задание срочно решить тот же вопрос.

Оказалось, что делегацией железнодорожного съезда министру путей сообщения предъявлены были самые ультимативные требования, причём делегация утверждала, что настроение рабочих таково, что можно ждать эксцессов и разрушения дорог. Эти

угрозы, вероятно, подкреплены были серьёзными аргументами, ибо временное правительство постановило немедленно образовать новую комиссию под председательством товарища министра труда К.А. Гвоздева в составе трёх представителей ведомств и трёх представителей железнодорожного съезда для срочного рассмотрения всех требований. В комиссии Тахтамышева такой способ разрешения конфликта вызвал резкие возражения со стороны представителей самих же рабочих организаций. (Надо сказать в пояснение, что действия железнодорожного съезда встречают определённый протест со стороны представителей профессиональных рабочих союзов, как железнодорожных, так и других.) После некоторых усилий удалось объединить обе комиссии, и заседания благополучно продолжались в Мраморном дворце.

Но в это время на сцене вновь появляются деятели железнодорожного съезда и заявляют, что они не согласны ожидать окончания работ комиссии Гвоздева, что вообще самое слово комиссия начинает волновать железнодорожных служащих и рабочих. Ответ должен быть дан в 24 часа. Комиссия Гвоздева, разумеется, не соглашается с этим и представители железнодорожного съезда отправляются в центральный исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов. Несмотря на то, что самое слово «комиссия» стало ненавистным, здесь образуется новая комиссия, которая удаляет из своего состава представителей союза инженеров и техников, несмотря на протест товарища председателя этого союза, члена объединённого бюро всероссийских профессиональных железнодорожных союзов М.И. Васильева. По-видимому, представители съезда действуют здесь успешно.

Как разъяснится вопрос, сказать сейчас ещё невозможно. На заседании временного правительства А.В. Ливеровский докладывал о нём в достаточно мрачных тонах. Сообщение К.А. Гвоздева звучало несколько бодрее. Во всяком случае мне представ-

лялось желательным изобразить обстановку этого конфликта, т.к. он может иметь неисчислимы последствия. Необходимо только сказать ещё, что некоторые категории железнодорожных рабочих, по общему признанию, действительно должны получить прибавки. Но пересмотр оплаты их труда не имеет ничего общего с той авантюрой, которую затеял московский железнодорожный съезд.

Петроград

«Русские Ведомости», 17 (30) сентября 1917 года, № 212, с. 3–4.

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

Время идёт с головокружительной быстротой. Немного дней прошло с тех пор, как автор этих строк в качестве новичка в деле государственного строительства робкими шагами вступал в управление пустым местом своего департамента. Да, двух месяцев не прошло, как автор делился с читателями своими первыми унылыми признаниями. А между тем, шествуя всё дальше по пути углубления революции и всё более удаляясь от буржуазных образцов европейского прогресса и западной цивилизации, государственность российская успела пережить целую эпоху в бюрократическом смысле слова, и осенние месяцы 1917 года ознаменовались выдающимися бюрократическими достижениями. Автор был свидетелем некоторых из этих достижений и испытал при этом столь глубокие чувства, что он не в силах не взяться за перо и оставить в неведении своих друзей-читателей.

Новейшие социологические изыскания показали, что народ, населяющий территорию бывшей империи (которую публицисты оптимистической школы всё ещё называют государством), делится на две части. Эти части называются элементами. Одна часть – цензовыми элементами, другая – нецензовыми элементами. Последняя часть называется ещё иначе – революционной демократией – в знак того, что на её обязанности лежит выполнение исторической миссии углубления революции до тех пор, покуда революция окончательно не провалится. С этою миссией революционная демократия справляется вполне успешно.

Государственная власть – поскольку применительно к нашим условиям можно пользоваться прилагательным «государственная» и существительным «власть» – находится в настоящее время по преимуществу в руках нецензовых элементов. На этом основании можно было бы предположить, что для назначения на высшие государственные должности ценза не существует. И формально его действительно нет. Но только лишь формально. Внимательное же наблюдение легко обнаруживает его существование.

Это – возрастной ценз. Последняя бюрократическая ставка есть ставка на молодость. Люди старше 30-ти лет всё более решительно отменяются современными требованиями жизни, и у товарища министра последней формации лишь при наиболее благоприятных физиологических условиях имеется над верхней губою вполне заметный пушок. Что же: старость – не радость, но и молодость – не грех.

И, действительно, можно привести исторические примеры государственных деятелей, в очень ранние годы с успехом руководивших судьбами цветущих государств. Великий Питт был весьма юным председателем английского кабинета, и всякий знает, как рано начались подвиги Александра Македонского. Всё это так. Но автору достоверно известно, что Александр Верховский весьма слабо напоминает Александра Македонского, и автор готов при-

снять в том, что среди всех, достаточно многочисленных, известных ему товарищей министров нет ни единого Питта.

Министры занимаются политикой, для деловой работы у них времени нет. Юноши третьего класса (не в гимназическом, а в бюрократическом смысле слова) управляют государственными делами. Может быть, это случалось и в начале революции, автор не был в то время свидетелем петроградских событий. Но теперь это сделалось общим правилом, и самый молодой человек, которого вы встретите в министерстве, нормально занимает и самый высокий после министра пост.

Полезно – спора нет – омолодить состав таких затхлых учреждений, как петроградские министерства. Но надо знать меру, хоть какую-нибудь, хотя самую революционную меру. Между тем чувство меры окончательно утрачено, и стыдно сказать, чем стала новая бюрократия через семь месяцев после ликвидации старой.

У той были многие прескверные навыки и недопустимые принципы. У этой нет решительно ничего. У той человек со средними способностями достигал высоких назначений после 25-ти лет службы, когда он что-нибудь знал. У этой человек со средними способностями достигает высоких назначений после 25-ти лет жизни, когда он в лучшем случае успешно кончил университет, успел записаться в политическую партию и немного поработал в общественной организации, где кроме него почти не было дипломированных людей. А если новый бюрократ и старше годами, то, увы, сплошь и рядом и от этого пользы нет.

На первых порах демократические организации давали правительству своих лучших людей, и это были деятели, быть может, не всегда способные взяться сразу за государственное дело, но во всяком случае люди с опытом, со знанием России. И в свою очередь Россия знала этих людей. Но в дальнейшем, когда люди первого призыва ушли, обнаружилась такая бедность, какой нельзя было предполагать, оценивая даже исключительно мрачно наши

культурные условия. В годину величайшей разрухи Россией стали управлять мальчики и уездные земские работники, все люди добрые и милые, но только на надлежащих местах.

Nomina sunt odiosa. Но последите сами за назначениями, и вы убедитесь, что автор прав.

*«Русские Ведомости», 11 (24) октября 1917 года, № 232, с. 2
(опубликовано под псевдонимом «Юр. Лигин»).*

ОСВОБОЖДѢННАЯ РОССИЯ

После восьми месяцев революционного движения Россия стала совершенно свободной страной. Она освобождена от Финляндии, Польши, Курляндии и Литвы, от Бессарабии и Малороссии, быть может, от Кавказа, быть может, от Туркестана и Сибири; она освобождена от свободы слова, печати, собраний и, что всего замечательнее для диктатуры пролетариата, от свободы стачек; она освобождена от всякого закона и на законе основанного суда; армия освобождена от офицерства, страна освобождена от армии, народ освобождён от соблюдения договоров, от здравого смысла, чести и стыда; вскоре Россия будет ещё освобождена от железнодорожного транспорта, от золотого запаса, от производства товаров и от их потребления. Нет более свободного государства, чем Россия, если только возможно называть государством совокупность агонизирующих народностей, населяющих Восточную Европу. Наконец, революция углублена до самого конца.

Это углубление шло быстро и последовательно. Революцию углубляли друг за другом представители различных политических

направлений. Более умеренные останавливались у своего предела и вслед за тем наивно ужасались тому, что вместе с ними не останавливалась вся страна. Менее умеренные шли до следующего этапа углубления и ужасались в свою очередь, когда оказывалось, что страна идёт ещё дальше, чем они. И все вожди революционной демократии, кроме большевиков, быть может, ожидали почему-то, что народ, в котором возбуждались основные противообщественные и противогосударственные инстинкты, в какой-то момент обнаружит самоотверженность и кротость, остановится на полпути и удовлетворится тем, что будет исполнена одна десятая часть того, на что он надеялся.

Углубление совершалось под знаком классовой борьбы. В тот именно момент государственной жизни, когда спасение национального достояния и национального будущего могло лежать единственно в единении всех классов, в гущу народную брошена была идея противоречия классовых интересов, и все социалистические публицисты и агитаторы работали над тем, чтобы она основательно проникла в народное сознание. Это произошло чрезвычайно легко, т.к. идея борьбы между имущими и неимущими усваивается народом в острые политические моменты и быстро, и охотно. Носители этой идеи называли себя социалистами, потому что они восприняли идею классовой борьбы в социалистических сочинениях. Но в условиях русской хозяйственной жизни, где ни одному здравомыслящему человеку не может и в голову придти постановка социалистических экспериментов, обострённая до крайних пределов классовая борьба должна была вызвать не попытки организации хозяйства на новых началах, а полную экономическую дезорганизацию, окончательный развал и пугачёвщину.

Ещё в период агитации перед первыми муниципальными выборами рассказывали о следующей характеристике программ конкурировавших социалистических партий. Она высказана была на

небольшом уличном митинге солдатом после речей большевиков и меньшевиков. Так что, – говорил оратор, – большевики нам заявляют, что буржуи давно пьют нашу кровь и что пора с ними прикончить и устроить социализм. А меньшевики тоже говорят, что буржуи давно пьют нашу кровь и что надо с ними прикончить; но они думают, что буржуи ещё не напились; пусть ещё попьют и затем устроим социализм; за кого же вы, товарищи? Само собой разумеется, что рано или поздно «товарищи» должны были решить, что не к чему откладывать дело, и должны были стать на сторону более решительную и последовательную. А так как «социализация» и «контроль» были формулами, которые не только не имели практического применения, но которых, кажется, никто хорошенько и не понимал, то социалистическая программа должна была приблизиться в народном сознании к программе Стеньки Разина и Емельяна Пугачёва. И при всём своём доктринёрстве Ленин в русской обстановке гораздо более напоминает преемника этих героев русской истории, чем последователя европейских социалистов XIX и XX веков. Именно поэтому его торжество в известный момент русской революции было неизбежно.

Никто не сомневается в кратковременности этого торжества. Едва ли жизненность его приходится исчислять многими неделями. Но как, какими путями пойдёт политическое оздоровление истерзанной страны?

Одно во всяком случае ясно. Революция, доведённая до пугачёвщины, не воспитала в народных массах любви к закону, приверженности к праву, преданности свободе и культуре. Пугачёвщина развращает нацию, а не умудряет её, или по крайней мере умудряет лишь в том отношении, что нация начинает желать порядка во что бы то ни стало. То, что вожди сумели сделать из «революционной демократии» за истекшие восемь месяцев, не предвещает ничего хорошего ни в каком отношении. От психологии пугачёвщины едва ли существует переход к психологии западно-европей-

ской государственности, основанной на строгих правовых гарантиях, всё равно, выражаются ли они в формах республиканского или демократизированного монархического строя. Пугачёвская революция не может родить ни французского, ни английского государственного порядка. Стиль исторического развития не меняется так быстро. Пугачёвская революция рождает реакцию, сильную и жестокую так стихийно, что едва ли умеренные элементы в состоянии значительно смягчить её.

Формула революционной демократии будет гласить, что «буржуазия, испуганная событиями, бросилась в объятия самой злой, безудержной реакции». Это – трафарет, от которого не отклоняются и русские публицисты. Однако на деле произойдёт, по-видимому, совсем другое. Буржуазия, сравнительно умеренная в революции, будет, вероятно, сравнительно умеренной и в реакции. Устойчивыми окажутся те немногочисленные рабочие круги, которые не докатились до большевизма и близких ему течений. А огромная народная масса – всё то, на чём сейчас держится власть Ленина и Бронштейна, всё то, что участвовало в мятеже и демонстрировало свои силы в Москве во время похорон 10-го ноября, от пугачёвской революции прямо перейдёт к пугачёвской реакции, ибо психологически это будет для неё наиболее лёгкий переход. Она не остановится на этом обратном пути на тех этапах, которые были пройдены во время революции, и прямо перемахнёт так далеко направо, что сменит нынешнее циммервальдское настроение на тобольское или весьма родственное тобольскому. Торжествующий большевизм подготавливает массы именно к такому переходу: *les extrémités se touchent*.

На государственных элементах нации по-прежнему будет лежать бесконечно трудная задача спасти какие-нибудь элементы права и силы в этом непрекращающемся потоке.

«Русские Ведомости», 16 (29) ноября 1917 года, № 251, с. 4.

ПО ТУ СТОРОНУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Никто не ищет политической благопристойности в большевиках или политической честности, во многих из них не ищут даже честности элементарной, общечеловеческой. Комбинируя элемент фанатизма, безумия, глупости, неграмотности и предательства, сочетая их по-разному для разных лиц, являющихся великими и малыми вождями большевистского движения, можно в общем понять почему определённым образом действуют нынешние могильщики России, можно по крайней мере построить каждый раз более или менее удовлетворительную психологическую гипотезу. Ясно, что мотивацию командировок в Брест-Литовск следует искать в области государственного предательства, что мотивом земельных декретов является соединение экономической малограмотности с политической демагогией, а мотив первых московских банковых мероприятий лежит в сфере чистой глупости без всяких посторонних примесей. Всё это познаваемо, всё это в пределах человеческого. Но существуют такие явления, которых ни с какой человеческой точки зрения нельзя понять. Я не могу понять прапорщика Крыленко, не могу подойти к нему с обычными мерилami, он стоит для меня вне человеческих критериев.

Совет комиссаров в Петрограде именует его верховным главнокомандующим, и сам он тоже называет себя так. Часть армий, стоящих ещё на фронте, признаёт его титул – я говорю «титул», потому что, по-видимому, никто на свете не признаёт его власти. Во всяком случае сам прапорщик Крыленко должен мнить себя облечённым какими-то правами, иначе ему не к чему было

бы именоваться главнокомандующим: мало ли существует других титулов, которыми он мог бы украсить своё имя: он мог бы быть – обер-камергером или обер-шталмейстером двора народных комиссаров или ещё чем-нибудь в этом роде, носить титул звериный, т.е. немецкий, т.е. импонирующий в большевистских кругах и притом не соединённый ни с правами, ни с ответственностью. Я помню прапорщика Крыленко по его студенческим выступлениям в Петрограде в 1905 году, я слышал о нём весною нынешнего года как о председателе одного из армейских комитетов; прапорщик Крыленко достаточно образованный человек, чтобы знать простую истину: что без какой-либо ответственности не бывает и прав; это не есть моральное требование, это – элементарный факт.

Конечно, ответственность прапорщика Крыленко не может быть очень велика. Он командует не армиями, а толпами развращённых и разнузданных людей, ибо то, что осталось неразнузданным и честным на фронте, не признаёт его. Если толпа, над которой прапорщик Крыленко является верховным главнокомандующим бесчинствует и сама себя предаёт, то «верховный» не может считать себя ответственным за это, потому что, во-первых, и то, и другое входит в политическую программу пославших его и, во-вторых, он не обладает правами, достаточными для того, чтобы прекратить бесчинство; да, наконец, армия разлагалась при всех верховных в течение последних девяти месяцев, и лишь один сделал подлинную попытку восстановить её.

Итак, ответственность, которую может чувствовать прапорщик Крыленко, минимальна. Однако, какой-то минимум всё же есть. И этот минимум, без которого человек перестаёт быть человеком, был выброшен за борт в Могилёве. Человек может быть безумен, может быть жесток, может доходить до изуверства, сохраняя в себе какие-нибудь основные человеческие черты. Но прапорщик Крыленко утратил, по-видимому, в Могилёве всё человеческое.

Если бы он приехал в Могилёв с намерением убить Духонина и приказал его убить; если бы он хотел убить его и, не имея мужества приказать, подослал убийц, то и тогда он был бы более понятен, чем теперь. История преступлений знает немало подобных случаев. Но верховный главнокомандующий Крыленко не приказывал убивать, он даже просил не убивать, он даже вопил «не – до – пу – шу», он даже закрыл лицо руками, настолько неприятно ему было, по-видимому, что в его присутствии озверевшие красногвардейцы тащат из вагона беззащитного генерала, убивают его и разрывают его труп.

Прапорщик Крыленко считал и считает себя верховным главнокомандующим, т.е. начальником многих миллионов людей. Но в Могилёве у него не хватило власти, чтобы воспрепятствовать убийству, совершённому кучкой преступников рядом с ним и на его глазах. Для человека, для существа с человеческой душой отсюда мог бы быть только один вывод. Но для прапорщика Крыленко отсюда не вытекает ничего. Прапорщик Крыленко способен не только жить, разговаривать, спать и есть – он способен посылать широковещательные телеграммы; он способен считать себя по-прежнему главнокомандующим, хотя даже кучка убийц в военной форме и то не повинуется ему. Прапорщику Крыленко это безразлично; в его душе не звучат никакие человеческие мотивы, не только альтруистические, но даже эгоистические; даже элементарного самолюбия в нём нет.

Повторяю. Если бы прапорщик Крыленко хотел убить генерала Духонина, он был бы преступником, но и преступник бывает человеком. Но если он – «верховный главнокомандующий» – не желая этого убийства, не сумел его предотвратить у себя на глазах и после этого продолжает жить и играть свою прежнюю роль, то он хуже убийцы, ибо не видно в нём больше души человеческой. И среди всего, что пришлось наблюдать в течение последнего месяца, преисполненного безумия и ужаса, не было ничего, что воз-

буждало бы столько отвращения и гадливости, как образ главного могилёвского главнокомандующего, ведущего свои армии и за ними весь мир ко всеобщему счастью.

«Русские Ведомости», 6(19) декабря 1917 года, № 269, с. 2.

ПЕРЕД СВЯЩЕННОЙ ВОЙНОЙ

Румынский фронт – самый благополучный из всех наших фронтов, и потому мне особенно любопытно было услышать о состоянии его частей. Румынским фронтом командует генерал Щербачёв, а не прапорщик Крыленко. Там в общем сохранилась организация штабов. Туда позднее и с несколько меньшею силой проникла разлагающая пропаганда петроградского большевизма. В Румынии есть, наконец, румынские войска и существует румынская власть, заинтересованная в том, чтобы обеспечить свою страну от потока и разграбления. Теперь, когда народные комиссары собираются вести священную войну, небезынтересно узнать, что представляют из себя лучшие армии, обработанные по правилам революционных уставов.

Солдаты на румынском фронте не голодают – таково первое отрадное наблюдение. Но «отрада» эта крайне условна. Они не голодают не только потому, что фронт находится близ хлебородных частей России, а главным образом вследствие своей малочисленности. Страшные вопли о приближающемся голоде, доносившиеся недавно с позиций, не превратились в ещё более страшную действительность лишь благодаря тому, что армия ушла. В роте на румынском фронте осталось по 20–30 человек, полк насчитыва-

ет несколько сот солдат. Потребность в продовольствии сократилась по сравнению с нормальной (если считать по списочному составу частей) чуть ли не в десять раз, и катастрофическое падение железнодорожного подвоза в связи с разъездом солдат даёт несколько неожиданный, но превосходный для остающихся результат. Солдаты, не ушедшие ещё с фронта, покамест сыты. Однако лошади, среди которых нет дезертиров, голодают. Падёж достиг огромнейших размеров, и в результате последнего года войны Россия останется безлошадной, ибо армия не возвратит деревне и малой доли того, что она взяла.

Между тем, как в тылу большевистская власть проповедует и пытается осуществлять переход от частной собственности к государственной, на фронте идёт обратное движение: там государственная собственность постепенно превращается в частную. В общежитии такой переход называется расхищением казённого добра. Солдаты распродают в свою пользу всё то, что в руках казны служило империалистическим целям, а в частных руках выполняет какое-либо невинное назначение. Не только проблема демобилизации личного состава армии снимается таким образом с очереди. Проблема демобилизации материальной части тоже в высшей степени упрощается. Не к чему будет заботиться об использовании огромного имущества частей, скопившегося на фронте, для нужд народного хозяйства после того, как распределение его произойдёт само собою в революционно-демократическом порядке.

Демобилизация идёт ещё дальше. Артиллерийские бригады остаются в таком положении, что некому не только чистить лошадей – этот буржуазный предрассудок отброшен уже давным-давно, – но даже и перевозить орудия. Единственное, что остаётся делать, это сдавать орудия румынским военным властям. Так некоторые части и поступают.

Всё это рассказал мне мой бывший начальник и друг, отличный боевой офицер, возвратившийся на днях с румынского фронта. И

хотя в общем все мы знаем о положении вещей, однако горячий и образный рассказ его сделал для меня понятными некоторые явления, которые я прежде затруднялся объяснить. Почему, например, главковерх Крыленко так жалко беспомощен в вооружённой борьбе со своими многочисленными врагами? Числятся же в его распоряжениях десятки дивизий, тяжёлые дивизионы, броневые автомобили, воздухоплавательные отряды и пр., и пр. Не объясняется ли всё тем, что армия уже растаяла и уничтожена окончательно, что северный и западный фронты, которые заведомо хуже юго-западного и румынского, заняты лишь фиктивными, только на бумаге существующими частями: не только в смысле своей боеспособности, утраченной ещё весной, а вообще в смысле своего существования?

Если армия не голодает и не ринулась на тыл добывать себе хлеб, то это произошло по простой причине: армии больше нет. Упорные или медлительные, задержавшиеся ещё по какой-либо причине близ окопов, спешат теперь распродать оставшееся казённое имущество и уходят в тыл заниматься торговлей. Процесс демобилизации завершается.

Такова обстановка, в которой халиф правоверных большевистских армий собирается объявить «священную войну против российской, немецкой и англо-французской буржуазии». Доблесть этого прапорщика превосходит все известные исторические примеры, особенно, если учесть многочисленность его врагов и отсутствие солдат в его распоряжении. Он шадит только американскую, итальянскую и японскую буржуазию, первую и последнюю, вероятно, вследствие того, что флот, предназначенный для священной войны, Центробалтом ещё не подготовлен и вопрос о большевистском десанте на американском материке или на японских островах требует тщательной предварительной разработки в военной секции совета рабочих и солдатских депутатов.

Прапорщик Крыленко знает и сам, что в его распоряжении нет солдат. «Товарищи, – жалуется он, – армия устала, армия изнемогла, старая армия, армия прежняя, неспособна к такой задаче.» И главковерх мечтает о красногвардейцах, которые будут брать крепости Гинденбурга с таким же успехом, с каким они берут приступом квартиры частных лиц. Много ли народу главковерх наберёт в свои новые части, предсказать нельзя, потому что «материальное положение этих частей будет определено особо». Если установить вознаграждение в 25 руб. в месяц, то число будет, разумеется, иным, чем, если установить 25 руб. суточных согласно существующим уже прецедентам. Но, во всяком случае, единственное средство, которым ещё располагают большевики для создания новых частей, это – деньги. Моральный авторитет у них имеется, когда они обещают приятные блага раздела имущества и мира. Воевать вслед за ними бесплатно никто не пойдёт.

Косность народная и устойчивость простейших бытовых отношений так велики, что большевистская власть могла бы, по-видимому, продержаться ещё довольно долго, если бы брест-литовские переговоры не нанесли ей тягчайшего удара. Но большевики, одурочившие народ именно тем, что они обещали ему невозможный мир, становятся смешными, когда они с пафосом провозглашают священную войну. Надо только пожелать им побольше такого пафоса, ибо он убийственнее для них, чем все нападки противников. Когда до народного сознания дойдёт, что к войне его призывают разрушители последних остатков русской армии, уже впустившие немцев в Петроград, тогда, может быть, обманутая нация прозреет. Побольше приказов по армиям, подобных приказу прапорщика Крыленко! Эти приказы разоблачают захватчиков лучше, чем всё, что возможно написать против них.

«Русские Ведомости», 30 декабря 1917 года (12 января 1918 года), № 278, с. 1.

1918 год

РУССКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В первом январском номере газеты подводят обычно итоги прошедшему и высказывают предположения о том, что ожидает страну в наступающем году. Этот добрый обычай нам приходится оставить. Мы вошли в катастрофическую полосу русской истории, когда немыслимы итоги и недопустимы пророчества. Наш государственный корабль, как лодка захваченного вихрем рыбака в мрачном и фантастическом рассказе Эдгара По, с головокружительной быстротой скользит в бездну, и никто из современников не в силах предугадать, что всплывёт на поверхность взбаламученного моря, когда пройдёт военный и революционный ураган. Что ожидает русское народное хозяйство? Да кто знает: может быть, надо писать не о русском народном хозяйстве, а о великорусском, украинском, башкирском, молдавском, одесском и прочия, и прочия, и прочия? Не время теперь для обобщающих статей. Результаты катастроф описывают лишь тогда, когда они закончены.

Но нельзя же расстаться окончательно с обычаем, существующим с тех пор, как издаются газеты: что-нибудь «новогоднее» необходимо написать. Поскольку речь идёт о народном хозяйстве, это можно сделать в одной только форме: можно наметить те вопросы, которые будут иметь для нашего будущего главнейшее значение.

Три с половиной года прошло со времени объявления войны, и за это время Россия обеднела. Насколько? Отвечая на этот вопрос, следует поставить отдельно финансовую и народнохозяйственную проблему.

На военные потребности к 1 сентября 1917 года ассигновано было 41 млрд. рублей. К 1 января 1918 года ассигнования составили, вероятно, около 50 млрд. рублей. Не вся ассигнованная сумма уже израсходована. На государственном совещании в Москве 12 августа С.Н. Прокопович указывал, что фактический расход достиг 34,5 млрд. рублей. К концу года он, вероятно, превысил 40 млрд. Однако разность между ассигнованиями и фактическим расходом почти целиком составляет невыплаченный ещё казённый долг, и можно поэтому считать, что по 1 января 1918 года война нам обошлась в 50 млрд. рублей. Эти 50 млрд. не однородны. Сюда входят заграничные займы, по которым придётся платить «золотом», внутренние займы, по которым придётся платить кредитными билетами, и наконец выпущенные Госбанком кредитные билеты, по которым можно будет ничего не платить.

Но вообразим на время, что государство могло бы и хотело бы избежать не только явного, но и скрытого банкротства, что, изъяв весь излишек кредитных билетов из обращения, оно превратило бы все 50 млрд. в консолидированный долг и уплачивало бы проценты по этому долгу полноценным рублём. Сумма процентов составила бы свыше 2,5 млрд. рублей в год.

Наш довоенный бюджет превышал 3 млрд. Если исключить из него все оборотные суммы обширных государственных предприятий, то он составлял около 2 млрд. Не считая всех тех новых расходов, которые неминуемо возникнут после войны, русскому казначейству при сделанном допущении пришлось бы расходовать после войны ежегодно $2,5 + 2 = 4,5$ млрд. А если считать эти неизбежные расходы, то цифру осторожнее поднять до 5 млрд. золотых рублей. Посильно ли это для казначейства? Другими словами, какую часть народного дохода составляет эта сумма?

По подсчётам главного экономического комитета народный доход России накануне войны составлял около 16 млрд. в год. Эта цифра во всяком случае не преуменьшена, и она не слишком дале-

ка от других аналогичных исчислений. Если бы по окончании войны народный доход возвратился к уровню 1913 года, предполагаемый расход в 5 млрд. составил бы 30% его. Но прежнего дохода уже не будет. Нам угрожает утрата территорий, население которых достигает $\frac{1}{8}$ части всего населения России. Мало того. Мы потеряем территории, которые по благосостоянию своему значительно выше среднего русского уровня. На их долю приходится не $\frac{1}{8}$ народного дохода, не 2 млрд., а больше. И без них народный доход России составит уже не 16 млрд., а менее 14, может быть, лишь 13. Однако и это не всё. Во время войны не только израсходована часть нашего капитала (мы дальше возвратимся к этому вопросу), упала, кроме того, производительность народного труда. На меньшей территории русский народ в ближайшие годы не будет производить новых ценностей на 13 млрд. рублей, и самое большее, во что позволительно оценивать после войны наше ежегодное производство, это 11–12 млрд. золотых рублей. По отношению к этой сумме народного дохода расход в 5 млрд. составил бы 40–50%. Никакой финансист не сумеет взять у населения половину его дохода. Финансовый вопрос не может поэтому разрешиться иначе, как при помощи скрытого банкротства, путём окончательного признания того или иного обесценения кредитного рубля, путём девальвации.

Если бы удалось установить курс кредитного рубля около 25 коп. золотом, удержав в обращении те 20 млрд. бумажных денег, которые выпущены Государственным банком, финансовая задача свелась бы к следующему. Нам пришлось бы платить проценты по займам на сумму приблизительно в 30 млрд. Из них около 8 млрд. взяты за границей, около 22 получены или должны будут быть получены внутри страны. Так как с обесценением русского рубля будут обесценены и русские займы, то эти 22 млрд. составят в прежних полноценных рублях лишь 5,5 млрд. Вместе с 8 млрд. нового заграничного долга это составит 13–14 млрд. рублей,

а проценты на эту сумму – около 700 млн. рублей золотом. Это будет огромное бремя, но в таком и даже несколько большем масштабе финансовая проблема в случае восстановления государственного порядка была бы разрешима. Конечно, дело обстоит бы так, если бы мы вышли из всех наших катастроф в январе 1918 года. В новом году всё это может ещё резко измениться.

Финансовая проблема не совпадает с народнохозяйственной. Расход казны и расход народного хозяйства – совершенно разные вещи. Хлеб, съеденный солдатом, с финансовой точки зрения является новой затратой, а с народнохозяйственной точки зрения это прежний расход, ибо солдат съедал свой хлеб и дома. Постройка железной дороги может явиться расходом для казны и приходом для народного хозяйства в смысле увеличения его производительных сил. Говоря, что война обошлась нам в 50 млрд., из коих 8 получены за границей, 12 составляют внутренние краткосрочные и долгосрочные займы, свыше 18 добыты путём выпуска кредитных билетов и остальные ещё не оплачены, мы даём весьма общую, но достаточно верную характеристику финансовых итогов войны. Но мы почти ничего не говорим о народнохозяйственной стороне дела. К сожалению, мы вообще очень немного можем сказать о ней, потому что она остаётся пока малоисследованной.

Длительная война ведёт к израсходованию части национально-го капитала, в настоящее время это можно считать твёрдо установленным: сперва капитала оборотного, а затем капитала основного. Мы израсходовали за время войны все обычные запасы топлива и сырья, угля, шерсти, хлопка, кожи, железа и пр. Нет статистических данных, по которым можно было бы определить, какой капитал составляли все эти запасы до войны. Но несомненно, во-первых, что для полной работы промышленности они необходимы и, во-вторых, что их не скоро удастся восстановить. Позднее, чем стало обнаруживаться израсходование сырья, проявилась трата основного капитала: неремонтированных зданий, усиленно рабо-

тавших машин и станков. И здесь нельзя дать даже приблизительные цифры. Но ясно, что за 3,5 года этот расход не может быть ничтожен, и в некоторых отраслях он был, несомненно, огромен. Больше чем какая-либо иная отрасль хозяйства пострадали наши железнодорожные предприятия. Интенсивное использование путей и подвижного состава сказалось на состоянии железнодорожного хозяйства уже задолго до революции. В последние 10 месяцев приходилось говорить не об усиленном использовании, а о систематическом и варварском уничтожении. Если до войны министерство путей сообщения заявляло, что для полного оборудования запущенной рельсовой сети ему необходимо произвести расход в 1 млрд. рублей, то после войны потребуется несколько «золотых» миллиардов, чтобы привести в порядок вотчину «Викжеля». Наконец, в 1917 году к прежним формам сокращения национального капитала присоединились гражданская война и погромы. Если Карл V говорил, что в его империи не заходит солнце, то Ленин с ещё большим правом может утверждать, что в его социализированных землях не потухает зарево пожаров. Ценность того капитала, который вложен в помещичьи хозяйства, даже в условиях нашей земледельческой культуры очень велика. Погромы постепенно приближают её к нулевому пределу.

Сокращение народного капитала было бы менее страшно, если бы перед нами раскрывалась одна из двух возможностей: получить существенную помощь из-за границы в виде кредита или быстро воссоздать затраченное благодаря росту производительности труда в связи с тем психологическим сдвигом, который может явиться результатом напряжённой войны. По-видимому, обе возможности для нас одинаково закрыты.

Свободных капиталов после войны всюду будет немного. Все страны быстрого и значительного накопления богатств участвуют в войне. Весьма вероятно, что лишь Соединённые Штаты Северной Америки по окончании войны смогут ещё выступить на меж-

дународном денежном рынке в качестве сильного кредитора. Но искателей кредита будет много. Большие государства с хорошей политической организацией, твёрдым порядком, интеллектуально высоко стоящим населением, вполне надёжным хозяйственным будущим находятся в их числе. Если при условии верности союзникам и государственной благоустроенности мы могли бы ещё рассчитывать на некоторую долю в будущем «кредитном» фонде, то теперь наши шансы на помощь становятся совершенно ничтожными и, может быть, нам долгое время будут давать лишь столько, сколько необходимо для уплаты процентов по иностранным долгам. Нам остаётся надеяться лишь на самих себя.

Увы! Это плохая надежда, по крайней мере, в ближайшее время. Беда наша не только в том, что мы разрушили и продолжаем разрушать свои богатства, а в том ещё, что мы утратили желание создавать. Развращающий лозунг бесплатного наделения землёй стал знаменем времени. Самое характерное для экономики революции заключается именно в том, что господствовавшая, да и теперь ещё наиболее многочисленная, партия пропагандировала идею о связи благосостояния не с производительностью труда, а с успешностью захвата. Богатство есть, его надо только взять, все могут быть счастливы, стоит только издать надлежащий закон. На улицах, на рынках, в вагонах, в мастерских, в советах и комитетах – всюду господствует одна идея: надо взять богатство у имущих и распределить, и вся задача добывания хлеба насущного будет этим разрешена. Недаром уже в первые месяцы революции появились группы, объявившие 8-часовой рабочий день буржуазным предразсудком, и недаром стремительное падение производительности труда и кормление за государственный счёт стали важнейшей и губительнейшей характеристикой революции.

Человек создаёт богатства, и он может быстро воссоздать разрушенное безумием. Но безумие прочно овладело Россией, и куда оно не пройдёт не только во внешних политических формах,

но и в глубине человеческой души – нам нечего и думать об экономическом преуспевании: до тех пор наш удел – варваризация.

«Русские Ведомости», 3 (16) января 1918 года, №1, с. 3–4.

КРАЙНИЙ СРОК

Власть народных комиссаров оказалась более длительной, чем многие полагали два с половиной месяца назад. Почему? Такой вопрос имеет не только историческое значение. Его необходимо поставить, чтобы дать себе отчёт в том, сколько времени может ещё продолжаться наш нынешний развал.

Власть большевиков – захватного происхождения, методом подготовки этого захвата были демагогия и политический обман, методом осуществления новой власти является вооружённое насилие, и в нём – в насилии – а не в воле большинства населения находится опора большевиков. Но все эти обстоятельства не должны заслонять от нас того факта, что с властвованием большевиков связаны интересы значительных групп населения. Пусть это – интересы лишь сегодняшнего дня или плохо понятые выгоды невежественных людей, или даже чисто грабительские интересы тех тёмных лиц, которые сознают себя в настоящее время безответственными за все свои преступления. Если мы хотим не морализировать, а хладнокровно взвешивать силы и проверять степень устойчивости созданного этими силами положения, мы должны учитывать все интересы – кратковременные и длительные, действительные и мнимые, честные и преступные – всем им подвести один общий итог.

Большевики не дали России обещанного мира: с фон Кюльманом даже Бронштейн пока не в состоянии был заключить мирный договор. Это обстоятельство несколько ослабляет позицию большевиков; но зато большевики распускают уже армию и этим в свою очередь укрепляют своё положение. Дезертирство перестало быть преступлением, и – что ещё важнее – оно было облечено в более или менее правовые формы. В порядке разрешения отпусков и увольнения отдельных возрастов распоряжением прапорщика Крыленко армия сокращена была в несколько раз. Интересы уволенных солдат связаны определённым образом с большевиками. Солдаты могут со временем забыть об этой связи, но сейчас они ещё помнят о ней.

Большевики не дали народу и земли. Не дали – потому, что крестьяне и сами захватили всё то, что лежало близко. Они не имеют никакого основания видеть в аннексированных помещичьих землях дар Троцкого и Ленина, а не «своего сельского министра». Отсюда – относительная слабость большевиков в деревне. Однако большевики гарантируют в большей мере, чем какая-либо иная власть, полную безнаказанность за все совершённые преступления и все произведённые погромы, и посему интересы недавно поживившихся связаны с правительством народных комиссаров.

Наконец, в городах власть большевиков поддерживает значительнейшая часть промышленного пролетариата, которому обещан полностью социалистический строй.

А государственная разруха, голод и нищета, которые приносит новая власть взамен всех благ, объявленных ею? Поскольку на длительность большевистского владычества не повлияют события международной жизни, которых в настоящее время нельзя ни предугадать, ни учесть, постольку именно разрухе суждено, по-видимому, сыграть в большевистском деле решающую роль. Однако здесь необходимы оговорки.

Пусть жестокая разруха уже налицо. Пусть банковая и кредитная системы расшатаны. Пусть промышленные предприятия закрываются одно за другим. Пусть железные дороги из путей сообщения превращаются в места, где подвергают жестокой пытке немногих платных пассажиров и время от времени перевозят небольшое количество товаров. Этого рода разруха ударит по большевикам не сразу.

Мы живём в период такого опрощения, какое представлялось бы немыслимым несколько лет назад. Наши потребности изменились до неузнаваемости. Нас постепенно перевоспитала война. Её дело довершила революция. Мы донашиваем старую обувь и старую одежду, лишь в случае крайней необходимости покупая что-либо новое, новых домов не строим, новых книг почти не издаём, и внимание наше направлено преимущественно в одну сторону: как бы поесть. Почти не работают заводы. Россия разодрана на части, а мы, тем не менее, существуем. Если бы эксперимент, подобный банковскому декрету, произведён был в момент нормального течения хозяйственной жизни – он перевернул бы хозяйство вверх дном, и вся нелепость его стала бы очевидной в тот же день.

Теперь, когда хозяйственная жизнь всё равно замирает, он стал возможным и, пожалуй, просуществует несколько месяцев.

Разруха вызывает бестоварье и безработицу. Но со стороны бестоварья разрушительные акты большевиков будут в течение некоторого срока компенсироваться сокращением интендантских заказов и возобновлением работы некоторых предприятий на гражданский рынок, а может быть, и немецкими товарами. А безработных советская власть будет, очевидно, содержать сперва за «буржуазный», а затем за государственный счёт. Покуда у владельцев предприятий имеются текущие счета, они послужат источником вознаграждения рабочих. Параллельно будет набираться красная гвардия или вербоваться социалистическая армия, и

никто не помешает большевикам кормить несколько сот тысяч или даже миллионы безработных за счёт печатания бумажных денег в течение довольно продолжительного срока. Разрушение промышленного капитализма будет подрывать большевистскую власть, но лишь постепенно, и не здесь таится наибольшая опасность для народных комиссаров.

Задачи, стоящие перед советской властью, очень упрощаются тем, что она пришла во время крайнего нашего оскудения, когда весь финансовый социализм сводится к тому, чтобы напечатать побольше кредитных билетов, и весь промышленный социализм сводится к тому, чтобы успешнее раздать эти кредитные билеты рабочим, из коих всё большее число перестаёт заниматься промышленным трудом. Но при всей упрощённости задач есть одна сторона нашей разлуки, которая должна стать для большевиков роковой.

Продовольственный кризис погубит их в близкое время, потому что с голодом невысказанно бороться при содействии красной гвардии и его нельзя утолить бумажными деньгами. Если бы не обостряющийся продовольственный кризис, социалисты Смольного института могли бы превратить Россию на время в чисто аграрную страну: потребности крестьянского населения в продуктах промышленности удовлетворялись бы германскими товарами, русская обрабатывающая промышленность была бы разрушена, промышленный пролетариат содержался бы под видом добровольной армии за государственный счёт. Но без хлеба такой план неосуществим, и голоду суждено спасти нас от варварства: это – одно из самых зловещих противоречий нашей государственной жизни.

В таком виде нам представляются результаты объективного анализа современного положения. На основании этих результатов очень рискованно было бы гадать. Но если предположить, а для этого имеются вполне достаточные основания, что продоволь-

ственный кризис достигнет весной предельной остроты, то этим будет уже кое-что сказано относительно вероятного «крайнего срока».

«Русские Ведомости», 26 января (8 февраля) 1918 года, № 17, с. 3.

ВОЛЬНЫЕ ЦЕНЫ ИЛИ СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ

Не начать ли сказку сначала

Система хлебной монополии осуждена. Пусть не в принципе, а лишь в современном её применении, пусть лишь в условиях русской безгосударственности, растерянности и дезорганизации. Об этом не время спорить. Осуждена монополия в настоящем году в пределах того, что осталось от государства Российского: вот всё, что нам важно установить. Мысль, что наша хлебная монополия отжила свой век, проникла уже в общественное сознание, и вся система государственных закупок и твёрдых цен всё более и более распадается. Говорят, что она уже «отменена» в некоторых губерниях. Передают, что местами даже представители продовольственных комитетов покупают или собираются покупать зерно по ценам, в несколько раз высшим чем те, которые были установлены законом 28-го августа. Трудно проверить все эти слухи в наше смутное время. Во всяком случае правила о передаче хлеба в распоряжение государства доживают свои последние дни. Не только собрания хлебных бирж, но и кооперативные съезды заслушивают доклады об отмене хлебной монополии. «Русские Ведомости» в

конце декабря также вполне определённо высказались за скорейшую ликвидацию продовольственной системы, от которой ничего хорошего ждать уже не приходится.

Но нет такой мысли, которая не могла бы предстать человеческому уму в очень различных нюансах и, насколько я могу уловить в своей саратовской глуши, в которую почтовые пакеты и газеты проникают настолько же регулярно, насколько правильно совершались, по преданию, почтовые сношения в первые десятилетия свергнутой династии – насколько я могу судить, мысль о ликвидации нынешней политики представлена в соответствующей литературе в трёх видах. Одни полагают, что следует сохранить государственную монополию, но покончить с твёрдыми ценами, разрешив продовольственным комитетам закупать по вольной цене. Другие думают, что следует сохранить лишь существующий уравнильный порядок распределения хлеба при помощи хлебных карточек, а все остальные ограничения уничтожить. Третьи, наконец, считают, что необходимо восстановить свободную торговлю в полном объёме. «Русские Ведомости» стали в своей редакционной статье на среднюю из вышеизложенных точек зрения. Но я надеюсь, что мне не отказано будет в разрешении высказать на тех же столбцах несколько соображений в пользу последнего взгляда. Das alte stürzt. И мне думается, что в нынешней экономической и политической обстановке ему лучше всего провалиться без остатка.

Всякий проект можно критиковать тщательно и беспристрастно лишь при условии, что он высказан достаточно подробно и определён. Таких проектов в настоящее время, по-видимому, нет, и можно поэтому обсуждать лишь возможные их принципиальные основания.

Зачем нужна была хлебная монополия? Затем, чтобы распределить равномерно среди всего населения то количество зерна, которого не хватало для удовлетворения потребностей страны

в прежних размерах. При вольном торге и вольных ценах состоятельный покупал бы больше, чем бедный; он достигал бы этого тем, что предлагал бы высшую цену, которая становилась бы всё более недоступной для бедняка. Без монополии и карточной системы распределение хлеба происходило бы действительно неравномерно. Но эта неравномерность имела бы единственным своим источником высокую цену хлеба, безразличную для одной группы населения и невыносимую для другой. Никому бы и в голову не приходило вводить монополию, если бы цена хлеба на вольном рынке оставалась достаточно низкой. И крайне неясно, зачем собственно будет существовать монополия, если цена всё равно будет очень высокой.

У сторонников первого из указанных взглядов могли бы быть такие соображения. Во-первых, при монополии с вольными ценами цена хотя и возрастёт, но поднимется меньше, чем при свободной торговле. На ранке останется один покупатель – государство. Губернии по-прежнему будут развёрстаны между главными потребительскими центрами и конкуренция скупщиков, комиссионеров, спекулянтов и прочих не вздует цены до невероятной высоты. И, во-вторых, государство сумеет взять все излишки зерна, между тем как свободная торговля, может быть, не разрешит этой задачи.

Всё это в настоящих условиях неверно. Государство не будет единственным покупателем ни при какой системе, ибо солдатская вольница, прорвавшая хлебную монополию и спекулирующая по всей России, сохранится и после отмены твёрдых цен. Но, не говоря даже об этом, продовольственные комитеты в качестве «единственного покупателя» могут оказаться в худшем положении, чем множество конкурирующих коммерсантов. Видя, что «казна» уплачивает всё большие цены, население может повысить свои требования сильнее, чем перед лицом частных спекулянтов. Надеяться же, что продовольственные комитеты скорее сумеют взять все

излишки зерна, чем торговцы, позволительно было десять месяцев назад, но никак не теперь.

Второй проект имеет больше оснований. Он предлагает ликвидировать всю систему хлебной монополии, кроме той её части, которая существовала уже до монополизации торговли и касается распределения хлеба по карточной системе. Мне кажется, однако, что и эта мера предосторожности в настоящее время будет бесполезна. Если теперь, когда вольная торговля встречает такие препятствия, желающие тем не менее могут приобретать контрабандную муку, то тем более это будет происходить тогда, когда закупка и перевозка хлеба станут совершенно или почти совершенно свободными. Теоретически можно представить себе равномерное распределение хлеба среди городского населения при осуществлении свободной торговли. Но наше повсеместное безвластие сделало бы и эту попытку бесплодной. Она требовала бы организации и контроля (не одних булочников, а всего рынка), в настоящее время неосуществимых. К тому же при высокой вольной цене она была бы не особенно нужна.

Единственные меры, которые следовало бы, на мой взгляд, временно сохранить, это – постановления о помоле одного лишь сорта муки, запрещение кондитерских производств, требование выпечки одного сорта хлеба. Да и то я думаю, что это были бы паллиативы, которые в лучшем случае оказали бы некоторое влияние на хлебный рынок в течение нескольких месяцев. Меры государственного вмешательства потеряли свой *raison d'être* с тех пор, как рушилось государство. Перебирать их снова в том или ином порядке едва ли своевременно.

У знаменитого когда-то англо-норманского публициста Принса Смита есть рассказ об англичанине, который хотел, чтобы его породистая собака была без хвоста. Но так как он вместе с тем нежно любил своего пса, то он не мог решиться сразу отрубить весь хвост несчастного животного. И поэтому он отрубал каждый день

лишь по кусочку. Принс Смит стоит на той точке зрения, что собака от этого не выиграла.

Мне думается, что уничтожая хлебную монополию по частям мы при нынешней обстановке также ничего не выиграем и что лучше всего ликвидировать её, во-первых, целиком, и, во-вторых, поскорее.

«Русские Ведомости», 15 (2) марта 1918 года, № 36, с. 1.

СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Настоящая революция официально признана социалистической и даже Государство Российское объявляется социалистическим в волеизъявлениях народных комиссаров и в размышлениях новых казённых публицистов и историографов. Социализм не является в этом смысле чем-то желаемым или требуемым, он есть программа, осуществляемая и до некоторой степени осуществлённая. Нас не может не интересовать вопрос о тех действительных социальных вопросах, которые происходят в новой республике временного состава и в период этой «истинно русской» социалистической прививки.

Взгляд на современную экономическую жизнь обнаруживает эти социальные процессы и позволяет выяснить то, что можно назвать социальным содержанием нашей социалистической революции. Это содержание заключается в *народждении новой буржуазии*. Историки найдут здесь некоторую новую аналогию между явлениями Великой французской революции и событиями

нашего трагического развала. Но нас интересуют не аналогии, а обстоятельства русской жизни, взятые сами по себе, – обстоятельства, в высшей степени важные для нашего государственного и хозяйственного будущего.

Стихийные процессы могущественней всех усилий людей, полагающих даже сравнительно прочной властью. В то время как «советы» и «комитеты» занимаются насаждением «социализма», жизнь неуклонно творит своё. И со временем, оглядываясь на события нынешних дней, мы увидим, что наряду с мыльными пузырями в эти дни созидалось и нечто очень устойчивое и очень прочное: мелкая буржуазия. Её очень легко заметить. Она держится уверенно и независимо. Рука реквизирующей, обыскивающей, конфискующей и социализирующей власти ей совершенно не страшна. Эту вновь нарождающуюся буржуазию можно встретить везде. В городе на рынке, на железнодорожных станциях и особенно в деревне. Теми или другими, иногда очень простыми, иногда очень сложными и неуловимыми путями ей досталось богатое наследие прижатой к стене крупной и средней буржуазии и «социализованного» в тылу и на фронте государственного достояния.

Наше время характеризуется огромным перераспределением богатств. Совершенно независимо от того, что будет дальше и как закончится нынешний «опыт», оно не останется без последствий, ибо *полного восстановления* никогда не бывает. Значительная часть того, что подверглось перераспределению, сохранится в новых руках. И с этой точки зрения – допуская, что будущее внесёт ещё значительные поправки – весьма любопытно установить, что составляет тот фонд, который распределила революция, и кто участвовал в распределении?

Фонд составляла прежде всего помещичья земля. Затем его составляют дома, фабрики, заводы, пароходы и т.п. Далее в него вошло очень большое имущество армии и отчасти, кажется, даже и флота. Наконец, в нём есть ещё один, четвёртый элемент, очень

существенный, который мы пока оставим без наименования. В этом фонде имеются более или менее постоянные части.

Дома, фабрики, заводы, пароходы, «пришли» и «уйдут»; в общем и целом «реформа» – поскольку она их коснулась, но не разрушила, не сожгла, не уничтожила физически – никого особенно не разорит и не обогатит. Таково уж социальное свойство вещей. Они тем прочнее присваиваются, чем менее они физически прочны, и наоборот. С этой точки зрения земля также должна была бы составить лишь временную принадлежность фонда. Но земельная реформа в каком-нибудь виде неизбежна, и поэтому земля на особом счету. Армейское имущество вошло в состав распределительного фонда безвозвратно. А о четвёртом элементе речь будет впереди.

Всё это досталось огромной массе, имя которой легион. Но доставшееся отнюдь не распределилось равномерно. Все наблюдатели деревни констатируют, что помещичье добро досталось более «крепким» крестьянам и, по-видимому, земля, если не сейчас, то в недалёком будущем тоже обнаружит тяготение к ним. Армейское имущество некоторых обогатило чрезвычайно, других не коснулось совсем. Поговорка гласит, что «деньги идут к деньгам». Так было, вероятно, и на этот раз: одни и те же руки успевали тянуться в разные стороны. И особенно они тянулись в ту сторону, о которой мы только упомянули, не называя её.

Революция вслед за войной приняла перераспределение богатств между городом и деревней. Городской социализм не создал новых ценностей. Напротив, он уничтожил старые богатства. Городская жизнь замирает. Безработица растёт. Повышенная зарплата редко остаётся в руках городского населения. Разумеется, и здесь происходит некоторое накопление, но оно невелико, оно выдвинет со временем из рабочей среды нескольких мелких капиталистов, не изменив общего облика рабочего класса: ибо возросли потребности и, главное, растёт дороговизна.

Повышенные заработки, огромные государственные расходы, суммы, так или иначе взятые у имущих классов населения, – всё это не застревает в городах, а идёт сплошным потоком в деревню, в руки тех, у кого есть хлеб, мясо, яйцо, птица, молоко, т.е. преимущественно в руки более зажиточных крестьян, и здесь остаётся. Иногда крестьянин получает не всю вырученную в городе сумму: если мешочник торгует не собственным хлебом. Но весьма часто тысячи, вырученные в больших городах за муку, поступают целиком в крестьянские сундуки.

В наше смутное время ничего в точности не учёшь и не определишь. Но целый ряд признаков говорит о том, что в России в указанном направлении совершается очень значительный кризис, который переживёт революцию и много определит в нашей жизни после неё. В этой заметке хотелось бы только подчеркнуть в той же связи лишь ещё одно обстоятельство. Чтобы не произошло с помещичьей землёй, но та земля, которая была куплена через посредство Крестьянского банка, достанется теперь заёмщикам почти даром: не вследствие социализации, а вследствие обесценения бумажного рубля и вместе с тем обесценения в 4–5, может быть, со временем в 6–7–8 раз самого ипотечного долга. А эта земля составляет теперь многомиллиардную ценность.

Чем более социализируется государство, чем более страдают города, тем успешнее развивается эта новая, мелкая, но преимущественно деревенская буржуазия. В том, что она крепнет, нет беды. Напротив, может быть, со временем она явится в деревне носительницей технического прогресса и культуры. Но весь рассматриваемый социальный процесс в целом представляет огромную опасность и, может быть, готовит непоправимую беду. Деревня в связи с революцией поглощает город. Наш город, молодой, слабый, чахлый носитель европейской культуры, не выдерживает ударов современных катастроф и погибает вместе с городской промышленностью, городским промышленным пролетариатом,

который начинает уже уходить в деревню, городской интеллигенцией, против которой в первую очередь направлен современный фазис революции, и городской культурой. Это – большая тема, к которой необходимо будет ещё вернуться.

«Свобода России», 25 (12) апреля 1918, № 12, с. 1.

ская печать пользовалась полной фактической свободой, которая была легализована апрельским законом 1917 г., долго числившимся формально неотменённым и при большевиках». – Владимир Розенберг, Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские Ведомости» (1863–1918 гг.), Прага, 1924, с. 162–163.

Стр. 11. «Мы видим отражённые в зеркале публицистики мысли и чувства русского интеллигента...» – Российский экономист и историк экономической политики Юрий Маркович Голанд в конце 80-х годов прошлого века опубликовал VII часть «Из тюремных сонетов» Л.Н. Юровского, написанных в 1931 году в Бутырской тюрьме и адресованных жене. Этот стихотворный фрагмент имеет важное значение для характеристики личности Леонида Наумовича:

*Почти что десять лет мы жили близ Арбата.
Я кое-что писал, но в вечной суете;
Без радости я вспомню годы те:
Как много лишних дел, какая сил растрата.*

*Я не хотел совсем ни почестей, ни злата,
Стремился к тишине, к покою, к простоте,
Готов с тобою был ютиться в тесноте,
Была бы только жизнь внутри меня богата.*

*Беда, коль попадёшь, как муха в паутину.
Я начал уж входить в чиновничью рутину,
Хоть сам о том скорбел. Но беспощадно небо:
Душа стремится ввысь, а людям нужно хлеба.*

*И строишь жизнь свою случайно и превратно,
А годы между тем уходят безвозвратно.*

КОММЕНТАРИИ

Предисловие

Стр. 10. «...в московской газете «Русские Ведомости». – Иногда «Русские Ведомости» называют чуть ли не органом партии «Народной Свободы» (кадетов). Но вот что пишет Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс, сама бывшая автором газеты и членом ЦК партии «Народной Свободы»: «Московские «Русские Ведомости» по духу и по составу сотрудников почти сливались с кадетами, но эта старинная, влиятельная газета партийным указкам не подчинялась». – А. Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, Москва, Московская школа политических исследований, 2007, с. 369.

Стр. 10. «...в рамках изучения экономической политики периода НЭПа выходят интересные исследования и прекрасные сборники документов.» – См. напр., Ю.М. Голанд, Дискуссии об экономической политике в годы денежной реформы 1921–1924, Москва, «Экономика», 2006; Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твёрдой валюты. Документы и материалы (сост. Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарёв), Москва, РОССПЭН, 2008.

Стр. 10. «...несопоставима со свободой суждений в предшествующий период (в особенности между мартом и октябрём 1917-го года).» – Ср. авторитетное свидетельство редактора «Русских Ведомостей» В.А. Розенберга: «При февральском временном правительстве рус-

Опубликовано в статье – Ю.М. Голанд, Один из лучших, «Социалистическая индустрия», 12 января 1989 года, № 10, с. 3. Слова «мы жили близ Арбата» стоит соотнести с тем, что писал племянник Л.Н. Юровского Владимир Евгеньевич Юровский: «Этот очень скромный в жизни человек жил все советские годы в коммунальной квартире в одном из арбатских переулков. Его единственный сын погиб в 1943 году на Брянском фронте, жена умерла в 1969 году в глубокой бедности». – В.Е. Юровский, Архитектор денежной реформы 1922–1924 годов, «Вопросы истории», 1995, № 2, с. 143. Сына Л.Н. звали Георгий. Жена Л.Н. была образованным человеком, училась в Сорбонне, имела армянские корни, отсюда её имя – Вартуги. Вартуги Карповна Юровская (урождённая Энгеева). С фотографии 1903 года хранящейся в личном фонде Л.Н. Юровского в Российском Государственном Архиве Экономики (РГАЭ) из глубины прошлого века на нас смотрит красивая девушка с тяжёлой тёмной косой, упавшей с левого плеча.

Стр. 11. «Статьи и заметки публиковались Л.Н. Юровским в либеральной московской газете «Русские Ведомости...» – Л.Н. Юровский был не просто сотрудником газеты, но и вошёл в состав издательского товарищества «Русские Ведомости». Вот что пишет об этом редактор «Русских Ведомостей» В.А. Розенберг: «Но привлекая в состав нашего товарищества новые силы, мы считали, что наша задача не была бы выполнена удовлетворительно, если бы в него тогда же не вошли представители и того, юнейшего, поколения работников «Русских Ведомостей», с которыми связывались наши лучшие надежды на будущее дорогого дела. Прилив новых молодых сил к «Русским Ведомостям» продолжался в последние годы так же, как и всегда. Назову имена наших молодых редакционных работников последнего времени: Л.Н. Юровского, Н.В. Якушкина, В.П. Волгина, Л.Н. Литошенко, Е.С. Синегуба, и молодых иностранных корреспондентов «Русских Ведомостей» А.М. Деренталя и М.А. Осор-

гина. Двое из них, Юровский и Якушкин, старшие по работе в газете среди этой литературной молодёжи, вошли и в состав издательского товарищества «Русских Ведомостей». – Владимир Розенберг, Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские Ведомости» (1863–1918 гг.), Прага, 1924, с. 247–249.

О дружеских отношениях Л.Н. Юровского с Н.В. Якушкиным («один из ближайших друзей») с непередаваемой улыбкой рассказывал мне в конце 80-х годов и позднее писал об этом В.Е. Юровский: «...его друзьями были студенты-москвичи Н.В. Якушкин и С.И. Сахаров, которые познакомили его со своими родителями. И вскоре он стал «своим человеком» в семьях прогрессивного московского адвоката И.Н. Сахарова (дед академика А.Д. Сахарова) и В.Е. Якушкина, внука декабриста, члена ЦК партии кадетов» – В.Е. Юровский, Архитектор денежной реформы 1922–1924 годов, «Вопросы истории», 1995, № 2, с. 139.

Стр. 12. «Она началась переходом 22 мая (4 июня) 1916 года четырёх Русских Армий (VIII, XI, VII и IX) в наступление.» – Оценивая итоги этой операции, в которой принимал участие и Л.Н. Юровский, Н.Н. Головин писал: «Тактические результаты этой битвы были громадными. Взято было в плен 8924 офицеров, 408000 нижних чинов, захвачено 581 орудий, 1.795 пулемётов, 448 бомбомётов и миномётов. Отнята у противника территория более чем в 25000 кв. километров. Таких результатов не достигла ни одна наступательная операция наших союзников в 1915, 1916 и 1917 г.». – Н.Н. Головин, Военные усилия России в мировой войне, Париж, 1939, т. 2, с. 164. Стоит сделать замечание биографического характера. Ю.М. Голанд пишет, что «во время первой мировой войны, в конце 1915 г. Юровский был призван на военную службу, стал артиллеристом, получил чин прапорщика и батарею под свою команду на Румынском фронте». – «Леонид Наумович Юровский.

Портрет на фоне эпохи» в книге Л.Н. Юровский, Денежная политика советской власти (1917–1927). Избранные статьи, Москва, «Экономика», 2008, с. 6. В отношении службы на фронтах требуется небольшое уточнение. Румынский фронт был образован 3(16) декабря 1916 года, до этого Л.Н. Юровский воевал в составе Юго-Западного фронта. Его три первые статьи, публикуемые в настоящем сборнике, относятся именно к этому периоду. Кроме того, батареей прапорщик Юровский командовать не мог. Впрочем, в военных корреспонденциях Л.Н. Юровский достаточно подробно описывает свои военные занятия.

Стр. 12. «...размышляющий о том, что... теперь делать.» – В этом отношении интересна статья Л.Н. Юровского «Вольные цены и свободная торговля», опубликованная в газете «Русские Ведомости» 15 февраля (2 марта) 1918 года. По своему настроению она лежит в русле обращения профессоров-экономистов, предложивших двумя месяцами позже создать «Союз русских экономистов»:

«Тяжёлые испытания выпали на долю нашей родины. Они способны затуманить даже самый трезвый ум и спокойное сердце. Большое смятение царит в русском обществе и в нём широко разливаются такие идейные течения, которые идут вразрез с основными положениями современной науки. И она должна подать свой голос.

Русские учёные громко должны высказать то, к чему обязывает их научная совесть. Они открыто должны произнести трезвое слово научной правды, хотя бы эта правда не нравилась большинству.

Перед лицом грозного внешнего врага внутри страны раздался призыв к междоусобной борьбе и классовой ненависти. Русские социалисты в своём стремлении к захвату власти стали на путь обольщения широких масс избыточными обещаниями. В стране, изнурённой тяжёлой войной, народу было обещано немедленное за счёт имущих классов улучшение жизни. Долг русской экономичес-

кой науки – прямо и открыто сказать, что главная причина бедности и страданий нашего народа в недостаточной производительности отечественного труда, что не путём уравнительного дележа, а только путём всемерного напряжения производства и только при деятельном сотрудничестве всех участвующих в нём сил можно достигнуть длительного улучшения народного благосостояния.

Когда в дни революции ломаются старые и создаются новые формы политической жизни, невольно возникает стремление к коренному переустройству экономического уклада. И в нашем обществе, только что сбросившем оковы самодержавия и получившем возможность к широкому законодательному творчеству, замечается такое же стремление. Русская экономическая наука должна напомнить тем, кто призван к власти, что народное хозяйство – не пластическая среда, из которой законодатель может лепить любые формы, а сложный организм, имеющий свои особые законы, идти наперекор которым никто не может. Накопленный человечеством опыт нас учит, что в сфере хозяйственной эволюции нет резких переломов и скачков, здесь всё растёт и развивается подобно растению.

Русский народно-хозяйственный организм в большом расстройстве. Для уврачевания его недугов необходимы решительные, но глубоко обдуманые меры, в которых должны быть учтены установленные наукой законы экономической жизни. Время социального знахарства прошло. Одного здравого смысла и практического опыта мало для уврачевания социальных недугов. Законодатель и практический политик должен искать совета и помощи у экономической науки и русская наука должна мобилизовать все силы.

К тем, кто не стоит на узкоклассовой точке зрения, кто верит и искренно стремится к развитию национального производства и кому в то же время дороги интересы трудящихся, обращаемся мы с горячим призывом сложить свои силы, знания и опыт на пользу великого дела экономического возрождения России.

Мы предлагаем образовать союз деятелей русской экономической науки и практики, жизнь которого проявлялась бы в созыве периодических съездов для обсуждения важнейших вопросов и задач русского народного хозяйства. Предлагаемому нами объединению не должно препятствовать расхождение во мнениях по отдельным вопросам, но известная общность экономического мировоззрения нам представляется необходимой.

Союз должен спаять всех тех, кто понимает, что при современной экономической обстановке менее чем когда-либо можно пренебрегать интересами производства, кто стремится к широким социальным реформам, но в то же время стоит на эволюционной точке зрения, основывая свои выводы на данных экономической теории и того опыта, которому нас учит хозяйственная история».

Циркуляр подписан профессорами: А. Вормс, В. Ден, В. Железнов, А. Мануилов, П. Струве, Н. Шапошников, опубликован в газете «Свобода России», 28 (15) апреля 1918 года, № 15, с. 4.

Интересно отметить, как спустя 12 лет мысль о ценности экономической науки, её важной самостоятельной общественной роли, пройдя через испытания, сохраняя своё содержание, приобретает у П.Б. Струве обогащённое приобретённым опытом звучание:

«Разительный факт новейших преследований (арестов), обрушившихся частью на людей, являющих из себя *стопроцентных* социалистов, частью на беспартийных специалистов, отдавших все свои силы на работу по заданиям и под руководством коммунистической власти, есть как бы вершина коммунистической низости и цинизма. Ни одного здравомыслящего человека нельзя уверить, чтобы социалисты Суханов, Громан (статистик), Базаров (экономист), чтобы капитулировавший перед коммунизмом экономист-народник Чаянов, чтобы творец советской валютной реформы, ученик Чупрова и Брентано Юровский ковали заговоры, направленные на восстановление «помещиков и капиталистов» и чтобы они вообще были в каком бы то ни было смысле бунтовщиками против советской власти.

Последняя как будто хочет доказать воочию и до конца, что правы были мы, люди Зарубежья, борющиеся за национальную Россию, когда мы отрицали нравственную правомерность и политическую разумность соглашательства с большевистским режимом, всякого, хотя бы самого идеалистического, пособничества ему. С нашей точки зрения, не тут пролегал правый и верный путь. Мы всегда были убеждёнными, решительными сторонниками национальной революции против большевизма, но именно потому нас так глубоко, по-человечески, возмущает травля людей, с нами ни в какой мере не единомысленных, людей, которые, конечно из идейных и идеалистических соображений, ради блага страны и народа, но как-то, на наш взгляд, ненужно и порочно служили противонародной власти и тем её поддерживали». — «Аресты социалистов и спецов» в книге — П.Б. Струве, Дневник политика. 1925–1935, Москва-Париж, Русский Путь — YMCA-PRESS, 2004, с. 561–562.

Трудно отделаться от впечатления, что П.Б. Струве в этой заметке протягивает руку тем, о ком он пишет, стараясь доступным ему способом показать коммунистической власти, что арестованные люди заслуживают лучшей доли.

Стр. 12. «Оно чувствуется в первых строках его статьи «Бюджет и народный доход в современной России.» — «Бывают перемены судеб, которые так внезапны или так поразительны, что человеческая мысль лишь с трудом может освоиться с ними. Мы не оспариваем тогда самого факта этих перемен, но мы в то же время не в состоянии осознать их полностью и принять их мыслью и чувством, как прочные и неизменные условия нашего существования. Сплошь и рядом такое явление можно наблюдать в индивидуальной жизни, но оно наблюдается и в жизни общественной. Лишь по прошествии долгого промежутка времени человеческая мысль постепенно свыкается с совершившимися фактами, осваивается с новой обстановкой и в своих планах начинает исходить не из того, что казалось

возможным, а из того, что в настоящее время дано. Процесс такого осознания бывает мучителен и долог; отдельные стадии этого процесса характеризуются преобладанием в господствующих настроениях различных иллюзий, последовательно изживаемых до тех пор, пока мысль не обратится окончательно к реальной действительности.» – Л.Н. Юровский, Денежная политика советской власти (1917–1927). Избранные статьи, Москва, «Экономика», 2008, с. 567.

Стр. 13. «Система военного коммунизма установилась не сразу. Небольшой период от Октябрьской революции до лета 1918 года носил переходный характер.» – Примечание к главе I («Денежная политика эпохи военного коммунизма») «Денежной политики Советской власти» – Л.Н. Юровский, Денежная политика советской власти (1917–1927). Избранные статьи, Москва, «Экономика», 2008, с. 87.

1916 год

Будни

Стр. 15. «...вся позиция лёгкой батареи...» – т.е. трёхдюймовых пушек.

Стр. 15. «...неприятель всегда называется «он»...» – Ср. со следующими словами: «...австрийцы в окопах для нас не люди, которых мы завтра можем увидеть в лицо, а некий безликий «он». – Ф.А. Степун (Н. Лугин), Из писем прапорщика-артиллериста», Томск, «Водолей», 2000, с. 41.

Стр. 15. «Нам достаются... противогазовые маски новой системы. Это – уже не марлевые повязки первого времени с завёрнутым в клеёнку компрессом, а резиновое прикрытие с очками для всего лица; в металлическую часть его ввинчивается коробка-респиратор, напол-

ненная, кажется, углём. Всё это хранится в брезентовом футляре и носится через плечо.» – Ср. с фрагментом написанного в 1980–1981 годах «Юношеского романа» Валентина Петровича Катаева о противогазах в Русской Императорской Армии: «В начале войны противогазы были чрезвычайно примитивны: матерчатые наморднички, которые надевались на лицо и завязывались на затылке тесёмками. Их следовало смачивать какой-нибудь жидкостью: водой, чаем, а если под рукой ничего не было, то и просто собственной мочой, всегда имевшейся под рукой. Смачивать наморднички мочой считалось даже лучше, так как, дескать, упомянутая жидкость хорошо нейтрализовала ядовитый газ. Но потом на вооружение поступили новые, более усовершенствованные противогазы: жестяные коробки с угольным порошком и резиновым респиратором через который надо было дышать. Затем имелись очки в жестяной оправе для предохранения глаз, а также особые щипчики, которыми следовало зашпиновать нос, чтобы удушливый газ не попал через ноздри в лёгкие. Щипчики висели на верёвочке. Всё это надо было долго прилаживать...» – Валентин Катаев, Сочинения, т. 3, Москва, «Вагриус», 2005, с. 259–260. Вероятно, Л.Н. Юровский и его сослуживцы с охотой оснащались более удобными противогазами противника, принимая во внимание, что газовые атаки в годы Великой войны не были редкостью.

Дела и дни

Стр. 17. «Мои боевые товарищи очень ценят то, что я могу перевести подобранные в окопах немецкие газеты и письма...» – Вероятно, перевод немецких газет и писем расширял кругозор соратников Л.Н. Юровского в связи со скупостью российских официальных источников. И свободное владение Леонидом Наумовичем немецким языком было действительно большой находкой. А вот что пишет другой прекрасный знаток немецкого языка в марте 1915 года: «Наши официальные источники крайне скупы в сообщении того, что нам

стоило вырвать у немцев наш контртриумф. Немецкие же сообщения (как раз на днях мне в руки попала немецкая газета, найденная в захваченном австрийском окопе) гласят о потере нами 300 орудий, а это колоссальный масштаб, даже и в том случае, если немцы удвоили цифру отобранных пушек». – Ф.А. Степун (Н. Лугин), Из писем прапорщика-артиллериста», Томск, «Водолей», 2000, с. 47.

Стр. 18. «...в этой превосходной, густой тени, которой позавидовал бы лишённый вовсе тени бессмертный Петер Шлемиль давно умершего Шамиссо, я провёл много хороших часов и дней.» – Речь идёт о повести немецкого естествоиспытателя и поэта Адельберта фон Шамиссо (1781–1838) – «Удивительная история Петера Шлеммля» (1813) – «Peter Schlemihls wundersame Geschichte», в которой рассказывается о человеке, потерявшем свою тень. Адельберт фон Шамиссо происходит из лотарингских дворян. Его отец эмигрировал в Германию во время Французской революции.

Стр. 18. «Я понимаю, что обстановка пустой бочки несколько не должна была препятствовать философической работе Диогена. Я только не могу понять, как мог он огорчаться тем, что, беседуя с ним, один из властителей Греции загородил от него солнце.» – Л.Н. Юровский посмеивается над преданием о разговоре Диогена Синопского с Александром Македонским. Рассказывают, что «коренастый бродяга из черноморского Синопа» Диоген был сыном фальшивомонетчика и единственным учеником Антисфена. Он бродил по Греции, но чаще всего останавливался в Коринфе, именно там жил он в круглой глиняной бочке – пифосе (πίθος). «Над ним смеялись, но его любили. И когда коринфские дети из озорства разломали его бочку, то коринфские граждане постановили: детей высечь, а Диогену выдать новую бочку. Он дожил до дней Александра Македонского. Когда Александр был в Коринфе, он пришёл посмотреть на Диогена. Тот лежал и грелся на солнце. «Я Александр, царь Македонии,

а скоро и всего мира, – сказал Александр. – Что для тебя сделать?». – «Отойди в сторону и не заслоняй мне солнце», – ответил Диоген. Александр отошёл и сказал друзьям: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном». Умер Диоген будто бы в тот самый день, что и Александр в далёком Вавилоне». – М.Л. Гаспаров, «Занимательная Греция», Москва, 2009, с. 272.

Стр. 18. «Судьба играет человеком, она изменчива всегда.» – Слова из песни «Пожар московский» (стихи Н.Г. Соколова, музыка народная), посвящённой событиям 1812 года. Слова написаны в 1850 году. В 1902 году, когда Л.Н. Юровский поступил в Санкт-Петербургский политехнический институт, вышла первая граммофонная пластинка с записью песни. Тиражи, выпущенные к 100-летию Отечественной войны 1812 года, были огромны. У песни было несколько названий: «Пожар московский, или 1812 год», «Наполеон в Москве» и т. д. Песня была записана на пластинках в исполнении самых популярных певцов и певиц того времени – М. Комаровой, М. Лидарской, Ю. Морфесси, русских народных хоров под управлением М. Головина и П. Баторина, оркестра В. Кузьмина:

Шумел, горел пожар московский,
Дым расстилался по реке,
А на стенах вдали кремлевских
Стоял он в сером сюртуке.
И призадумался великий,
Скрестивши руки на груди.
Он видел огненное море,
Он видел гибель впереди.
И, притаив свои мечтанья,
Свой взор на пламя устремил,
И тихим голосом страданья
Он сам с собою говорил:

«Зачем я шел к тебе, Россия,
 Европу всю держа в руках?
 Теперь с поникшей головою
 Стою на крепостных стенах.
 Все войско, собранное мною,
 Погибнет здесь среди снегов,
 В полях истлеют наши кости
 Без погребенья, без гробов».
 Судьба играет человеком,
 Она изменчива всегда,
 То вознесет его высоко,
 То бросит в бездну без стыда.

Песня, видимо, была популярна на фронте. См. фрагмент из «Юношеского романа» В.П. Катаева: «Вскоре батарейный уехал по болезни в тыл лечиться, а на его место был назначен боевой офицер поручик Тесленко, как тогда принято было говорить – из простых, маленький, с мягким непородистым лицом, кумир солдат, о котором даже сложили песню на мотив «Шумел, горел пожар московский, дым расстился по земле» и т.д. Слова были такие: «Шумел, горел лес августовский, то было дело в ноябре. Мы шли из Пруссии Восточной, за нами Герман по пятам»; и потом через несколько строк: «Поручик храбрый наш Тесленко сказал «не сдамся никогда»... и так далее». – Валентин Катаев, Сочинения, т. 3, Москва, «Вагриус», 2005, с. 175.

Стр. 18. «Не так давно я прочитал в «Русских Ведомостях» письмо моего дорогого и уважаемого коллеги Деренталья, в котором он свидетельствовал о том, что накануне был дежурным по конюшине.» – Во второй половине 1916 года Александр Аркадьевич Деренталь опубликовал в «Русских Ведомостях» 5 заметок о своих впечатлениях от службы во французской армии: По дороге к фронту (от

нашего корреспондента), «Русские Ведомости», 23 июня 1916 года, № 144, с. 2; 25 июня 1916 года, № 146, с. 4; 29 июня 1916 года, № 149, с. 4–5; Возвращение «домой» (от нашего корреспондента), «Русские Ведомости», 15 июля 1916 года, № 163, с. 5; День во французской кавалерийской казарме (от нашего корреспондента), «Русские Ведомости», 20 сентября 1916 года, № 216, с. 3.

Письмо А.А. Деренталья, которое имеет в виду Л.Н. Юровский, это часть III корреспонденции «По дороге к фронту» («Русские Ведомости», 29 июня 1916 года, № 149, с. 4–5): «Для других моих товарищей трудовой день кончился. Для меня он только ещё должен начаться. Сегодня я – garde d'écurie, – «страж конюшни» в буквальном переводе. На моей ответственности и под моим верховным управлением – шестьдесят лошадей и целая анфилада стойл, им принадлежащих. 24 часа я должен неотлучно находиться при этих «благородных животных», беречь из пуще глаза, с заботливостью старой няньки следить за их питанием, за их чистотой, за тем, чтобы сосед не бил копытами и не кусал за шею своего соседа...» (с. 4).

Позднее, в 1918 году, А.А. Деренталь так передавал свои мысли в период службы во французской армии: «Тогда, на французском фронте, всё было ясно и определённо. Впереди за чернеющей при мёртвом сиянии падающих ракет и мгновенных вспышках рвущихся снарядов линия проволочных заграждений – враги. Их нужно побороть, или погибнуть. Позади – Франция – свободная страна, давшая у себя приют и защиту изгнанникам. Мы боремся за неё. Когда мы победим – быть может, от победы нашей распадутся и рабские цепи изгнавшей нас суровой матери-мачехи России...». – А. Дикгоф-Деренталь, Силуэты октябрьского переворота, «Пережитое (в год революции)», Книга первая, изд-во «Верфь», Москва, б. г., с. 48.

В газете «Русские Ведомости» А.А. Деренталь работал с 1910 года и до закрытия газеты большевиками в 1918 году. Своё отношение к «Русским Ведомостям» А.А. Деренталь высказывает вот в этой небольшой автобиографии: «Что же касается до воспоминаний, связан-

ных с газетой, могу сказать одно: как начал себя помнить, всегда в нашей семье получались «Русские Ведомости» и получают до сих пор. Таким образом, с самого детства привык к «Русским Ведомостям» и научился любить их, как нечто своё близкое, родное». – В книге «Русские Ведомости» 1863–1913. Сборник статей, Москва, 1913, с. 59.

Стр. 19. «Пусть узнает солдатскую жизнь и пусть пройдет по всем должностям», – сказал он после того, как я впервые пришёл на батарею и представился ему. И думаю, что это было правильное решение.» – Ср. мнение воевавшего на фронте Великой войны Викторина Михайловича Молчанова о военном пополнении: «Из запаса сперва те ещё более-менее были подготовлены к войне, а затем уже которые просто сейчас же прошли 6 месяцев (или 4 месяца даже) школы, и по сути они ничего не понимали, ничего не знали. Никакой дисциплины не понимали, абсолютно ничего. Потом уже немного лучше стало, когда образовались школы прапорщиков, и их там по 6 месяцев всё-таки «приводили в христианскую веру», а то была распушенность такая страшная. Это было примерно весь 1914 год, такая нехватка была». – В.М. Молчанов, Последний белый генерал, Москва, «Айрис-Пресс», 2009, с. 58. Впрочем, вот мнение из артиллерии, относящееся ко второй половине 1916 года, одного из сослуживцев Ф.А. Степуна: «Шестинедельной выпечки прапорщички никуда не годятся. Как офицеры они безграмотны, как юнцы, у которых молоко на губах не обсохло, они не авторитетны для солдат». – Ф. Степун (Н. Лугин) «Из писем прапорщика-артиллериста», Томск, «Водолей», 2000, с. 43.

Стр. 21. «...воронками австрийских крякалок...» – Ср. с фрагментом «Юношеского романа» В.П. Катаева:

«Чем ближе я подходил к батарее, тем явственнее слышались звуки ни на минуту не затухающего боя. Среди гула артиллерийской канонады я улавливал какие-то новые, грозные ноты.

Вероятно, как я теперь понимаю, это были звуки тех самых новейших немецких снарядов, окрещенных крякалками, о прибытии которых на фронт уже давно извещал солдатский телеграф.

Крякалки являлись тяжелыми снарядами двойного действия – как шрапнель и как граната. Сначала в воздухе разрывалась шрапнель, а потом на земле разрывалась граната, поражая осколками тех, кого не задела шрапнельные пули. Снаряды эти были начинены какой-то совершенно новой взрывчаткой страшной убойной силы.

...меня особенно ужасали разрывы крякалок: сначала в небе как бы из ничего возникало плотное облачко зловеще-черного цвета, из которого косо выкручивался как бы еще более черный и зловещий винт, раздавался крякающий разрыв шрапнели, и следом за ним из земли вырастал второй винтообразный клок мелинитового взрыва, и рваные осколки гранаты протягивались во все стороны со струнным звуком разбитой на куски арфы...». – Валентин Катаев, Сочинения, т. 3, Москва, «Вагриус», 2005, с. 408, 410.

Герой «Юношеского романа» вольноопределяющийся Саша Пчёлкин, как и Л.Н. Юровский, стрелял по противнику из трёхдюймовой, т.е. лёгкой пушки «с масляным компрессором, поршневым затвором, оптическим прицельным приспособлением и зеркальным отражателем, так называемой панорамой». – Там же, с. 149.

Крякающий звук немецких снарядов упоминает и Ф.А. Степун: «Вот вчера, например, когда я возвращался с разведки позиции мимо деревни, которую немцы как раз «драли» девятидюймовыми, и слушал безумное кряканье рвущихся чудовищ, у меня разболелась голова и поднялась тошнота». – Ф.А. Степун (Н. Лугин), «Из писем прапорщика-артиллериста», Томск, «Водолей», 2000, с. 152.

Стр. 22. «Вот шевелится что-то и блестит позади неприятельских окопов. Лопатами подбрасывают землю и роют ход сообщения, или новую линию укреплений, как раз напротив лоцинки, уже обстрелянной нами. Работают усердно, насыть растёт и отчётливо

чернеет на зелёной траве. Однако для работ существует ночь, вести их днём, конечно, удобно, но слишком уже дерзко.» – Ср. с фрагментом «Юношеского романа»:

«...Батарея ведёт огонь часто, но понемногу, разгоняет небольшие партии неприятеля, производящего земляные работы.

В два часа пополудни стрельбы почти никогда не бывало.

– Герман пьёт каву (то есть кофе).

После двух часов, выпив каву, Герман идёт на земляные работы, и наша батарея, уведомлённая об этом по телефону с наблюдательного пункта, начинает разгонять Германа». – Валентин Катаев, Сочинения, т. 3, Москва, «Вагриус», 2005, с. 306.

Стр. 23. «По-видимому, описание «остроумных формул и приборов» изъято военной цензурой.» – Редактор Санкт-Петербургской газеты «Речь» Иосиф Владимирович Гессен писал в своих воспоминаниях о времени Великой войны: «На совместном заседании представителей военной и гражданской цензуры с редакторами газет... милостиво постановлено представлять на предварительный просмотр лишь отдельные корректурные грани статей, имеющих непосредственное отношение к военным вопросам. Военные цензора действительно ничем, кроме статей о военных действиях, не интересовались...». – И.В. Гессен, В двух веках. Жизненный отчёт, «Архив русской революции», издаваемый И.В. Гессеном, Берлин, 1937, т. XXII, с. 330–331. Иосиф Владимирович объясняет ниже природу пробелов, которые встречаются и в военных статьях Л.Н. Юровского: «Чтобы оправдаться перед читателями, мы прибегали к уловке – вычеркнутые пассажи сохранялись в виде зияющих пробелов, но правительство поняло значение демонстрации и началась борьба из-за «пустых мест, которые то запрещались, то вновь – и это было уже крупным завоеванием – разрешались» (там же, с. 331). Впрочем, для московских «Русских Ведомостей» дело обстояло, по-видимому, проще, что видно из следующего замечания Санкт-петер-

бургского конкурента: «Тяжесть положения осложнялась ещё и тем, что Москва не считалась состоящей в районе военных действий, как Петербург, вследствие чего там газеты пользовались большей свободой и стали завоёвывать и петербургский рынок» (там же, с. 331).

И.В. Гессен был земляком Л.Н. Юровского, родился в любимой Леонидом Наумовичем Одессе (последнее можно заключить из лирического описания города, данного Л.Н. Юровским – В Одессе, «Русские Ведомости», 7 марта 1915 года, № 54, с. 6). Отец Л.Н. Юровского был купцом 2-й гильдии, занимался торговлей хлебом. Ср. с данными в напечатанной статье В.Е. Юровского: «Леонид Наумович Юровский родился 6 ноября 1884 года в Одессе, в семье крупного, но впоследствии потерявшего состояние коммерсанта». – В.Е. Юровский, Архитектор денежной реформы 1922–1924 годов, «Вопросы истории», 1995, № 2, с. 138.

Фамилию «Юровский» И.В. Гессен помнил с детства: «Этот отрезок улицы носит загадочное название «Грецьк», здесь расположена большая часть маклерских и экспортных контор. Вот один невзрачный человечек, с зонтиком в руках, даром, что небо безоблачно, рывком выделяется из снующей толпы, сильно жестикулируя зонтиком, останавливает нашу коляску и, крепко ухватившись руками за крылья её, быстро, быстро начинает заговаривать отца. Жаргон мы не совсем свободно понимаем, дома с родителями говорим только по-русски, но то, что юркий человечек с такой горячностью внушает, нам представляется просто бессвязным перечислением фамилий, отдельных слов и цифр: слышится – Анатра, Родоканаки, Юровский (это всё крупные экспортные фирмы)...» (там же, с. 12).

Отметим, что согласно сообщенным автору В.Е. Юровским в конце 80-х годов сведениям отец Л.Н. Юровского разорился и в 1907 году, в год окончания Л.Н. Юровским Санкт-Петербургского политехнического института, покончил жизнь самоубийством. Возможно, выбор Л.Н. Юровским темы своей докторской диссертации «Русский хлебный экспорт, его организация и развитие», защищён-

ной в 1910 году в Мюнхенском университете, был связан с его жизнью в Одессе – *Der russische Getreideexport, seine Entwicklung und Organisation.* – *Münchener volkswirtschaftliche Studien*, 105 Stück. – Stuttgart und Berlin, 1910. I.G.Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger. М. 4–50. Публикация этой работы не прошла незамеченной в России. Л.Н. Литошенко ссылается на место в книге Л.Н., когда говорит об импорте в начале 1900-х годов германской ржи в царство Польское и прибалтийские губернии, цитируя приводимые в *Der russische Getreideexport* данные железнодорожной статистики. – См. Л. Литошенко, Германская рожь на русских рынках, «Вестник Европы», январь 1913 года, № 1, с. 359–371. Ссылка на книгу Л.Н. см. на с. 361. Не исключено, что Л.Н. Юровский подарил книгу своему коллеге по «Русским Ведомостям» Л.Н. Литошенко и быть может сегодня в каком-нибудь частном собрании, архиве или публичной библиотеке лежит и ждёт извлечения на свет книга с дарственной надписью Л.Н. Литошенко, исполненной мелким, чётким почерком Леонида Наумовича.

На полях сражений в Галиции

Стр. 24. «Мы испытали и безумную трудность этих атак в лоб.» – Ср. у Фёдора Августовича Степуна в письме от 26-го декабря 1914 года: «Мы подошли к командиру полка. Спокойный, седой, он сидел в канаве у дерева, держал телефонную трубку и отдавал распоряжения: одну из рот он бросил «прямо в лоб», зная, что люди этой роты почти все умрут и искалечатся через 25–30 минут...». – Ф. Степун (Н. Лугин) «Из писем прапорщика артиллериста», Томск, «Водолей», 2000, с. 28.

Стр. 26. «Здесь есть и «Jugend», и «Simplicissimus»...» – «Jugend» – еженедельный иллюстрированный журнал, посвящённый вопросам культуры и стиля жизни, издаваемый с 1896 года в Мюнхене (*Jugend: Münchner illustrierte Wochenschrift für Kunst und Leben*) Георгом

Хиртом (Georg Hirth). От имени этого журнала берёт название знаменитый термин Jugendstil – немецкий аналог Art Nouveau. В России мы сказали бы просто «модерн» и вспомнили журнал «Мир искусства». «Simplicissimus» – сатирический немецкий еженедельник, основанный Альбертом Лангеном (Albert Langen) в 1896 году. Выходил в Мюнхене. Один французский сайт в интернете, посвящённый этому журналу, называет его *le plus grand magazine illustré de tous les temps*. В *Die Herzogin Anna Amalia Bibliothek* все номера «Simplicissimus»'а (1896–1944) доступны он-лайн. Так что при желании можно, полистав подшивку за август–сентябрь, с высокой степенью вероятности предположить, что какой-то из этих журналов Л.Н. Юровский держал в руках. Вероятно, и с тем, и с другим журналом Л.Н. Юровский познакомился во время своих занятий в Мюнхене в конце 10-х годов. То, что Леонид Наумович специально выделяет эти два журнала из общей массы, говорит о том, что у него был хороший вкус. Во всяком случае, его художественные пристрастия были современны.

Стр. 28. «И началась пристрелка. Немцам и австрийцам надо отдать справедливость, – они стреляют метко. Вторым выстрелом было взято верное направление. Был перелёт и недолёт.» – Этот приём артиллерийской стрельбы называется «вилка». После захвата цели в «вилку» (перелетевший и недолетевший снаряды), следует выстрел на поражение. Ср. с фрагментом «Юношеского романа» В.П. Катаева: «Недолёт. Перелёт. А теперь братцы держись!... Но по нас немец уже почему-то не бьёт. Молчит. Видно, и недолёт, и перелёт были случайны: шальные снаряды... Стало быть, немецкие наблюдатели нас не обнаружили. Если бы они знали, что их залпы взяли нас в вилку, то третьим залпом они б нас стёрли с лица земли...» – Валентин Катаев, Сочинения, т. 3, Москва, «Вагриус», 2005, с. 180.

К несчастью, подпоручик В.В. Ковалёв попал именно в такую «вилку». Образно впечатление от подобной стрельбы передаёт Роман Борисович Гуль в опубликованном в 1952 году автобиографи-

ческом романе: «Немцы нащупывают нас гранатами, как руками. Их взрывы ложатся всё точнее» (Р. Гуль, «Конь рыжий», Москва, «Вече», 2007, с. 54). Что касается меткой стрельбы австрийских и немецких артиллеристов, о которой пишет Л.Н. Юровский, то на войне, конечно, бывало по-разному – ср. со следующим описанием: «Обошлось, однако, вполне благополучно. Хотя немец стрелял с наблюдателем лётчиком, и хотя висевший над нами аэроплан всё время сигнализировал цветными зигзагами, немецкие тяжёлые упорно ложились или правее батареи, или на её правом фланге. Так что мы всё время, неустанно стреляя двумя левыми взводами, не понесли никаких потерь». – Ф. Степун (Н. Лугин) «Из писем прапорщика артиллериста», Томск, «Водолей», 2000, с. 87.

Стр. 29. «Его... зачислили в парковую бригаду.» – т.е. в тыловое подразделение. Переведшийся в конце 1916 года в парк Ф.А. Степун так описывал свою повседневность: «Мы же в парке, слава Богу, не получаем и не отдаём никаких боевых приказаний. У нас просто извозничий двор для перевозки тяжестей и больше ничего. Я же лично не касаюсь даже и рядов на гранаты и шрапнели. Как старший офицер, я заведую хозяйством: выдаю сапоги, шинели, куртки, жалованье, – забочусь о солдатской еде, хожу на чистку лошадей, – а вообще говоря, – решительно ничего не делаю». – Ф. Степун (Н. Лугин) «Из писем прапорщика артиллериста», Томск, «Водолей», 2000, с. 171.

Стр. 32. *Aus Ostpreussen* (нем.) – Из Восточной Пруссии.

Стр. 32. *Aus Württemberg* (нем.) – из Вюртемберга.

Стр. 33. «...затем остановились в небольшом и уютном фольварке.» – Слово «фольварк» означает здесь усадьбу. Ср. замечание главного героя «Юношеского романа» Саши Пчёлкина:

«В словаре войны наиболее часто звучали два слова: «халупа» и «фольварк». Ни одного военного рассказа, ни одной газетной корреспонденции из действующей армии не обходилось без этих доселе незнакомых слов, как бы заключавших в себе самую суть идущей войны.

Как часто, еще будучи в тылу, человеком штатским, свободным, я втайне мечтал в своем будущем письме с пометкой «Действующая армия» как бы вскользь, в придаточном предложении написать эти два волшебных слова. Халупу я уже несколько раз упоминал. А вот фольварк предстал передо мной впервые. И я почувствовал себя уже вполне причастным к тому зловещему, смертельно опасному, но в то же время и притягательному действию, которое называлось войной...». – Валентин Катаев, Сочинения, т. 3, Москва, «Вагриус», 2005, с. 154. Слово «халупа» встречается в заметке «Дела и дни», а также в письме с позиций Л.Н. Юровского «В зимние дни»: «Эти палки делает хозяин нашей халупы, старый русин-лесник, состоящий на службе у чешского графа...» («Русские Ведомости», 26 февраля 1917 года, № 47, с. 3). Так что, если судить по военным статьям Л.Н. Юровского, Валентин Петрович Катаев верно передаёт исторический факт.

Стр. 33. *tout comme chez nous* (фр.) – всё, как у нас.

Стр. 33. «Однако к началу 1916 г. положение изменилось, и «человеческого материала» стало не хватать. Филолога переосвидетельствовали и нашли теперь, что из него может получиться недурной пехотинец.» – Интересно сравнить этого пленного немца середины 1916 года с пленным немцем 1914 года. Вот фрагмент из прекрасно написанных воспоминаний полковника Б.В. Веверна:

«...Немец не показывался, а всё же интересно посмотреть и на него.

– Эй, германишер! – крикнул в вагон офицер 5-й батареи М.А. Гофман.

– Глейх! – Через минуты две, на ходу застёгивая пуговицы мундира, лёгким прыжком на платформу вскочил молодой германец, и, увидя офицеров, вытянулся в струнку. Он сразу расположил к себе: чистенький, подтянутый, он готов сейчас же ответить на все вопросы.

– Ты как попал в плен?

– Взят во время фуражировки вашими казаками. Подо мной убили лошадь.

– А Императора своего любишь?

Тут немец не выдержал: он поднял к небу глаза и, с каким-то особым восторженным чувством произнёс:

– О, Кайзер!..».

См. Б.В. Веверн, 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине, Париж, 1938, с. 28.

Стр. 34. «...в одни и те же летние воскресные дни мы совершали прогулки в баварских Альпах и поднимались на Вацмана или на Цугшпице.» – Вацман (Der Watzmann) – гора в баварских Альпах, три пика которой вздымаются на высоту от 2650 до 2712 метров над уровнем моря. См. написанную в 1824–1825 годах романтическую картину Каспара Давида Фридриха (Caspar David Friedrich) Der Watzmann. Цугшпице (Die Zugspitze) – высочайшая гора в Германии (2962 метра над уровнем моря), расположенная в Баварии, недалеко от границы с Австрией. См. написанную в 1864 году прекрасную картину Макса Волфингера (Max Wolfinger) Zug-Spitz am Eib-See.

1917 год

В зимние дни (письмо с позиций)

«После неудачной для нас кампании 1916 г., наши войска заняли линию по Дунаю, Серету и Карпатам и укрепились на ней достаточ-

но прочно.» – Так Антон Иванович Деникин описывал создавшееся на фронте ко времени написания письма Л.Н. Юровского положение – «Очерки Русской Смуты», т. 1, вып. 1, «Крушение государства и армии. Февраль–сентябрь 1917», Париж, 1921, с. 169.

Стр. 35. «А после ужина наш «старик», – немолодой прапорщик, о котором утверждают, по-видимому, преувеличивая его действительный возраст, – что он призывался ещё в первую Отечественную войну, – предлагал: «А что бы нам попробовать в стуколку, или в девятый вал, или в железку; врежем?» – Ср. фрагмент беседы Бориса Романова с генералом Викториним Михайловичем Молчановым в январе 1970 года о довоенной Императорской Армии:

Р.: Говорят, что среди офицеров было много карточных игроков?

М.: А где этого не было? Играли мы, я и сейчас люблю играть.

В.М. Молчанов, Последний белый генерал, Москва, «Айрис-Пресс», 2009, с. 39.

Любовь к игре в карты сохранилась у В.М. Молчанова и в эмиграции. По свидетельству С.П. Петрова «живя в Сан-Франциско, генералы Молчанов, Пучков, Петров и полковник Ефимов составляли «квартет» старых бойцов, которые часто любили собираться и вместе проводить время, обсуждая былое. Молчанов, Пучков и Ефимов регулярно играли в винт, в том время как мой отец предпочитал шахматы». – В.М. Молчанов, Последний белый генерал, Москва, «Айрис-Пресс», 2009, с. 373.

Вот и Л.Н. Юровский «предпочитал шахматы», сидя в большевистской тюрьме вместе с другим экономистом, Н.Д. Кондратьевым. См. Н.Д. Кондратьев, «Суздальские письма», «Экономика», 2004, с. 241 (письмо Н.Д. Кондратьева жене от 1 сентября 1933 года: «В шахматы... если и играю иногда с Леон. Наумов., то очень редко»).

Стр. 35. *chef de la cuisine de la batterie (фр.)* – повар батареи. Использование этого французского выражения в сочетании с расска-

зом о солонине, часто присылаемой поваром Фурманом, передаёт иронию, которая нередко встречается в газетных статьях Л.Н. Юровского. Изысканная французская кухня и солонина соотносятся, как лёд и пламень.

Стр. 36. «...и улыбаемся друг другу, как авгуры.» Авгуры – коллегия гадателей в Древнем Риме. Авгуры гадали по птицам. «Плутводство здесь было обычным. Подчас римляне дивились, как может авгур на авгура смотреть без смеха. «Смех авгура» стал поговоркой о людях, которые знают кое-что о проделках друг друга.

Святая дружба, глас природы,
Взглянув друг на друга потом,
Как цицероновы авгуры,
Мы рассмеялись тайком...

(А.С. Пушкин,
Черновые строфы к «Путешествиям Онегина»)

Впрочем, сами римляне чаще упоминали в этой поговорке не авгуры, а гаруспиков – гадателей по внутренностям животных.» – М.Л. Гаспаров, Капитолийская волчица. Рим до цезарей, Москва, «Фортуна ЭЛ», 2008, с. 81. М.Л. Гаспаров, вероятно, имеет в виду следующий фрагмент одного из трактатов Cicero (Цицерона) De Divinatione, (II, XXIV, 51–52): *Vetus autem illud Catonis admodum scitum est, qui mirari se aiebat, quod non rideret haruspex, haruspicum cum vidisset. Quota enim quaeque res evenit praedicta ab istis? Aut, si evenit quippiam, quid adferri potest cur non casu id evenerit?* – «Хорошо известны давние слова Катона, который говорил, что удивляется, как может удерживаться от смеха один гаруспик, когда смотрит на другого. Много ли известно случаев, когда предсказанное гаруспиками событие состоялось? А если и состоялось когда-нибудь (что можно допустить), то почему нельзя считать это случай-

ным совпадением?» («О дивинации», II, XXIV, 51–52) – перевод М.И. Рижского.

Сегодня выражение «улыбка авгуры» переделано в соответствии с современными реалиями. См. фрагмент из романа популярного (по большей части книгой «Здесь курят») в сегодняшней России американского писателя Кристофера Бакли, в котором говорится о беседе католического кардинала и протестантского проповедника: «Они сознавали, что в них обоих есть нечто комичное: церковный аналог знаменитой истории о скептике, сказавшем, что не понимает, почему два психиатра, встретившись на улице, не раздражаются хохотом». – К. Бакли, День бумеранга, Москва, издательство «Иностранка», с. 277.

Запоздалая мудрость

Стр. 39. «Когда экономисты хотят исследовать сложный хозяйственный вопрос, они прибегают иногда к такому приёму: рассматривают его в сравнительно простых условиях изолированного государства...» – Слово сочетание «изолированное государство» заставляет вспомнить работу немецкого экономиста Иоганна Генриха фон Тюнена (von Thünen) (1783–1850) «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» (Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie), три выпуска – 1826–1863. См., например, как использует этот приём Б.Д. Бруцкус (1923): «Предположим, что социалистическое общество, находящееся в блокаде, унаследовало от капиталистического общества много фабрик кос. Предположим, что некоторые из них малопродуктивны, и косы в них производятся с трудовыми затратами, далеко превышающими среднюю норму. Что же, мы их закроем? И этого вопроса не приходится ставить, ибо несомненно, что при наличии таких условий мы были бы готовы воспользоваться малейшей возможностью соорудить даже и менее продуктивные фабрики кос». – Б.Д. Бруцкус, Социалисти-

ческое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта, Москва, «Стрелец», 1999, с. 30. Вот ещё один пример использования подхода Б.Д. Бруцкусом, отражающий условный характер подобного приёма: «Вследствие постепенного изменения в условиях потребления, полной пропорциональности между рыночными ценами и издержками производства не может быть, она мыслима лишь в фингированном «стационарном государстве» с его «нормальными» ценами». – Там же, с. 32. Проблематика третьей главы этой работы Б.Д. Бруцкуса («Проблема трудового учёта в социалистическом хозяйстве»), опубликованной ранее в «Экономисте», рассматривается Л.Н. Юровским во 2-й главе «Денежной политики Советской власти (1917–1927)» («Проблема безденежного хозяйства»).

Стр. 39. «Излюбленный пример – всё тот же вольный город Кронштадт.» – Ср. с тем, что писал большевик Ф.Ф. Раскольников «о том фактическом порядке вещей, который сложился у нас в Кронштадте с первых дней февральской революции. С самого начала у нас Совет был – всё, а комиссар Временного правительства – ничто. Едва ли ещё где-нибудь в России наместник князя Львова и Керенского был в таком жалком положении, как Пепеляев. В действительности он не обладал никакой властью: судьбами Кронштадта вершил наш доблестный Совет». – Ф.Ф. Раскольников, Кронштадт и Питер в 1917 году, Москва, Политиздат, 1990, с. 82.

Восстание

Стр. 46. «Петроградское восстание назвали бунтом во вчерашнем номере газеты...» – Речь идёт о неподписанной заметке «Позорный бунт» («Русские Ведомости», 5-го июля (18 июля) 1917 года, № 151, с. 3). В первых строках этой заметки сказано: «Когда заговорили пушки и пулемёты, нет уже места красноречию, увещаниям, переговорам. Время действовать... Бунт части петроградского гарнизона

и петроградских рабочих, это – мятеж, который должен быть подавлен. Движение направлено против временного правительства, власть которого установлена организациями революционного народа в дни мартовского переворота. Оно приняло эту власть на период до созыва Учредительного собрания. Посягательство на такую власть, вооружённое восстание в целях её низложения и передача власти в чьи-либо иные руки есть преступление против революции».

Стр. 49. «Задача власти в высшей степени трудна... Она борется за самую сущность революционных завоеваний, ибо падение её под влиянием якобы крайне левых сил имело бы те же практические последствия, как и её падение под влиянием контрреволюции. И в этом смысле петроградский бунт по содержанию своему определённо контрреволюционен.» – Ср. со статьёй «Позорный бунт»: «Восстание против временного правительства и есть та «контрреволюция», призраками которой так пугали русское общество демагоги крайнего левого лагеря. По их уверению, она должна была придти справа, на этом основании демагоги вооружали население против буржуазии и демократической интеллигенции и совершили её сами, подстрекнув и восстановив вооружённые части войск и рабочие массы против временного правительства».

Стр. 49. «...мы вступили в фазис самой напряжённой борьбы русской революционной власти за существование. ...участие в этой борьбе является политическим долгом всех граждан, дорожащих свободой России.» – Ср. со статьёй «Позорный бунт»: «Враги русской свободы могут радоваться: анархия готова сокрушить всё дело строительства новой жизни. Но те, кому дорого дело свободы, должны встать на её защиту и положить конец преступным на неё посягательствам. Враги свободы и, надо говорить прямо, враги России, не останавливаются ни перед какими средствами, чтобы осуществить свои замыслы. Все меры должны быть приняты, чтобы эти замыслы не име-

ли успеха, чтобы дело русской свободы не погибло в междоусобной борьбе, которой так жаждут враги родины. И мы горячо приветствуем решимость временного правительства не останавливаться ни перед чем для подавления позорного бунта. Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов всецело присоединился на этот раз к временному правительству, признав за ним всю полноту власти, и готов ему оказывать полное содействие. На помощь правительству мы зовём и все живые силы страны. С бунтом против революции, с восстанием против России, с мятежом против русской свободы должно покончить сильной рукой без колебания, без разногласий, раз навсегда».

Гражданская война

Стр. 51. «Советы ещё пользуются среди широких масс авторитетом, и они являются сейчас единственными органами, имеющими авторитет. Но это уже не то, что было два-три месяца назад. Уже Петроград показал это наглядно. Он показал это 11-го июня...» – Имеется в виду, по-видимому, собрание 11 июня Петроградского Совета, в ходе которого около ста его членов (включая большевиков) собрались для обсуждения событий предшествующих дней. Начиная с 1 июня большевики готовили восстание и захват власти в Петрограде, на 10 июня была запланирована вооружённая демонстрация, 9 июня большевистские агитаторы были направлены в казармы и на фабрики, в середине дня в городе были расклеены большевистские листовки. Как только о намерении большевиков узнал открывшийся 3 июня I-й съезд Советов, было проголосовано постановление об отмене демонстрации. Сообщить об этом в рабочие кварталы и казармы были отправлены агитаторы. Вооружённое восстание большевиков было предотвращено. 11 июня выступавший в Петроградском Совете от имени меньшевиков Ф.И. Дан предложил резолюцию, запрещающую каким-либо партиям проводить демонстрации без ведома Совета и разрешающий привлекать вооружённые отряды только

там, где демонстрации организовывали сами Советы. Эта мягкая резолюция была проголосована.

Альтернативой был подход И.Г. Церетели, который ясно понимал суть происходящего: «То, что произошло, является не чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путём эта власть им никогда не достанется. Заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли. Но завтра он может повториться. Говорят, что контрреволюция подняла голову. Это неверно. Контрреволюция не подняла голову, а поникла головой. Контрреволюция может проникнуть к нам только через одну дверь: через большевиков. То, что делают теперь большевики, это уже не идейная пропаганда, это заговор. Оружие критики сменяется критикой оружия. Пусть же извинят нас большевики, теперь мы перейдём к другим мерам борьбы. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить. Нельзя оставить в их руках те слишком большие технические средства, которые они до сих пор имели. Нельзя оставить в их руках пулемётов и оружия. Заговоров мы не допустим.» – См. по вопросу захватывающе написанные страницы в книге – Ричард Пайпс, Русская революция, ч. 2, Москва, РОССПЭН, 1994, с. 88–91.

Стр. 53. homo homini lupus est (лат.) – человек человеку волк.

Две диктатуры

Стр. 53. «...позор 11-й армии, которому не было равно во время всей европейской войны.» – Имеется в виду бегство XI армии Юго-Западного фронта, начавшееся 6 (19) июля 1917 года. Эта армия вместе с VII армией играли главную роль в ходе начатого 18 июня (1 июля) наступления, нанося центральный удар на Львовском направлении. Северный, Западный и Румынский фронты должны были нанести вспомогательные удары. Первые успехи XI и VII ар-

мии были вызваны образцовой подготовкой операции – артиллерийской подготовкой и действиями отборных частей. Остальные части сражались неохотно и при ответном нажиме с немецкой стороны побежали. Вот как описывает эти события Николай Николаевич Головин, военный теоретик и историк:

«...нажим был произведен немцами 6/19 июля подведенными к ним дивизиями. Этот нажим был произведен на левый фланг нашей XI армии, где в это время стояло 7 корпусов (5 на фронте и 2 в резерве), т.е. 20 дивизий. Несмотря на наше превосходство в силах, части XI армии начали самовольно отходить назад.

Войсковые части, получавшие боевые приказы, обсуждали их на митингах, в комитетах, упустили время, а еще чаще просто отказывались выполнять их. Началось неудержимое паническое отступление всей XI армии. До какой степени эта армия утратила свою боеспособность, свидетельствует следующий факт. 9/22 июля отступающая XI армия находилась на р. Серет. Атака трех немецких рот обратила в бегство 126-ю и 2-ю финляндскую стрелковые дивизии. Противника сдерживали кавалерия, а также пехотные офицеры с оставшимися при них унтер-офицерами и одиночными солдатами. Вся остальная пехота бежала, заполняя своими дезертирующими толпами все дороги. Каково было число этих дезертиров, свидетельствует то, что один ударный батальон, прибывший в тыл XI армии, задержал за одну ночь в окрестностях местечка Волочиск 12000 дезертиров. Эти бегущие толпы дезертиров, предводимые большевиками, производили по пути величайшие зверства. Они убивали попадавших офицеров, грабили местных жителей, насиловали женщин и детей под большевистский крик: «Режь буржуя!».

В этот день (9/22 июля) комитеты и комиссары XI армии телеграфировали Временному правительству: «Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте XI армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной Рос-

сии. В настроении частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу – на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них – здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Положение требует самых серьезных мер... Сегодня главнокомандующим с согласия комиссаров и комитетов отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость обрушиться на всех, кто малодушием губит и предает Россию и революцию». – Генерал Н.Н. Головин, Военные усилия России в мировой войне, Париж, 1939, т. 2, с. 208–209.

Стр. 55. «...и спохватывались тогда, когда толпа окружала Таврический дворец и арестовывала В. Чернова.» – Имеется в виду эпизод в период антиправительственных волнений в Петрограде 16–18 июля (3–5 июля). 4 июля зашедшая в Таврический дворец группа людей искала министра юстиции Переверзева, но по ошибке забрала министра земледелия Чернова.

Б.В. Никитин в мемуарах «Роковые годы», изданных в 1937 году, писал: «Отдельные группы наглеют все больше и больше. Вот одна из них врывается, ищет Переверзева, но, схватив по ошибке министра земледелия Чернова, вытаскивает его наружу, успев при захвате его изрядно помять и разорвать костюм. Чернов уверяет, что он не Переверзев, и начинает объяснять преимущества своей земельной программы, а попутно сообщает, что министры-кадеты уже ушли и правительству не нужны. Из толпы несутся всевозможные крики и упреки, вроде требования сейчас же раздать землю народу. Чернова подхватывают и волокут к автомобилю». – Б.В. Никитин, «Роковые годы», Москва, «Айрис-Пресс», 2007, с. 168.

Большевик Ф.Ф. Раскольников вспоминал: «Вождь эсеровской партии не мог скрыть своего страха перед толпой, у него дрожали руки, смертельная бледность покрывала его перекошенное лицо, седеющие волосы были растрепаны». – Ф.Ф. Раскольников, Кронштадт и Питер в 1917 году, Москва, Политиздат, 1990, с. 137–138.

Стр. 56. «Эти строки были написаны, когда я прочитал в телеграмме Корнилова, в этом человеческом и историческом документе необыкновенной силы, слова, полные жестокой, но бесспорной правды...» – Вот полный текст телеграммы Л.Г. Корнилова, командовавшего в период наступления VIII армией Юго-Западного фронта:

«Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые даже нельзя назвать полями сражений, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия еще не знала с самого начала своего существования. Это бедствие может быть прекращено, и этот стыд будет смыт или революционным правительством, или если оно не сумеет этого сделать, то неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди, которые, сняв бесчестие, вместе с тем уничтожат завоевания революции и потому тоже не смогут дать счастья стране. Выбора нет: революционная власть должна стать на путь определенный и твердый. Лишь в этом спасение родины и свободы. Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого от первого дня сознательного существования донныне проходит в беззаветном служении родине, заявляю, что отечество гибнет, и потому, хотя и не спрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах в целях сохранения и спасения армии для ее реорганизации на началах строгой дисциплины и дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право увидеть лучшие дни. Необходимо немедленное, как мера временная, исключительная, вызываемая безвыходностью создавшегося военного положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на

театре военных действий. Не следует заблуждаться: меры кротости правительственной, расшатывая необходимую в армии дисциплину, стихийно вызывают беспорядочную жестокость ничем не сдержанных масс, и стихия эта проявляется в буйствах, насилиях, грабежах, убийствах. Не следует заблуждаться: смерть не только от вражеской пули, но и от руки своих же братьев непрестанно витает над армией. Смертная казнь спасет многие невинные жизни ценою гибели немногих изменников, предателей и трусов. Сообщаю вам, стоящим у кормила власти, что время слов, увещаний и пожеланий прошло, что необходима непоколебимая государственно-революционная власть. Я заявляю, что, занимая высокоответственный пост, я никогда в жизни не соглашусь быть одним из орудий гибели родины. Довольно! Я заявляю, что если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному ее назначению защиты родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего. 3911. Генерал Корнилов».

По замечанию Георгия Михайловича Каткова, эта телеграмма Л.Г. Корнилова была «широко опубликована» в прессе. Он и действовал в согласии с тем, что писал: «Лишённые человеческого облика солдаты бесчинствовали в русских деревнях, совершая убийства и другие преступления, что приводило командование в полное отчаяние. Поэтому Корнилов, не ожидая приказа, попытался сам прекратить безобразия. Надёжные части стали вылавливать дезертиров и вешать их на перекрёстках, прикрепляя к трупам дощечки с перечислением преступлений, в качестве жёсткого предупреждения каждому, кто последует этому примеру». – Г.М. Катков, Дело Корнилова, Москва, «Русский путь», 2002, с. 45.

Впечатления

Стр. 58. «Был даже намёк на возможность восстановления смертной казни в тылу.» – Об этом говорил в своей речи министр-пред-

седатель А.Ф. Керенский, открывший своим выступлением Государственное совещание:

«Ещё министром юстиции я внёс во временное правительство отмену смертной казни. И я же, как военный министр, внёс во временное правительство частичное восстановление смертной казни.

На раздавшиеся аплодисменты А.Ф. Керенский говорит:

– Как можно аплодировать, когда идёт вопрос о смерти?.. Разве вы не знаете, что в этот момент была убита частица вашей души. Но если будет нужно для спасения государства, если будет нужно, если голос наш, предвещающий великие испытания, не дойдёт до тех, кто и в тылу развращает и разнуздывает армию, мы душу свою убьём, но государство спасём. Но пусть знает каждый, что эта мера – великое испытание, и пусть никто не осмеливается в этом пункте нам ставить какие-нибудь безусловные требования. Мы этого не допустим.

Мы говорим только: если стихийное разрушение, развал, малодушие и трусость, предательское убийство, нападение на мирных жителей, сожжение жилых и нежилых строений, грабежи, – если это будет продолжаться, несмотря на наши предупреждения, – хватит сил у временного правительства бороться так, как скажет это тот час». – «Русские Ведомости», 13 августа (26 августа) 1917 года, № 185, с. 4.

Стр. 58. «Министры не пожалели красок, и положение России было обрисовано в самых мрачных тонах.» – Потрясающие его детали из выступления Н.В. Некрасова приводятся Л.Н. Юровским в статье. Прочитав характеристику создавшегося положения в речах двух других министров, выступавших в первый день совещания.

Министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев: «Мы можем охарактеризовать внутреннее положение России, как положение развала, расплывчатости власти, расплывчатости воли, крупных устремлений, где часто царствуют частные интересы, которые далеки от общего...» – «Русские Ведомости», 13 августа (26 августа) 1917 года, № 185, с. 4.

Министр торговли и промышленности С.Н. Прокопович: «А положение – мы должны откровенно признаться здесь – является тяжчайшим» – «Русские Ведомости», 13 августа (26 августа) 1917 года, № 185, с. 5.

Из предварительных итогов

Стр. 60. «Порядок должен быть установлен силой. Керенский выразился резко. Он сказал: «железом и кровью.» – Это выражение А.Ф. Керенского, по-видимому, широко распространилось. Ср. у Б.В. Савинкова: «17-го из Москвы возвратился Керенский. Мне уже было известно, что на Государственном Совещании он произнёс речь, в которой говорил о «железе и крови». – Б. Савинков, К делу Корнилова, Париж, 1919, с. 17.

Между прочим, Б.В. Савинков сыграл свою роль в судьбе «Русских Ведомостей», сотрудником и членом товарищества которой был Л.Н. Юровский. После октябрьского переворота большевики использовали его статью в «Русских Ведомостях», в которых Б.В. Савинков начал сотрудничать в годы Великой войны, для того, чтобы закрыть газету. Вот что пишет об этом редактор «Русских Ведомостей» В.А. Розенберг: «В состав суда входили три латыша, состоящих на советской военной службе, а обвинителем был тогдашний советский верховный главнокомандующий прапорщик Крыленко. Обвинитель был очень суров, а судьи – очень послушны, и приговор был вынесен: «закрыть навсегда». Поводом послужила статья Савинкова, в общем, довольно сдержанная и во всяком случае не преступавшая ни по тону, ни по содержанию пределов допустимой тогда в печати оппозиции большевизму. Но статья была признана оскорбительной для главарей коммунистической партии, по адресу которых направлена была одна фраза, вложенная автором в уста какой-то студентки: «Ах, что они сделали с моей Россией!». Конечно, эта статья была только поводом к запрещению газеты. Истинная причина заключалась в стремлении вообще упразднить

инакомыслящую прессу». – Владимир Розенберг, Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские Ведомости» (1863–1918 гг.), Прага, 1924, с. 165–166.

В.А. Розенберг имеет в виду статью Б.В. Савинкова «С дороги», опубликованную «Русскими Ведомостями» 24 марта (11 марта) 1918 года, № 44, с. 1. Вот небольшой фрагмент из этой статьи, содержащей, впрочем, не только критику большевистских вождей, но и нелюбезные высказывания в отношении эсера В. Чернова и меньшевика Ю. Мартова. Да и М. Натансон формально большевиком не был:

«Не забудем, что Ленин, Натансон и Ко приехали в Россию через Берлин, т.е., что немецкие власти оказали им содействие при возвращении на родину. Даром ничего не делается, и за услугу Ленин, Натансон и Ко, конечно, заплатили услугой. Сперва «Солдатская правда», потом обнажение фронта, потом Брест-Литовск, и, наконец, невероятный... Карахановский мир... «Что они сделали с моей Россией!» Ведь надо было быть фанатиком или подкупленным человеком, чтобы серьёзно утверждать, что «международный пролетариат нас поддерживает», и, конечно, только безумец или преступник мог на этой «поддержке» строить свои политические расчёты. А когда Ленин, Натансон и Ко сделали своё дело и разрушили без остатка былую российскую мощь, немцы подняли закованный в броню кулак. Ленин тотчас смирился, ибо он чужд «революционным фразам». Зато остальные, разные Мстиславские и Кацы, завопили об обороне отчества, не просто отчества, *моей* России, а какого-то нового, социалистического, выдуманного или вычитанного из книг».

Далее Б. Савинков пишет, что «большевики служили и служат немцам». Заканчивалась статья такими словами: «Но я не хочу, я не смею думать о том, что ожидает нас впереди. Я знаю одно, – то, что я усвоил в юные годы: «В борьбе обретёшь ты право своё». Надо бороться. Бороться с немцами и бороться с большевиками».

Из наблюдений бюрократа последней формации

Стр. 65. «Автор нижеследующих строк принадлежит к этой именно категории – бюрократов последней формации.» – «Юровский... был назначен в августе 1917 года управляющим Особым статистико-экономическим отделом министерства продовольствия Временного правительства.» – Ю.М. Голанд, «Леонид Наумович Юровский. Портрет на фоне эпохи» в книге Л.Н. Юровский, «Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи», Москва, «Экономика», с. 6. Именно в таком качестве Л.Н. Юровский выступал с докладом «Продовольственная политика» на состоявшемся 14–17 октября 1917 года VII съезде союза городов, который «выделил для рассмотрения продовольственного вопроса специальную секцию» – см. издание Министерства Продовольствия «Известия по продовольственному делу», №3 (34), сентябрь–октябрь 1917 года, с. 59. Здесь его должность названа немного иначе – «заведующий статистико-экономическим отделом министерства продовольствия». Однако, если говорить о названии отдела, то у Ю.М. Голанда он назван точно. Согласно Положению о Министерстве Продовольствия (3.7.г) статистико-экономический отдел носил название «особый». – «Известия по продовольственному делу», июнь–июль 1917 года, № 2 (33), с. 3. Министерство Продовольствия было образовано Постановлением Временного Правительства от 5 мая 1917 года.

Вот данное здесь же (отчёт «Продовольственный вопрос на VII съезде союза городов») изложение доклада «Продовольственная политика»: «Свой интересный доклад Л.Н. Юровский посвятил, главным образом, истории регулирования хлебного дела. Он пришёл к выводу, что хотя регулировка и представляется совершенно неизбежной для всех воюющих государств, тем не менее «в зависимости от различных политических, культурных и экономических условий отдельные государства... вынуждены были осуществить систему регулирования с различной степенью полноты» и, что, в

частности «страны, располагающие незначительными культурными силами и малодисциплинированным населением, способны проводить в жизнь с достаточным успехом лишь элементарные меры».

Рассматривая принятые Временным Правительством в последнее время меры для борьбы с продовольственным кризисом, Л.Н. Юровский указал, что 1) «снабжение населения предметами первой необходимости, представляясь мерой правильной, является лишь мелким паллиативом»... «особенно, в той форме, в какой оно осуществляется в настоящее время»; 2) произведённое повышение твёрдых цен на хлеб, бывшее необходимым, «осуществлено глубоко неправильно; оно даёт лишь временные и неповсеместные результаты», почему необходимо осторожное и планомерное «понижение твёрдых цен для ускорения подвоза хлеба», и 3) «предоставление министерству продовольствия новых прав в отношении продовольственных комитетов (1) не может разрешить организационный вопрос в продовольственном деле. По этому злободневному сейчас вопросу, имевшему особенную важность для первого съезда представителей, выбранных на демократических началах, городских самоуправлений, Л.Н. Юровский находил необходимым, отделив распределительную операцию от заготовочной, только первую передать органам общественного самоуправления. Заготовку, как дело государственное, он находил нужным организовать через «лиц, непосредственно зависящих от центральной власти», т.е. попросту назначенных министерством».

(1) «Упразднить их, или лишать тех или иных прав, когда министр найдёт это нужным». Постановление Временного Правительства от 25 августа.

Доклад Л.Н. Юровского «Продовольственная политика» может служить историческим введением к его статье «Вольные цены или свободная торговля» («Русские Ведомости», 15 февраля (2 марта) 1918 года, № 36, с. 1). Этот доклад известен историкам экономики. Со ссылкой на архивы (ЦГВИА, ф. 12593, оп. 36, д. 69, лл. 22–24)

два отрывка из него цитировались в литературе – П.В. Волобуев, Экономическая политика Временного Правительства, Москва, 1962, с. 433, 440. Вот первый, цитированный П.В. Волобуевым фрагмент, касающийся оценки Л.Н. Юровским Постановления Временного Правительства от 27 августа 1917 года, согласно которому твёрдые цены на хлеб (установленные в марте) с 1 августа повышались вдвое: «...Я полагаю, что это была необходимая мера, но эта мера была проведена самым невозможным способом. Это было огульное повышение в два раза... но всё же не было никакого основания повышать всюду цены по одинаковому образцу, именно на 100%» (лл. 22–23). Второй, приводимый П.В. Волобуевым фрагмент касается оценки Л.Н. Юровским причин успешности хлебозаготовок осени 1917 года: «...в настоящее время зерно поступает главным образом от крупных помещиков, не потому что у них виден благородный порыв, а потому, что они опасаются, с одной стороны, понижения цен, а с другой, с полным основанием опасаются не государственной, а местной реквизиции зерна...» (лл. 23–24). Добавим, что VII съезд союза городов проходил в Москве, в здании московской городской Думы – см. Н. Астров, «Седьмой съезд союза городов», «Русские Ведомости», 14 октября (27 октября) 1917 года, № 235, с. 2.

Стр. 65. «...попутчики автора разочарованно беседовали о московском государственном совещании, особенно стараясь разгадать смысл заключительного его аккорда.» – Возможно, имеется в виду эпизод выступления закрывающего Государственное совещание А.Ф. Керенского. В репортаже «Русских Ведомостей» говорится: «И был момент особенно сильного напряжения у оратора и в зале, когда стал он говорить о том, что некоторые группы требуют от него суровых методов в управлении, что вынуждают его отказаться от тех чувств, которые живут в его душе, которыми он всегда дорожил. В чрезвычайном волнении А.Ф. Керенский восклицает, что,

может быть, приведут его к этому, и сердце станет как камень. Эти слова произнесены почти в экстазе. В зале волнение. Волнение и за министерским столом. Министры делают какое-то движение в сторону стоящего в их центре» – «Русские Ведомости», 17 августа (30 августа) 1917 года, № 187, с. 5. Несколько дней спустя после Государственного совещания началось выступление генерала Л.Г. Корнилова, знаменитые «корниловские дни». А.Ф. Керенский писал спустя 11 лет в своей книге *La Révolution russe*: «Московское Государственное совещание оказалось прологом к ужасной трагедии, разразившейся между Могилёвом, где располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, и Петроградом, где находилось Временное правительство». – А.Ф. Керенский, *Русская революция. 1917*, Москва, «Центрполиграф», 2005, с. 261 (перевод с французского Е.В. Нетесовой).

Стр. 67. «...лишь только В.Г. Громан закончит начатый им подсчёт запасов, производства, распределения и потребления всех существующих в пределах государства Российского товаров...» – Ср. фрагмент о Владимире Густавовиче Громане из воспоминаний Марка Вениаминовича Вишняка, относящийся, правда, к другому периоду, но интересный в связи с замечанием Л.Н. Юровского:

«Революции не ждали, хотя в катастрофическом положении страны были убеждены и не щадили самых мрачных красок для его изображения. В самом начале 17-го года Громан надумал дать моментальный снимок катастрофического продовольствования русских городов. Дать картину положения городского населения России на определенную дату имело, по мнению Громана, не только научный и исторический интерес, но и крупное политическое значение. Поставленная лицом к лицу с неопровержимыми фактами и цифрами, власть вынуждена будет признать, аргументировал Громан, что, если не будут немедленно приняты радикальные меры, русские города обречены на голод и вымирание.

Громану удалось убедить Астрова в полезности одновременного обследования городов. В спешном порядке разработали опросный лист, наметили объект обследования, составили группу анкетёров, снабдили их инструкцией и телеграфировали городским головам просьбу об оказании содействия. В половине января мы разъехались в разные стороны с наказом представить итоги обследования в десятидневный срок.

Мне поручено было совершить рейд в южном направлении. Я побывал в городских управах Курска, Симферополя, Ялты, опросил кого мог и кто был расположен беседовать, собрал печатные материалы и письменные доклады и вернулся обратно. Впечатление получилось тяжелое. Всюду выстраивались длинные очереди, терявшие часы в ожидании предметов первой необходимости, которые чаще обещали, нежели доставляли. Транспорт был не только расстроен, он был перегружен и истощен, – был, как тогда говорилось, в параличе. Остро ощущался недостаток в хлебе, муке, крупе, угле, керосине, даже в дровах. Все были утомлены и недовольны, жаловались на жизнь, на порядки, на межведомственные распри и соперничество. Но «вулкана», на котором мы, по убеждению статистиков и экономистов, будто бы сидели, я не заметил. Не было и той абсолютной «разрухи», о которой не переставали писать газеты.

Много лет спустя, возвращаясь мыслью к предфевральским дням уже из эмигрантского далека, М.А. Алданов заметил, что о «продовольственных затруднениях» как «причине революции» историку после 1920 г. писать «будет неловко». То же повторил позднее и другой историк С.П. Мельгунов («Возрождение», № 12. 1950 г.). Это, конечно, не так. Это было бы так, если бы 1920-ый год предшествовал 1917-му. И фактически продовольственное положение пред революцией не было благополучным и не исчерпывалось одними «затруднениями», как это представляется на расстоянии десятилетий. И психологически «затруднения» производили такое «революционизирующее» впечатление именно потому, что будущее оста-

валось скрытым, и ничье воображение не могло себе представить, что печальное начало 17-го года – идиллия по сравнению с тем, что случится через 2–3 года.

Одновременно со мной вернулись из поездки и другие участники обследования. Я попал в число обследователей за недостатком профессиональных статистиков и экономистов. Я был, поэтому, чрезвычайно удивлен, когда Астров обратился ко мне с личной и специальной просьбой взять на себя обработать все поступившие данные и составить в спешном порядке Записку о продовольственном положении городов. Доверительно он сообщил, что Записку повезет в Петроград Челноков, которому, как главноуполномоченному Союза городов, уже назначен доклад у государя. Астров просил меня пожертвовать масленичным отдыхом, чтобы выполнить общественный долг.

Как ни прискорбно было работать на масленой, поручение было слишком серьезно – и лестно, – чтобы его не выполнить. Я просидел за Запиской пять дней и, частью, ночей и сдал ее в переписку на машинке. Ни Громан, ни Астров ее не просмотрели, и она была вручена Челнокову, отправившемуся в Петроград. Записка была помечена 10-м февраля и появилась в очередном выпуске «Известий» Союза городов – конечно, без моей подписи – уже после революции». – Марк Вишняк, *Дань прошлому*, Нью-Йорк, Издательство имени Чехова, 1954, с. 241–243. О В.Г. Громане см. в книге знавшего его Н.М. Ясного – Naum Yasny, *Soviet economists of the twenties: names to be remembered*. Cambridge University Press. 1972, pp. 91–123. Н.М. Ясный также упоминается в воспоминаниях М.В. Вишняка.

Стр. 67. «Только живой души не было в этой организации. Надо было вдохнуть эту душу, но помнить, что у нас «нет людей», и относиться к тому, что есть, необыкновенно бережно.» – Ср. эти сожаления Л.Н. Юровского о сделанных ошибках с написанными спустя 3 года записками народного социалиста Александра Алексеича Де-

мьянова. После образования Совета рабочих депутатов Петербурга он был его членом, затем назначен руководить 2-м департаментом Министерства Юстиции Временного Правительства. И, наконец, с мая по октябрь 1917 года служил товарищем министра юстиции (был назначен на этот пост Павлом Николаевичем Переверзевым, близким товарищем которого был). «Новая власть родилась неожиданно. Она упала как снег на голову всем старым чиновникам. Казалось бы, со стороны последних новая власть должна была встретить, если не отпор, то по крайней мере недружелюбное отношение. Но таково было презрение к старой власти и такая надежда возлагалась на новую власть, что не только не было заметно со стороны чиновников недружелюбного отношения к новой власти, а наоборот чувствовалось самое предупредительное отношение, связанное с желанием помочь новой власти в её новой деятельности. Такое отношение не может быть объяснено гуттаперчевой душой чиновника; слишком ясны были признаки доверия к новой власти, и достаточно красноречивых данных для установления этого обстоятельства.» – А. Демьяненко, *Моя служба при Временном Правительстве, «Архив русской революции»*, издаваемый И.В. Гессеном, Берлин, 1922 год, т. IV, с. 67.

См. также сделанное в апреле 1918 года замечание бывшего в прошлом Управляющим делами Временного Правительства В.Д. Набокова: «Я хотел сказать – и думаю теперь, – что огромное большинство бюрократии нисколько не заражено стремлением быть plus royaliste que le roi, – оно охотно бы признало fait accompli, подчинилось бы новому порядку и никаким «саботажем» не стало бы заниматься. Конечно, и в центре, и на местах, как тогда, в 1905 году, так и теперь, в 1917-м, были отдельные люди, которых их прежняя деятельность и совершенно определённая, яркая политическая физиономия делала и принципиально, и практически неприемлемыми для нового строя. Эти единицы и подлежали бы изъятию». – В.Д. Набоков, *Временное Правительство, «Архив русской революции»*, издаваемый И.В. Гессеном, т. I, с. 26.

На пути к анализу транспорта

Стр. 69. «Данные о состоянии транспорта, приведённые в этой заметке, взяты из статьи практика и специалиста И.Д. Михайлова, напечатанной в книжке «Известий по продовольственному делу», которая на днях выходит из печати.» – См. Полковник И.Д. Михайлов, Современное состояние железнодорожного транспорта и результаты водной навигации за 8 месяцев 1917 года. «Известия по продовольственному делу», сентябрь–октябрь 1917 года, № 3(34), с. 19–23. Отметим, что в том же издании публиковались обзоры известного в последующем экономиста-эмигранта Наума Михайловича Ясного. Из его работ периода Временного Правительства отметим небольшую брошюру – Продовольственный кризис и хлебная монополия, изд. Библиотеки «Свобода», Петроград, 1917 год, а также изданную под грифом статистико-экономического бюро Экономического Отдела Всероссийского Союза Городов интересную работу – Опыт регулирования снабжения хлебом, Петроград, 1917.

Стр. 71. «О «решительных, неотложных мерах» в конце подобных заметок ведь пишут лишь потому, что надо же что-нибудь написать. В данной политической и социально-психологической обстановке этих мер не существует. Мы просто должны быть готовы всё, всё пережить.» – Ср. характеристику происходящего, данную автором 7 лет спустя: «Хозяйственная разруха всё более превращалась в полный развал. Производительность труда упала, транспорт разлагался, предприятиям, работавшим на оборону, приходилось выдавать всё большие субсидии, налоговые поступления сокращались при возрастающих государственных расходах, «заем свободы», выпущенный временным правительством, принёс небольшие финансовые результаты. Процент бюджетного дефицита, покрываемого эмиссией, от 25% в 1916 году поднялся до 73 в 1917 году». – Л.Н. Юровский, На путях к денежной реформе, Москва, 1924, с. 13.

• • •

Отметим, что Л.Н. Юровскому было привычно анализировать состояние железнодорожного транспорта. См., например, его статью «Экономические заметки. Наша железнодорожная политика», «Вестник Европы», Санкт-Петербург, июнь 1911 года, Книга шестая, с. 253–267. Эта статья содержит периодизацию политики железнодорожного строительства в России и основанный на статистических данных сравнительный анализ эффективности частных и государственных железных дорог. Она не потеряла своего значения и для выработки современной экономической политики в России. Симпатии автора в целом на стороне государственных железных дорог: «...наряду с некоторыми преимуществами, в эксплуатации частных дорог нетрудно отметить и недостатки сравнительно с эксплуатацией казённой сети. И нет, во всяком случае, основания утверждать, что на частных дорогах хозяйство ведётся значительно целесообразнее, чем на казённых. Возможно, что в последние 10–15 лет соотношение между степенью рациональности управления казёнными и частными дорогами несколько изменилось в пользу последних. Весьма вероятно, что частная сеть в общем лучше справилась с ростом движения в 1909 году, чем казённая. Но ни история нашего железнодорожного хозяйства в течение последних лет, ни тем более его история в течение всей второй половины прошлого века не дают основания говорить о преимуществах частного хозяйства перед казённым, значительных, длительных, коренящихся в самых принципах ведения того и другого». – Л. Юровский, «Экономические заметки. Наша железнодорожная политика», «Вестник Европы», Санкт-Петербург, июнь 1911 года, с. 266–267. И здесь же: «Опыт нашего железнодорожного хозяйства, в общем, говорит не за концессионеров» (с. 267). Последнее замечание следует читать, принимая во внимание махинации, о которых Л.Н. Юровский спустя полгода рассказал в статье «Бугульминские миллионы» («Русские Ведомости», 19 января 1912 года, № 15, с. 2).

В первый день республики

Стр. 72. «Провозглашение республики не вызвало ни радости, ни надежд.» – Ср. с замечанием в воспоминаниях одного из авторов знаменитого сборника «Вехи», Александра Соломоновича Изгоева, сделанном 6 лет спустя: «3 сентября, явно предвосхищая волю Учр. Собрания, Керенский объявил Россию республикой. На это никто не обратил никакого внимания». – «Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки)», «Архив русской революции», издаваемый И.В. Гессеном, Берлин, 1923 год, т. X, с. 19. В 1912 году Л.Н. Юровский написал в «Русских Ведомостях» критическую статью о деятельности П.А. Столыпина в связи с выходом книги А.С. Изгоева, «П.А. Столыпин, очерк жизни и деятельности». См. – «Кормчий без руля (А. Изгоев, П.А. Столыпин, очерк жизни и деятельности)», «Русские Ведомости», 4 февраля 1912 года, № 28, с. 6 (опубликована под псевдонимом «Ю. Лигин»). Название статьи «Кормчий без руля», данное Л.Н. Юровским, вызвано, по-видимому, вот этими словами Александра Соломоновича: «Трудно ждать теперь с какой бы то ни было стороны беспристрастного слова над свежей могилой того, кто в представлении многих, был рулевым, вращавшим колесо». – А. Изгоев, П.А. Столыпин, очерк жизни и деятельности, Москва, кн-во К.Ф. Некрасова, 1912 год, с. 133. Отметим также, что судьбы Л.Н. Юровского и А.С. Изгоева (равно как и другого знакомого Л.Н. Юровского С.Л. Франка) могли пересечься на знаменитом «философском пароходе». Это собирательное имя для рейсов двух немецких судов, на которых в конце сентября и середине ноября из Петрограда в Штеттин было выслано более 160 русских интеллигентов. Суда назывались – «Oberbürgermeister Naken» и «Prussia».

Присутствовавший в первоначальном списке Л.Н. Юровский был по письменному ходатайству Наркомфина «и личных переговоров М.К. Владимирова с т. Дзержинским» оставлен в России «как крупный спец-финансист». – См. Высылка вместо расстрела. Депорта-

ция интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923, Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. Москва, «Русский путь», 2005, с. 118.

Об М.К. Владимирове см. главу в воспоминаниях Николая Владиславовича Валентинова «НЭП и кризис партии после смерти Ленина: годы работы в ВСНХ во время НЭП» (публикация в России – Москва, «Современник», 1991). Отметим также, что Н.В. Валентинов был товарищем Л.Б. Кафенгауза, коллеги Л.Н. Юровского по «Русским Ведомостям». До своего отъезда из России в 1930 году он, по устным воспоминаниям сына Льва Борисовича, часто приходил в квартиру Кафенгаузов на Пятницкой улице в Москве.

Стр. 72. «...опираясь на смысл аплодисментов, раздавшихся в московском государственном совещании во время речи Кропоткина.» – Леонид Наумович имеет в виду следующее место из выступления П.А. Кропоткина в дневном заседании 15 августа, прерванное овацией: «Заканчивая речь, П.А. Кропоткин говорит, что следовало бы настоящему собору русской земли объявить своё твёрдое желание, чтобы Россия стала республикой (овация) и притом федеративной, но не в смысле расчленения России, а по образцу американскому. Это – не предварение решения Учредительного собрания, это должно быть только пожеланием и этим будет облегчена работа Учредительного Собрания». – «Русские Ведомости», 17 августа (30 августа) 1917, № 187, с. 4.

Как вообще П.А. Кропоткин попал на Государственное совещание? Почему ему было предоставлено слово? Вот что писали в отчёте «Русские Ведомости»:

«А.Ф. Керенский сообщает, что сверх ранее выработанной программы предполагается ввести в число выступлений ещё «группу русской истории». Так министром-председателем обозначена та группа, в составе которой ветераны русской революции – Брешко-Брешковская, Кропоткин и Плеханов...

Второй из «группы русской истории» – П.А. Кропоткин, впервые выступающий перед Москвою. Особенно шумна и дружна овация совещания по адресу этого благородного ветерана русского революционного движения. Он заметно взволнован, голос дрожит. И первые его слова – о циммервальдизме.

– Раз навсегда нужно порвать, – говорил он, – с циммервальдизмом и стать дружно крепкой стеной на защиту родины и революции. В затяжной войне самые роковые и ужасные месяцы – последние, тут решается, кто победит, кто будет побеждён. Если бы победили немцы, последствия этого были бы ужасны, даже ужаснее, чем предполагает большинство. Польша стала бы частью Германской империи, увеличив её население на 20 миллионов чел.; Курляндия отошла бы к немцам, а Рига – может быть, Ревель, стали бы военными крепостями для новых нападений на Петроград и Москву. Была бы наложена громадная контрибуция, и 25–30 лет мы нищали бы. Но есть нечто, ещё более ужасное, чем всё это: психология побеждённой страны. Я пережил это во Франции, и болело у меня сердце, когда видел я, до чего унижалась Франция перед Александром и Николаем, перед каким-то Буланже, до того чувствовала она себя униженной. Неужели же и нам пережить всё это? Нельзя, нельзя этого!

– Товарищи солдаты, – говорил далее П.А. Кропоткин, – посмотрите, как в эту самую минуту итальянцы одерживают победу! А за что они сражаются сейчас? За то, чтобы освободить нас и Румынию, где наступает враг на Одессу. Берите, товарищи, с них пример!

Раздаются возгласы «Да здравствует Италия!» Собрание устраивает овацию представителю Италии, сидящему в средней дипломатической ложе.

– Нужно же, чтобы русский народ во всей своей массе понял, – продолжал кн. Кропоткин, – что наступает новая эра благополучия и просвещения, нужно, чтобы понял он, что и вы и вы (оратор обращается то в ту, то в другую сторону залы) делаете что-то, чтобы жить ему стало легче. Умоляю я вас, – в голосе Кропоткина внятно зазвучали слёзы, – умоляю я вас дать свои знания, свой опыт и соединить их с энергией советов для строительства новой жизни».

Далее следовал приведённый выше фрагмент, который имел в виду Л.Н. Юровский и завершалось выступление П.А. Кропоткина следующим образом:

« – Обещайте, что не будете делиться на левую и правую часть. У всех у нас – одна родина, и за неё все должны лечь, – и правые, и левые.

Новая шумная и долгая овация всей залы». – «Русские Ведомости», 17 августа (30 августа) 1917, № 187, с. 4.

Ср. впечатления от выступления П.А. Кропоткина:

«Не странно ли, что, как бы по снисхождению, на государственном совещании дано было слово трём, казалось бы, главарям и основоположникам русской революции: «бабушке» Брешко-Брешковской, родоначальнице эс-эровской партии, Г.В. Плеханову, первому основателю русской социал-демократии, и П.А. Кропоткину, заслуженному и старому вождю анархизма, подлинного, созидательного, а не нынешнего, погромного?»

Не странно ли, что наиболее жаркие аплодисменты летели к ним с правой стороны, а слева кое-где, и довольно заметно, змеилась усмешка?..

Тщетно П.А. Кропоткин говорил тёплые, вразумительные слова. Было до слёз трогательно, когда этот белый старик, с патриаршеской бородой до пояса, умоляюще обращался направо, доказывая, что русской революции нужны сейчас не капиталы, не деньги, не материальная помощь, а бесценные капиталы знаний, опыта, культуры, науки. «Так дайте же, дайте вы ей этот капитал!» – в умоляющем порыве ударил он себя в старческую грудь, – поддержите своими знаниями, умом, опытом, культурой!..». Ему снова и снова похлопали. Даже вставали, аплодируя всем трём старичкам». – И. Жилкин, На московском Государственном Совещании, «Пережитое» (в годы революции), кн. 1, Москва, изд-во «Верфь», б. г., с. 82–83.

Стр. 74. «При худых или хороших ауспициях...». Слово «ауспиции» (auspicium) означает гадание авгуров по полёту птиц (от латинского существительного avis — «птица» и глагола speculare — «наблюдать»). Здесь синонимами употреблённого Л.Н. Юровским выражения могут быть слова «знаки», «знамения», «предзнаменования».

После грозы

Стр. 76. «Сейчас, когда машины экспедиции заготовления государственных бумаг работают вовсю, когда некоторые требования предъявляются, а иногда и удовлетворяются, можно сказать, в утопических размерах, истинное положение вещей не выступает во всей своей наготы.» – Ср. оценку Л.Н. Юровского, сделанную спустя 11 лет: «Новые нажимы на эмиссию давали относительно всё худшие результаты. Однако эти нажимы были настолько сильны, что та общая сумма ценностей, которая была извлечена Временным правительством из оборота при помощи эмиссии, оказалась огромной. Она составила в довоенных рублях (по индексу статистики труда) около 1735,6 млн. рублей, т.е. в среднем почти по 217 млн. рублей в месяц. В этом смысле на период от февральской до Октябрьской революции приходится максимальное использование эмиссии». – Л.Н. Юровский, Денежная политика советской власти (1917–1927). Избранные статьи, Москва, «Экономика», 2008, с. 82.

Продолжение бюрократических наблюдений

Стр. 86. «Эти части называются элементами. Одна часть – цензовыми элементами...» – Ср. у Л.Д. Троцкого: «...Демократический Совет, выделившийся из Демократического Сопения, впитал в себя всю беспомощность последнего. Старые советские партии, социалисты-революционеры и меньшевики, создали для себя в этом Совете искусственное большинство, но только для того, чтобы тем ярче обнаружить свою политическую прострацию. Церетели вел за кули-

сами Совета путанные переговоры с Керенским и с представителями «цензовых элементов», как начали выражаться в Совете – для того, чтобы не употреблять «обидного» имени буржуазии» – Л. Троцкий, Октябрьская революция. Москва, 1918, с. 50.

Стр. 86. «Но автору достоверно известно, что Александр Верховский весьма слабо напоминает Александра Македонского...» – Ср. воспоминания Георгия Треплева «Три полковника», рассказывающие о трёх командующих Московским Военным Округом в период Временно Правительства, опубликованные, по-видимому, в 1918 году: «Его сменяет – «самый молодой в армии» – полковник генерального штаба А.И. Верховский, с головокружительной быстротой делающий свою карьеру: за 5 месяцев он из подполковника успевае превратиться в генерал-майоры, место командующего округом сменить на пост военного министра, стать членом пресловутой директории и заставить своим нашумевшим выступлением во Временном Правительстве говорить о себе всю Россию». – «Пережитое (в год революции)», кн. 1, Москва, изд-во «Верфь», б. г., с. 155.

Воспоминания Г. Треплева, которые представляют собой смесь преувеличенного восторга, трезвой оценки и иронии, мнение Л.Н. Юровского подтверждают. Пожалуй, они напоминают «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина. Вот два анекдота из воспоминаний об А.И. Верховском:

«Особенно внушительно была обставлена экспедиция для подавления мятежа эвакуированных в Нижнем Новгороде.

В поход были назначены учебные команды запасных полков, рота юнкеров, сотня казаков, три броневика, батарея. Во главе этой маленькой армии, имевшей свой полевой штаб, стал сам Верховский. Так как последнее слово военной техники требует, очевидно, и услуг печати, то экспедиция имела при себе собственное «бюро прессы», через посредство которого оповещались все газеты о ходе событий...

Этой экспедиции Верховский придавал едва ли не всероссийское значение. Дабы сильнее импонировать воображению населения, – он въехал в Нижний Новгород на броневике, впереди отряда.

Знаменательно отметить, что он ездил на броневике, именуемом «Корнилов». В дни корниловщины эта машина была переименована, кажется, в «Революционера»! – «Пережитое (в год революции)», кн. 1, Москва, изд-во «Верфь», б. г., с. 165.

«В своём рвении дошёл Верховский до того, что стал летать на аэропланах. Так он совершил перелёт из Москвы в Тверь, где спустился на той самой площади, на которой был выстроен бунтующий полк. Не трудно себе представить эффект произведённый этим появлением: цель Верховского в данном случае была достигнута.

Солдаты стали говорить о нём так:

– Вот это командующий, так командующий. От него никуда не уйдёшь. Ежели, допустим, рельсы с его пути снять, он с воздуха прилетит». – «Пережитое (в год революции)», кн. 1, Москва, изд-во «Верфь», б. г., с. 166.

Стр. 86. «...автор готов присягнуть в том, что среди всех, достаточно многочисленных, известных ему товарищей министров...» – Одним из знакомых Л.Н. Юровскому товарищей министров был выпускник экономического отделения юридического факультета Московского университета Лев Борисович Кафенгауз (товарищ министра торговли и промышленности). С 1910 года Л.Б. Кафенгауз сотрудничал, как и Л.Н. Юровский, в газете «Русские Ведомости» (первая опубликованная в газете Львом Борисовичем статья – Сельскохозяйственное машиностроение и пошлина, «Русские Ведомости», 8 июня 1910 года, № 129, с. 2–3). Кроме того, два года спустя, 6 октября 1912 года Л.Б. Кафенгауз и Л.Н. Юровский были избраны секретарями отдела по политической экономии Общества имени А.И. Чупрова – «Русские Ведомости», 7 октября 1912 года, № 231, с. 5. 7(20) октября 1917 года, за 4 дня до публикации статьи

Л.Н. Юровского, товарищем министра продовольствия был назначен Николай Дмитриевич Кондратьев, которому тогда было как раз 25 лет – Н.К. Фигуровская, В.В. Симонов. Н.Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени, в книге Н.Д. Кондратьев. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, Москва, «Наука», 1991, с. 12.

Стр. 88. Nomina sunt odiosa (лат.) – имена ненавистны, т.е. при осуждении не следует называть лиц, которые осуждаются.

Освобождённая Россия

Отметим переключку названия статьи Л.Н. Юровского и раскрытия темы «освобождения» России с местом из опубликованного позднее очерка А.А. Деренталя: «Свободная Россия, «освободившись» от внешнего фронта, заменила его фронтом внутренним, в самом сердце своём – в Москве!» – А. Дикгоф-Деренталь, Силуэты октябрьского переворота, «Пережитое (в год революции)», кн. 1, Москва, изд-во «Верфь», б. г., с. 47.

Стр. 91. les extrémités se touchent (фр.) – крайности сходятся.

По ту сторону человеческого

Стр. 92. «Ясно, что мотивацию командировок в Брест-Литовск следует искать в области государственного предательства...» – Ко времени написания этой статьи Л.Н. Юровского переговоры о заключении сепаратного мира в Брест-Литовске между большевиками и представителями государств Четверного союза ещё не начались. Было достигнуто только перемирие. Вот что писали об этом за день до выхода статьи Л.Н. Юровского «Русские Ведомости»:

«Уже в субботу, 2-го декабря, явно-самодержавные дипломаты, фанатики и дельцы из Смольного торжествовали великую победу. От их брест-литовского приказчика, тов. Льва Карахана, пришла

по телеграфу радостная весть о том, что возобновлённые переговоры о длительном перемирии привели к желанной цели: перемирие заключено...

И – что ещё хуже – предательский мир заключается только для того, чтобы сейчас же начать или, вернее, продолжить новую войну. Прапорщик Крыленко зовёт всю русскую армию смиренно склониться перед надменным и хищным внешним врагом для того, чтобы немедленно устремить все свои силы на борьбу с врагом внутренним, – с казаками, кадетами и с правыми социалистами-революционерами...

Последние известия гласят, что просмоленные Бронштейны разыгрывают вторую часть давно и твёрдо разученной берлинской симфонии. Господин Троцкий будто бы удостоился получить от графа Чернина и господина фон Кюльмана приглашение прибыть в центральную зону для ведения переговоров о прочном мире, а не о простом перемирии...

И по странной иронии судьбы, вступая на путь революционного злодейства, наши покорные немцам террористы вдохновляются французскими, а не немецкими воспоминаниями: их взоры прикованы к гильотине». – «Перемирие», «Русские Ведомости», 5 декабря (18 декабря) 1917 года, № 268, с. 3.

Переговоры о мире начнутся только через 3 дня. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин, в день написания Л.Н. Юровским статьи, выехав из Вены в Брест-Литовск, записал: «Во время пути я пользуюсь случаем, чтобы изложить фельдмаршалу-лейтенанту Чичериксу мои цели и необходимую для их достижения тактику. Я заявил ему, что по моему убеждению Россия предложит заключить всеобщий мир и что мы, конечно, должны будем поддержать это предложение. Я сказал ему, что я отнюдь не потерял надежды, что в Бресте удастся проложить дорогу к общему миру. В случае же, если Антанта не откликнется, то тогда по крайней мере останется свободным путь к сепаратному миру». – Брест-Литовск

(из мемуаров Оттокара Чернина), «Архив русской революции», издаваемый И.В. Гессеном, б. м., 1921 год, т. II, с. 113.

• • •

Заметка «Подробности убийства генерала Духонина» («Русские Ведомости», 23 ноября (6 декабря) 1917 года, № 256, с. 3) рисует следующую картину: Могилёв. 21 ноября. «Доставление Духонина на вокзал вызвало огромное возбуждение матросов и красногвардейцев, немедленно потребовавших выдачи его на самосуд. Находившийся тут Крыленко пытался успокоить, напоминая о военно-революционной дисциплине и указывая, что Духонина необходимо доставить в Петроград, где он должен ответить перед военно-революционным судом». Другой источник говорит:

«Всякое сопротивление было неразумно. По сведениям Ставки эшелоны матросов приближались к Могилёву, несмотря на уверения ген. Одинцова. В Ставке к этому времени было 4 сотни казаков, по 60 шашек в сотне, 290 ударников и 1 финляндский ударный батальон в 800 штыков. Георгиевцы были ненадёжны. Начать бой и в конце концов загубить всех этих людей, подвергнуть Ставку разгрому, вызвать в армии поголовное избиение офицеров, – вот чего решил избежать Духонин. Собственно говоря, он поступил также, как в своё время генерал Корнилов. Он решил сдаться без сопротивления.

Но Корнилов сдавался ген. Алексееву, который отвечал за свои слова и все принятые условия выполнил до конца. Духонин же сдавался безответственному большевизму, который не был в силах выполнить самых торжественных обещаний. Вечером, после разговора с Одинцовым, был отдан приказ ударникам отправиться на Кавказский фронт. Ставка осталась без защитников.

На следующий день, 20 ноября, около 10 утра, в Могилёв вступили матросы. В лохматых шапках, в чёрных шинелях, с винтовками за плечами, с лицами победителей, – они группами ходили по тротуарам могилёвских улиц, останавливались на перекрёстках, тол-

пились у домов. Прохожие сторонились их, но кое-где у ворот уже слышался примирительный бабий визг и хихиканье.

Духонина арестовали и отвезли на вокзал, а около 6 часов вечера он был зверски убит у салон-вагона прапорщика Крыленко несколькими матросами.

Едва ли новый Верховный Главнокомандующий и его штаб могли защитить от самосуда генерала, ими же объявленного «врагом народа». Во всяком случае, если они и могли остановить матросов, то, конечно, не убеждениями, а только ударами шашек и выстрелами револьверов. Но этого они не сделали. И матросы убили Духонина, тело его на грязных деревянных носилках сволокли на соседний путь и штыками швырнули в вагон, в котором до этого перевозили скот.

Ночью труп был ограблен: сняты сапоги, шинель, всё платье. Утром на следующий день началась оргия самых утончённых издевательств и глумлений над мёртвым телом. Его таскали по вагону, ставили в угол, в мёртвый рот вставляли дымящиеся папиросы.

Люди эти не отдавали себе отчёта в том, что, издеваясь над холодным, обезображенным и ограбленным трупом, они не в силах осквернить отлетевшую от него человеческую душу, бессильны умертвить светлую память о человеке.

Эти матросы – «краса и гордость революции» и цвет большевизма – не понимали, что в садизме собственной жестокости они топят всякую идейность большевизма.

И в то же время они невольно венчали ореолом мученичества убитого ими человека». – И.В., Генерал Духонин в Ставке (по неопубликованным данным), «Минувшее», № 1–3, январь–март 1918 года, с. 307–308. Описание А.А. Деренталя подтверждая сказанное, добавляет несколько отвратительных деталей:

«...Бездыханный труп генерала Духонина несколько дней подряд был игрищем матросской и солдатской черни на могилёвском вокзале. Труп был ограблен – сапоги и верхнее платье украдены...

Застывшее на морозе, исколотое штыками тело ставили на корачки, прислоняли его в «смешном виде» к стенке вагона, совали ему в рот окурки папирос со словами:

– Духонин!.. Покури!..

Когда прибыли на следующий день после убийства несколько новых поездов с матросами и солдатами – вновь прибывшим радостно кричали:

– Уже!.. Уже!.. – И вели показывать – что осталось от погибшего искупительной жертвой за грехи многих и многих других «врага народа»...». – А. Дикгоф-Деренталь, Силуэты октябрьского переворота, «Пережитое (в год революции)», кн. 1, Москва, изд-во «Верфь», б. г., с. 60.

То, что творили с телом убитого Н.Н. Духонина, повторилось с телом погибшего во время штурма Екатеринодара генерала Л.Г. Корнилова. Его могила, скрытая перед отступлением Добровольческой Армии от Екатеринодара, была всё же найдена большевиками. Дальнейшее описывает по материалам «Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков» А.И. Деникин:

«В городе повозка эта въехала во двор гостиницы Губкина на Соборной площади, где проживали главари советской власти Сорокин, Золотарев, Чистов, Чуприн и другие. Двор был переполнен красноармейцами; ругали генерала Корнилова. Отдельные увещания из толпы не тревожить умершего человека, ставшего уже безвредным, не помогли; настроение большевистской толпы повышалось. Через некоторое время красноармейцы вывезли на своих руках повозку на улицу. С повозки тело было сброшено на панель. Один из представителей советской власти Золотарев появился пьяный на балконе и, едва держась на ногах, стал хвастаться перед толпой, что это его отряд привез тело Корнилова; но в то же время Сорокин оспаривал у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что труп привезен не отрядом Золотарева, а Темрюкцами. Появились фотографии; с покойника были сделаны снимки, после чего тут же проявленные

карточки стали бойко ходить по рукам. С трупа была сорвана последняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругом. Несколько человек оказались на дереве и стали поднимать труп. Но веревка оборвалась, и тело упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумела.

После речи с балкона стали кричать, что труп надо разорвать на клочки. Наконец отдан был приказ увезти труп за город и сжечь его. Труп был уже неузнаваем: он представлял из себя бесформенную массу, обезображенную ударами шашек, бросанием на землю. Тело было привезено на городские бойни, где, обложив соломой, стали жечь в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на это зрелище на автомобилях.

В один день не удалось докончить этой работы: на следующий день продолжали жечь жалкие останки; жгли и растапывали ногами и потом опять жгли.

Через несколько дней после расправы с трупом по городу двигалась какая-то шутовская ряженая процессия; ее сопровождала толпа народа. Это должно было изображать «похороны Корнилова». Остановливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег на помин души Корнилова». – А.И. Деникин, *Очерки Русской Смуты*, т. 2, *Борьба генерала Корнилова*, август 1917 г. – апрель 1918 г., Париж, 1922, с. 301–302.

Стр. 93 «Я помню прапорщика Крыленко по его студенческим выступлениям в Петрограде в 1905 году...» – Не только Л.Н. Юровский помнил выступления прапорщика Крыленко. Вот воспоминания коллеги Л.Н. по «Русским Ведомостям» А.А. Деренталя: «Мелькает в памяти ещё одна маленькая фигурка... «Товарищ Абрам» – он же, по нынешнем правописанию – «прапорщик Крыленко». Помню – давно, давно, ещё в 1904 году, когда боровшиеся в те времена и гибнущие за лучшее будущее верили, что из недр народных выйдет не косматое чудовище, а светлая фея – на одном из собраний вылез со-

вершенно неожиданно некий необычайно бойкий молодой человек и заболтал нечто совершенно к делу не идущее... Так как вылез он после выступления одного почтенного и умного человека – то развязного юношу немедленно поставили на место, и он затих... После, в 1905–6 годах, мне часто приходилось встречать его необычайно надутую собственной важностью коротенькую фигурку на разных митингах, слышать бессвязные, но с величайшим пафосом и «надрывом» произносимые речи... Юноша, что называется, «набивал язык». – Кто бы что ни говорил – он непременно выступал с опровержениями. Вскоре я уехал за границу и потерял его из виду... Говорят – он всё-таки «напрактиковался» и стал популярным митинговым оратором...». А. Дикгоф-Деренталь, *Силуэты октябрьского переворота, «Пережитое (в год революции)»*, кн. 1, Москва, изд-во «Верфь», б. г., с. 50.

Между прочим, это оброненное замечание Л.Н. Юровского заставляет задуматься, так ли уж верно то, что пишет В.Е. Юровский об участии Л.Н. в событиях 1905 года в Санкт-Петербурге? «10 января 1905 года, на следующий день после Кровавого воскресенья, совет Политехнического института единогласно принял постановление с осуждением расстрела мирных граждан, а в похоронной процессии, следовавшей за гробом одного из убитых, вместе с множеством студентов шла вся институтская профессура во главе с директором. Занятия в институте были прекращены. Юровский не принимал непосредственного участия в политических событиях. Однако, как следует из его писем, разделял сложившееся в окружающей его среде убеждение, что государственный строй России следует изменить.» – В.Е. Юровский, *Архитектор денежной реформы 1922–1924 годов, «Вопросы истории»*, 1995, № 2, с. 138–139. Был ли Л.Н. Юровский в этой процессии? Участвовал ли он в митингах в Санкт-Петербурге хотя бы в качестве зрителя? На последний вопрос можно, как будто бы, ответить положительно.

Стр. 93. «...армия разлагалась при всех верховных в течение последних девяти месяцев, и лишь один сделал подлинную попытку восстановить её.» – Речь идёт о генерале Л.Г. Корнилове, к деятельности которого Л.Н. Юровский, насколько можно судить, относился с симпатией. Вот все Верховные Главнокомандующие российской армии с марта по ноябрь 1917 года: Великий князь Николай Николаевич – со 2 марта по 11 марта (уволен со службы так и не приступив к выполнению обязанностей); генерал М.В. Алексеев – с 1 апреля по 17 мая, генерал А.А. Брусилов – с 22 мая по 19 июля, генерал Л.Г. Корнилов – с 19 июля по 28 августа; генерал В.Н. Клембовский – с 28 августа (был назначен, но отказался вступить в должность); А.Ф. Керенский – с 30 августа по 3 ноября, генерал Н.Н. Духонин – с 3 ноября по 20 ноября.

Стр. 94. «И среди всего, что пришлось наблюдать в течение последнего месяца, преисполненного безумия и ужаса, не было ничего, что возбуждало бы столько отвращения и гадливости, как образ главного могилёвского главнокомандующего...» – Интересные личные впечатления от встречи с главкомверхом Крыленко, состоявшейся двумя месяцами позже публикации статьи Л.Н. Юровского, принадлежат Э.А. Верцинскому: «Прибыв в здание военного министерства, Мойка, 67, мы некоторое время оставались одни. Затем появился главкомверх Крыленко, и с грубой, плоской бранью стал поносить поляков за измену Польского корпуса». – Э.А. Верцинский, Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 года, Таллинн, 1929, с. 57. А вот портрет бранящегося главкомверха, нарисованный Э.А. Верцинским: «Крыленко – маленький, толстенький, в защитном обмундировании, с небрежно надетым и неуклюже висящим боевым снаряжением со своей грубой и резкой манерой разговаривать производил отталкивающее впечатление». – Там же, с. 59. Неудивительно, что человек с такой карикатурной наружностью не мог совладать с распоясавшейся матросской массой.

Можно представить, чего мог бы добиться человек с более представительной внешностью и твёрдой решительностью. Например, личность, подобная генералу Николаю Иудовичу Иванову (1851–1919). Вот рассказ об экспедиции генерала Иванова в начале марта 1917 года: «1 марта Иванов проследовал через станцию Дно... На станции он обнаружил поезда с мятежными солдатами, прибывшими из Петрограда. Он применил к пьяным солдатам «патерналистские методы» восстановления дисциплины, которыми так гордился. Подойдя к ним ближе и владея лишь устрашающей огромной бородой в форме лопаты, генерал крикнул на пределе голосовых связок: «На колени!» Этот приказ был на удивление быстро выполнен, «революционных» солдат разоружили как их собственные сослуживцы, так и бойцы из батальона георгиевских кавалеров». – Г. Катков, «Февральская революция», Москва, «Центрполиграф», 2006, с. 350.

Дело, конечно, не только во внушительной внешности, но и во внутренней уверенности, которой «главкомверх Крыленко», видимо, не обладал. Бонапарт во время его первой, Итальянской кампании (1796–1797 гг.) смог совладать с армией, о которой Е.В. Тарле в книге «Наполеон» написал, что она «походила скорее на скопище оборванцев». Действия Наполеона даны Евгением Викторовичем в следующих строках: «Повторяли, например, пущенный кем-то слух, будто во время одного резкого объяснения маленький Бонапарт сказал, глядя снизу вверх на высокого Ожеро: «Генерал, вы ростом выше меня как раз на одну голову, но если вы будете грубить мне, то я немедленно устраню это отличие». На самом деле, с самого начала Бонапарт дал понять всем и каждому, что он не потерпит в своей армии никакой противодействующей воли и сломит всех сопротивляющихся, независимо от их ранга и звания. «Приходится часто расстреливать», – мельком и без всяких потрясений доносил он в Париж Директории». – Е.В. Тарле, Наполеон, Москва, 1941, с. 19–20.

Бывший в Могилёве А.А. Деренталь так описал произошедшее: «К вагону, в котором сидел генерал Духонин, подошла кучка солдат

и матросов, и потребовала выдачи ей арестанта на предмет самосуда. Был вызван по телефону Крыленко. Он убеждал толпу отказаться от её ужасного намерения, угрожал, что если Духонина убьют, то он застрелится... Кричал – «я не допущу!..». Но разумеется, ни сам не застрелился и никого не застрелил! Нельзя от маленьких людей требовать больших поступков, даже если, иронией судьбы, эти люди становятся во главе России!..». – А. Дикгоф-Деренталь, Силуэты октябрьского переворота, «Пережитое (в год революции)», кн. 1, Москва, изд-во «Верфь», б. г., с. 60.

Заметим, что у «главковерха Крыленко» с Могилёвым были связаны неприятные воспоминания. Вот, что пишет участник Белого Движения генерал Александр Сергеевич Лукомский о случае, произошедшем, очевидно, в начале лета 1917 года, т.е. всего лишь за несколько месяцев до убийства Н.Н. Духонина:

«Как-то мне доложили, что в поезде, прибывшем на станцию Могилёв из Петрограда, едет какой-то прапорщик, который всю дорогу вёл самую возмутительную пропаганду и раздавал в поезде большевистскую литературу, и что этот прапорщик едет на юго-западный фронт.

Я, по телефону, приказал задержать поезд, арестовать этого прапорщика, произвести дознание и обыск в купе, в котором он находился.

Дознание подтвердило всё, что было мне сообщено, а арестованный прапорщик оказался Крыленко, впоследствии первый верховный главнокомандующий (Главковерх) у большевиков.

Он вёз целый тюк листовок самого возмутительного содержания.

При обыске у Крыленко оказался «мандат» от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Я доложил Брусилову и было решено Крыленко отправить в штаб юго-западного фронта (там находилась его часть) с предписанием немедленно предать его суду.

В Петроград же было по телеграфу сообщено об этом аресте, чтобы обратить внимание на деятельность Совета рабочих и солдатских депутатов.

Результат получился совершенно неожиданный.

Военное Министерство потребовало присылки Крыленко в Петроград; там же, вероятно, под давлением Совета рабочих и солдатских депутатов, без всякого суда, его выпустили на свободу.

Много позже, в Новочеркасске, один из наших стражей в Быховской тюрьме, прапорщик Георгиевского батальона Гришин, при котором я рассказал этот случай, сказал:

«А я, Ваше Превосходительство, всё же чувствую некоторое удовлетворение. Ведь тогда, когда Вы приказали арестовать Крыленко – я был караульным начальником на станции. Так, когда мы привели Крыленко в караульное помещение, то я нынешнего большевистского главнокомандующего, как прапорщик – прапорщика, хорошо отхлестал нагайкой.» – А.С. Лукомский, Из воспоминаний, «Архив русской революции», издаваемый И.В. Гессеном, б. м., 1921 год, т. II, с. 38.

Перед священной войной

Стр. 96. «Между тем, как в тылу большевистская власть проповедует и пытается осуществлять переход от частной собственности к государственной, на фронте идёт обратное движение: там государственная собственность постепенно превращается в частную.» – Ср. следующее свидетельство: «С осени минувшего года в деревню стал вливаться поток солдат с фронта. Этот элемент принёс в деревню большевизм, а также боевое снаряжение. Говорят, что кроме винтовок в деревнях имеются ручные бомбы и пулемёты. Этот арсенал кое-где уже пущен в ход и даже против большевистских отрядов, рыскающих в нашей области по деревням в поисках хлеба». – Саратовец, Накануне земельной междоусобицы (Письмо из Саратова), «Русские Ведомости», 22 февраля (9 февраля) 1918 года, № 28, с. 5.

1918 год***Русское хозяйство***

Стр. 99. «Наш государственный корабль, как лодка захваченного вихрем рыбака в мрачном и фантастическом рассказе Эдгара По с головокружительной быстротой скользит в бездну...» – Имеется в виду рассказ Эдгара По «Низвержение в Мальстрём» (A Descent into the Maelström), опубликованный в 1841 году.

Стр. 104. «На улицах, на рынках, в вагонах, в мастерских, в советах и комитетах – всюду господствует одна идея: надо взять богатство у имущих и распределить, и вся задача добывания хлеба насущного будет этим разрешена.» – Ср. у М.А. Булгакова в «Собачьем сердце» (1925) ответ Шарикова на вопрос Ф.Ф. Преображенского: «Да что тут предлагать?.. А то пишут, пишут... Конгресс, немцы какие-то... Голова пухнет. Взять всё, да и поделить...».

Крайний срок

Стр. 105. «Власть народных комиссаров оказалась более длительной, чем многие полагали два с половиной месяца назад.» – Ср. со следующим свидетельством из Петрограда: «Захват власти большевиками 25 октября в первые дни на широкие круги петроградского населения не произвёл никакого впечатления... К ним относились полуиронически. Передавались забавные рассказы, как их встречали в министерствах, как организовывали они там работу при помощи курьеров и швейцаров в виду саботажа остальных чиновников. Мало кто верил, что эта оперетка продлится более двух-трёх недель» – А.С. Изгоев, «Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки)», «Архив русской революции», издаваемый И.В. Гессеном, Берлин, 1923 год, т. X, с. 20. Сам Л.Н. Юровский писал в статье «Освобождённая Россия» («Русские Ведомости», 16

(29) ноября 1917 года, № 251, с. 4) о власти большевиков спустя три недели после переворота: «Никто не сомневается в кратковременности этого торжества. Едва ли жизненность его приходится исчислять многими неделями».

Стр. 105. «Власть большевиков – захватного происхождения, методом подготовки этого захвата были демагогия и политический обман...» – Ср. характеристику большевизма с уважением относившегося к Л.Н. Юровскому Петра Бернгардовича Струве в речи, произнесённой 17 мая 1921 года в Париже – «Итоги и существо коммунистического хозяйства»: «В первом состоянии своём большевизм есть, с одной стороны, стихийное увлечение, угар масс, движимых своими элементарными инстинктами, с другой стороны, сознательная игра руководящих партийных коммунистических кругов на этих настроениях и инстинктах масс. Это – период насильственного разрушения буржуазного строя, или коммунистического штурма на этот уклад экономических и государственных отношений. Для этого штурма нужны большие, возможно более наэлектризованные демагогией, массы, ибо нужен сокрушительный удар». – В книге П.Б. Струве, Избранные сочинения, Москва, РОССПЭН, 1999, с. 302–303.

Мнение об уважительном отношении П.Б. Струве к Л.Н. Юровскому основано на следующем фрагменте из его статьи 1930 года в издававшемся в Югославии еженедельнике «Россия», в которой он коснулся выступления Л.Н. Юровского на процессе т.н. «Промпартии»: «Я ощущаю Л.Н. Юровского в роли «свидетеля» в этом процессе, без всякого преувеличения, как одну из самых несчастных фигур во всей истории человечества. Либо большевистская власть самым наглым образом оболгала Юровского перед всем миром, либо она этого даровитого человека буквально растоптала морально, превратив умного и порядочного учёного в глупого лгуна, который лжёт даже без смысла и без расчёта, из животного страха

или животной тупости. И в том и в другом случае перед нами самое жестокое и самое гнусное убийство, убийство не физической оболочки, а духовной личности человека. Ужасно нестерпимо об этом думать!» – «Вавилонская башня большевистской лжи» в книге – П.Б. Струве, Дневник политика.1925–1935, Москва-Париж, Русский Путь – YMCA-PRESS, 2004, с. 576–577. Пётр Бернгардович оказался прав в своих предположениях – «большевистская власть» именно «буквально растоптала морально» Л.Н. Юровского. См. потрясающий документ 1932 года, разысканный и опубликованный Ю.М. Голандом, в котором Л.Н. Юровский подробно описывает произошедшее с ним. – «Письмо Л.Н. Юровского в коллегиям ОГПУ СССР» из суздальского политизолятора ОГПУ СССР от 4 июля 1932 года, в книге Л.Н. Юровский, Денежная политика Советской власти (1917–1927), Москва, «Экономика», 2008, с. 575–584. Вот эпизод из письма Л.Н., относящийся к его показаниям на процессе «Промпартии», о котором пишет П.Б. Струве:

«После составления указанных протоколов, 30 ноября 1929 года, я был отвезён в заседание Верховного суда, рассматривавшего дело Промпартии. Представители прокурора меня предварительно не допрашивали: они получили часть тех протоколов, о которых я только что говорил.

Я должен особо остановиться на этом инциденте. Я был вызван в зал заседаний, и председательствовавший т. Вышинский напомнил мне, что советский кодекс требует, чтобы свидетель говорил правду. Я должен был бы сказать в ответ, что до ареста ничего не знал по рассматриваемому делу. Но из этого вытекала бы необходимость заявить, что на следствии в ОГПУ я, четыре месяца перед тем состоявший членом коллегии Союзного наркомата, давал ложные показания. В зале сидели иностранцы. Было совершенно очевидно, как будет истолковано такое моё заявление, если даже я ни слова не прибавлю к нему. Я не контрреволюционер, а сторонник Советской власти. Но я совершил бы контрреволюционный поступок, если бы

не объявил себя контрреволюционером в этот момент. И я объявил себя таким во всеуслышание. Я понимал, на что обрекаю себя в глазах советской общественности, я знал, что сваливаюсь в пропасть, из которой и Советская власть не может меня вытащить, что никто не может сделать бывшее не бывшим, и было бы политически недопустимо изменить что-либо в том, что тогда произошло. Это был последний акт моей советской службы. Во всяком случае я так смотрел на своё положение. Никто никогда не узнает того, что я здесь пишу. Но я хотел бы, чтобы это знали тт. Сталин и Молотов». – Указанный источник, с. 582.

Как не вспомнить в связи с предпоследним замечанием Л.Н. утверждение булгаковского Воланда «рукописи не горят». Слово по его мановению достал Бегемот из архивов «русиш гестапо» (Войнович) многое объясняющий в судьбе Л.Н. Юровского документ.

Отметим, что выпущенные Л.Н. Юровским в 1919 году в Саратове «Очерки по теории цены» заслужили высокую оценку П.Б. Струве, написавшего в июле 1923 года полемическую рецензию (текст этой рецензии, найденный Ю.М. Голандом в берлинском журнале «Экономический Вестник», см. в приложении 2 к настоящему изданию). В предисловии к «Очеркам по теории цены» П.Б. Струве первый, кому Л.Н. Юровским выражается «искренняя признательность» (с. VII). Можно себе представить, как П.Б. Струве разговаривал с Л.Н. Юровским. Член ЦК партии «Народной Свободы» (кадетов) А.В. Тыркова-Вильямс рассказывала в 1952 году о манере П.Б. Струве говорить: «Сколько раз потом, в несравненно более серьёзных вопросах, приходилось мне слышать его захлёбывающийся голос, его страстную отрывистую речь, в которой так странно смешивались глубокие, иногда даже пророческие речи с неожиданными истерическими выкриками.» – А. Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, Москва, Московская школа политических исследований, 2007 год, с. 55–56. Она же говорит далее о том, что «во вторую половину жизни» у П.Б. Струве «зашевелилось психологическое

любопытство к людям» (там же, с. 56). Цитированные выше слова о Л.Н. Юровском из еженедельника «Россия» могут служить иллюстрацией этой мысли Ариадны Владимировны.

Между прочим, «Очерки по теории цены» были замечены не только в русской эмиграции, но и в подсоветской России. Н.Д. Кондратьев в 1924 году касается взглядов Л.Н. Юровского на «проблему разграничения статики и динамики» в докладе «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» – перепечатан вместе с обсуждением в книге Н.Д. Кондратьев, Проблемы экономической динамики, Москва, «Экономика», 1989 год, с. 48–90. В.Я. Железнов в 1925 году обсуждал постановку Л.Н. Юровским вопроса «о связи ценностного и натурального элементов экономических явлений». – В.Я. Железнов, К вопросу о натуральном и ценностном аспектах экономических явлений (в связи с проблемой методов изучения экономической динамики) – см. публикацию в сборнике «Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института, Москва, «Экономика», 2010, с. 442–466. Т.И. Райнов упоминает работу Л.Н. Юровского в статье 1927 года «К вопросу о природе экономического равновесия (проблема равновесия в экономике и в классической механике) – см. публикацию в сборнике «Избранные труды Кондратьевского конъюнктурного института, Москва, «Экономика», 2010, с. 368–395.

Написанная в Саратове и опубликованная в 1923 году, уже после его отъезда в Москву, работа Л.Н. Юровского «Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия» фактически примыкает к той исследовательской программе, которую сформулировал ранее П.Б. Струве. Это видно из следующих слов Л.Н. Юровского: «Лет двадцать с лишним назад П.Б. Струве жаловался в одном из своих историко-экономических очерков на то, что русской экономической истории XIX века не посчастливилось и что, в частности, очень мало внима-

ния историками уделено было организации крепостного хозяйства. С тех пор по истории крепостного хозяйства появилось несколько ценных исследований, но материалы, относящиеся к этой стороне нашего экономического прошлого, всё ещё довольно слабо разработаны. Это обстоятельство может служить достаточным оправданием для выхода в свет предлагаемых статистико-экономических очерков. Книга имеет целью представить некоторые новые данные для описания наших аграрных отношений в первой половине XIX и отчасти в конце XVIII столетия» (с. I).

Историко-экономический очерк, который имеет в виду Л.Н. Юровский, это переработанный доклад П.Б. Струве, читанный им декабре 1899 года в Московском Юридическом Обществе и напечатанный в 10, 11 и 12 номерах журнала «Мир Божий» за 1900 год. Очерк назывался «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России в XIX веке». Вот что писал П.Б. Струве в первых строках: «Русской экономической истории XIX века до сих пор не очень посчастливилось. Историки-специалисты как-то чуждались этой свежей, живой и, во всяком случае, полуживой истории. Экономисты, по-видимому, всецело ушли в созидание картины экономической современности, и притом рисовали её – что более чем понятно, в младенческий период экономической мысли с характеризующим его слиянием теоретических проблем и практических вопросов – в значительной мере руководимые определёнными идеалами экономической политики: изобразители экономической действительности всего чаще писали под диктовку экономической политики. Как бы то ни было, славный памятник русской мысли – земская статистика – истолкование этого памятника поглощали почти всё внимание экономистов, и история хозяйственного быта России в истекающем столетии оставалась в загоне». – Пётр Струве, Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв., издание М. и С. Сабашниковых. 1913, с. 1–2.

В этой книге П.Б. Струве собрал «работы по истории крепостного хозяйства, разбросанные в разных повременных изданиях и ставшие теперь уже малодоступными...» (там же, с. VII). Вот его исходный замысел: «...В конце 1890-х гг. я задался намерением написать цельную историю нашего крепостного хозяйства и занялся подбором материалов для этой работы...» (там же, с. VII). А вот почему замысел не был воплощён: «План большой и связной истории русского крепостного хозяйства в XVIII и XIX вв., план, над выполнением которого я начал работать в 1900–1901 гг., мне пришлось отложить, так как на целый ряд лет я отдался исключительно публицистически-политической деятельности...» (там же с. VIII). И, наконец, его современный (для 1913 года) подход: «...теперь задача истории русского крепостного хозяйства окончательно выдвигается для меня в рамки сравнительно-исторического изучения всей экономической эволюции России в XVIII и XIX вв.» (там же, с. IX).

Из других работ П.Б. Струве о крепостном хозяйстве, написанных «лет двадцать с лишним назад» и также вошедших в его сборник «Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.» отметим ещё две: «Попытки артельной организации крепостных крестьян» («Начало», 1899. № 1–2); Крепостная статистика. Из этюдов о крепостном хозяйстве, Санкт-Петербург, 1901. На экземпляре «Крепостной статистики», который хранится в ИНИОН РАН, красивым, чётким почерком на обложке в правом верхнем углу наискосок выведена дарственная надпись: «Многоуважаемому Николаю Алексеевичу Каблукову от автора».

Стр. 106. «Они не имеют никакого основания видеть в аннексированных помещичьих землях дар Троцкого и Ленина, а не «своего сельского министра.» – «Селянский министр» – распространённое прозвище социалиста-революционера Виктора Михайловича Чернова. В мае–августе 1917 года он был министром земледелия Временного Правительства, сторонник социализации земли, т.е. реформы земель-

ных отношений, предполагающей «организацию уравнительного крестьянского землепользования на основе увеличения общественной поземельной собственности.» – Виктор Чернов, Пролетариат, трудовое крестьянство и революция, Петроград, 1918, с. 38. Проекту социализации земли были посвящены публиковавшиеся в 1917–1918 годах в «Русских Ведомостях» статьи и заметки А.А. Мануилова и Л.Н. Литошенко. Позднее Л.Н. Литошенко объединил эти свои статьи в брошюре – Социализация земли, Москва, Народное право, 1918. Указанные статьи Л.Н. Литошенко в «Русских Ведомостях», насколько можно судить, никогда не выделялись в библиографиях его работ. Мы их установили и приводим здесь их названия вместе с другими неизвестными статьями, относящимися к тому же периоду: «Вопросы аграрной реформы. 1. Положения о ликвидации частного землевладения», «Русские Ведомости», 21 октября (3 ноября) 1917 года, № 241, с. 2 (без подписи, приписываем авторство Л. Литошенко, т.к. в статье «Вопросы аграрной реформы» в № 268 «Русских Ведомостей» за 1917 год, являющейся второй частью статьи и подписанной Л. Литошенко, стоит ссылка – «см. «Русск. Вед» № 241); «Вопросы аграрной реформы. 2. Крупные крестьянские хозяйства», «Русские Ведомости», 5 (18) декабря 1917 года, № 268, с. 2; «Вопросы аграрной реформы. 3. Контингент хозяйств и лиц, подлежащих наделению землёй. 4. Нормы земельного обеспечения», «Русские Ведомости», 8 (21) декабря 1917 года, № 271, с. 3; «Новые проекты социализации земли. I», «Русские Ведомости», 4 (17) января 1918 года, № 2, с. 1–2; «Социализация земли. I», «Русские Ведомости», 14 (27) января 1918 года, № 7, с. 2; «Социализация земли. II», «Русские Ведомости», 17 (30) января 1918 года, № 9, с. 2.

С 8 июня по 7 августа 1922 года в Москве большевики провели показательный процесс над партией социалистов-революционеров. К этому процессу был выпущен плакат «Селянская Богородица». В образе Казанской Божьей Матери был изображён В.М. Чернов. На

руках у него «младенец» – адмирал Колчак. В руках у младенца свиток, на котором написано: «Расстрелять каждого десятого рабочего и крестьянина.» – Изображение плаката см. Елена Дьякова, Гражданская война с гражданским обществом, «Новая Газета», 22 декабря 2005 года, № 96. Так большевики зримо превратили социалиста Чернова во врага крестьянства.

Вольные цены или свободная торговля

Стр. 109. «Система хлебной монополии осуждена.» – Ср. «...хлебная монополия вместо того, чтобы кормить народ, заставляет его голодать. ¼ фунта в день на душу населения в Москве, это – такое количество, которое не могло бы сохранить даже от голодной смерти, если бы только казённый паёк был единственным или даже главным предметом питания. Во всём промышленном районе и во многих местностях вне его дело обстоит не лучше и даже хуже, чем в Москве. Для населения казённый паёк потерял своё основное значение. Народ питается в городах контрабандным хлебом и доставляемой солдатами-спекулянтами мукой. Хлебная монополия существует теперь лишь на бумаге.» – «Отмена хлебной монополии», «Русские Ведомости», 30 декабря (12 января) 1917 года, № 278, с. 1.

Стр. 109. «...собрания хлебных бирж... заслушивают доклады об отмене хлебной монополии.» – В «Русских Ведомостях» (29 декабря (11 января) 1917 года, № 277, с. 5) опубликован отчёт о заседании Комитета московской хлебной биржи. Он обсуждал «угрожающее положение продовольственного дела в Московской и северной губерниях». Вот один из выводов Комитета: «В виду того, что хлебная монополия в действительности остаётся неосуществлённой, необходимо устранить требование о соблюдении таксированных цен в Москве и разрешить крестьянам доставку хлеба гужем на московский рынок для продажи потребителям; одновременно следует отменить реквизицию у крестьян привозимых продуктов как

в пути, так и по поступлении их на московский рынок». Комитет хлебной биржи имел в виду доставку хлеба из губерний средней полосы России, «откуда и ранее, в довоенный период, хлеб в значительных количествах поступал на московский рынок и где, по сведениям комитета бирж, имеются у крестьян неиспользованные запасы хлеба...».

Стр. 110. «Русские Ведомости» в конце декабря также вполне определённо высказались за скорейшую ликвидацию продовольственной системы, от которой ничего хорошего ждать уже не приходится.» – Имеется в виду редакционная статья «Отмена хлебной монополии», «Русские Ведомости», 30 декабря (12 января) 1917 года, № 278, с. 1. Материал опубликован на той же полосе, что и статья Л.Н. Юровского «Перед священной войной».

Стр. 110. «...но покончить с твёрдыми ценами.» – В одной из экономических рукописей 30-х годов Л.Н. Юровский так определял это понятие: «Твёрдая цена (мы будем теперь иметь в виду лишь ту твёрдую цену, которая регулирует ценообразование в сфере товарооборота, бывшего стихийным до момента государственного вмешательства и происшедшего притом в условиях свободной конкуренции) устанавливается очевидно затем, чтобы внести изменения в стихийно складывающуюся систему вольных цен. Твёрдая цена является по общему правилу предельной и фиксирует тот высший уровень, превышение которого воспрещается постановлением государственной власти» (РГАЭ, ф. 256, оп. 1, д. 14, лл. 288–289). В.Е. Юровским и одной из его помощниц была проделана титаническая работа по расшифровке рукописей Леонида Наумовича, написанных на пожелтевших листках бумаги разного размера выцветшими чернилами характерным для Л.Н. Юровского аккуратным мелким почерком. Цитата дана по расшифрованным листам архивного дела.

Стр. 110. «...насколько я могу уловить в своей саратовской глуши...» – В конце 80-х годов на мой вопрос о причинах отъезда Л.Н. Юровского из Москвы в Саратов племянник Леонида Наумовича, В.Е. Юровский сообщил, что главной причиной было тяжёлое положение с продовольственным снабжением Москвы. Вот, что говорит об этом очевидец: «После окончания боев и прихода к власти большевиков жизнь в Москве совсем расстроилась. Водопровод и электричество не действовали, все продукты исчезли и купить что-либо можно было лишь на «черной бирже». Достать чего-нибудь съедобного стало задачей, павшую от истощения и непосильной работы лошадь, брошенную на Страстной площади, разделявали по частям и уносили домой. Настроение у всех было отчаянное». – А.Г. Невзоров, 4-я московская школа прапорщиков, «Военная быль», Париж, 1968, май, № 91, с. 18. Автор этих воспоминаний Андрей Геннадьевич Невзоров (1889–1978), кадровый офицер, участник Великой войны (награждён Георгиевским оружием), преподаватель и командир роты 4-й московской школы прапорщиков. В Добровольческой Армии. Первопоходник. В составе Вооружённых Сил Юга России (ВСЮР) и Русской Армии. В эмиграции в Югославии. В годы второй Великой войны в Русском Корпусе. После войны в эмиграции в Австралии. Представитель Союза Чинов Русского Корпуса – см. биографический справочник С.В. Волков, П.Н. Стрелянов (Калабухов), Чины Русского Корпуса, Москва, 2009, с. 304.

Стр. 110. «Одни полагают, что следует сохранить государственную монополию, но покончить с твёрдыми ценами, разрешив продовольственным комитетам закупать по вольной цене.» – Ср. заключительную часть статьи сотрудника «Русских Ведомостей» Белоруссова «О борьбе с голодом». Она была опубликована газетой 22 февраля (9 февраля) 1918 года, № 28, с. 3: «...не пора ли нам, русским «свободным» гражданам, предоставить и свободу торговли, и свободу заботы о себе. Если правительство хочет нам действительно

помочь, – пусть само вступит в ряды торговцев; пусть закупает на казённые средства хлеб по вольным ценам, чтобы обуздывать спекулятивные аппетиты розничных продавцов».

Стр. 110. «Другие думают, что следует сохранить лишь существующий уравнительный порядок распределения хлеба при помощи хлебных карточек, а все остальные ограничения уничтожить.» – Ср. замечание в неподписанной статье «Свобода торговли и диктатура», опубликованной «Русскими Ведомостями» 20 февраля (7 февраля) 1918 года, № 26, с. 3. – «Пусть будет сохранена та часть регулирующей стремы, которая касается распределения продуктов. При ограниченности запасов и поступлении их карточная система необходима и неизбежна. Но должна быть объявлена свобода заготовки продовольственных продуктов и снято табу твёрдых цен. Сочетать эти два принципа – свободу заготовки и нормировку потребления – задача вполне выполнимая».

Стр. 110. «Русские Ведомости» стали в своей редакционной статье на среднюю из вышеизложенных точек зрения.» – «Хлебная монополия не существует, но не даёт существовать и свободной торговле. Свободная скупка и продажа зерна и муки запрещены, железные дороги не принимают частных хлебных грузов, большие пекарни не имеют права выпекать хлеб из частной муки. Нет хлебной монополии, нет и свободной частной торговли; все дело народного продовольствия отдано в руки проходимцев, заполняющих поезда, разрушающих подвижной состав железных дорог и получающих такие большевистские барыши, перед которыми буржуазные прибыли прежних хлеботорговцев кажутся совершенно ничтожными. При таких условиях продовольственное законодательство свелось к абсурду, к искусственному усилению голода, к покровительству контрабандной торговле, к взвинчиванию цены на главную часть приобретаемого населением зерна. Ибо контрабандный товар, который

покупается с риском, под страхом реквизиции, который доставляется в небольшом количестве и с трудом, – всегда дороже и значительно дороже того товара, который торговля доставляет на свободном рынке. Монопольный хлеб, закупленный по твёрдым ценам, правда, дешевле того, который будут продавать хлеботорговцы по вольной цене. Но этот хлеб свободного рынка в свою очередь будет дешевле нынешнего контрабандного. Что пользы, если твёрдая цена муки установлена в 8 р. пуд. По этой цене можно получить в месяц около 7-ми фунтов, а недостающие 15–20 ф., без которых прожить нельзя, приходится оплачивать по цене в 70–80 р. за пуд. Казённый монопольный хлеб относительно дешёв; но этого хлеба нет, и дешевизна его для населения совершенно бесполезна в значительной части городской и нечерноземной России. Хлеб покупается теперь по цене до 2 руб. за фунт, причём наблюдается определённая тенденция к сокращению казённого пайка и параллельному росту спекулятивных цен. При такой небывалой цене уничтожение хлебной монополии с отменой твёрдых цен и восстановление свободной торговли не только увеличит снабжение городов, но доставит муку дешевле, чем в настоящее время. Нельзя предугадать, какая это будет цена, но, судя по тому, что во многих губерниях имеются ещё большие запасы зерна, что местами мука даже в казённой продаже (в Екатеринославской губ., например) обходится в 10 руб. пуд., можно предположить, что она в конце концов установится в 3–4 раза ниже контрабандной.

Во всяком случае, в городах окажется больше хлеба, чем теперь, потому что энергичные мельники и хлеботорговцы сумеют извлечь из деревни хотя бы часть запасов. Можно и нужно было опасаться скачка в неизвестность до тех пор, пока приходилось отказываться от кое-как работавшей организации в пользу частного торгового аппарата, который весь был ликвидирован за время войны. Теперь, когда монополия и снабжения населения государством всё равно не существует, мы не меняем одной системы на другую, мы только

предлагаем применить единственную систему, которая ещё может существовать». – «Отмена хлебной монополии», «Русские Ведомости», 30 декабря (12 января) 1917 года, № 278, с. 1.

Стр. 110. Das Alte stürzt (нем.) – первая строка стиха (действие 4, сцена 2) из пьесы Фридриха Шиллера (Friedrich von Schiller) «Вильгельм Телль» (Wilhelm Tell) – 1804 год:

Das Alte stürzt, es ändert sich die Zeit,
Und neues Leben blüht aus den Ruinen.

Уходит старое – не то уж время,
Среди развалин снова жизнь цветет.

(перевод Н.А. Славятинского)

«Двадцать лет спустя» Л.Н. Юровский держал в руках книгу Шиллера: «В начале 1937 года он получил разрешение вернуться в Москву, но здесь никто не решался взять «вредителя» на работу. Ему пришлось искать другой способ заработка: его друзья Н.В. Якушкин и Т.И. Сахаров брали на своё имя заказы на литературную работу и передавали их Юровскому, так он отредактировал перевод с немецкого – переписку Гёте и Шиллера...» – В.Е. Юровский, Архитектор денежной реформы 1922–1924 годов, «Вопросы истории», 1995, № 2, с. 143.

Стр. 112. raison d'être (фр.) – разумное основание для существования.

Стр. 112. «У знаменитого когда-то англо-норманского публициста Принса Смита...» – Джон Принс Смит (John Prince Smith) (1809–1874) – немецкий экономический публицист английского происхождения, основатель движения за свободу торговли в Герма-

нии и его лидер на протяжении 30 лет. Современную Л.Н. Юровскому оценку Джона Принса Смита см. у Михаила Николаевича Соболева. Последний говорит о нём, как о «наиболее популярном представителе» фритредерской школы в Германии. Спустя четверть века после его смерти М.Н. Соболев пишет, что «в своё время статьи и практическая деятельность Принса Смита оказали влияние на общественное мнение Германии, создав движение в пользу неограниченной экономической свободы; но сами по себе работы Принса Смита не отличаются ни оригинальностью, ни глубиной мысли». – «Энциклопедический словарь», издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (Санкт-Петербург), том XXV, Санкт-Петербург, 1898 год, с. 232. Другая современная Л.Н. Юровскому (1909) оценка Принса Смита содержится у Шарля Жида и Шарля Риста в *Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours*, в которой в связи с ним отмечается, что «в Германии либеральная школа имела ещё нескольких представителей до того, как была окончательно сметена исторической школой». – Ш. Жид, Ш. Рист, *История экономических учений*, Москва, «Экономика», 1995, с. 294. Это несколько прямолинейное суждение, не учитывающее поздних представителей германского экономического либерализма. – Ralph Raico, Eugen Richter and late German Manchester liberalism: A reevaluation. *The Review of Austrian Economics*, 1990, 4 (1), pp. 3–25. Современная оценка Джона Принса Смита с либеральной стороны, от ученика Людвиг фон Мизеса – Ralph Raico, *John Prince Smith and the German Free-Trade Movement* в книге: *Man, Economy, and Liberty: Essays in Honor of Murray N. Rothbard*. Edited by Walter Block and Llewellyn H. Rockwell, Jr., 1988. Auburn, Ala. pp. 341–51. См. также W.O. Henderson, *Prince Smith and Free Trade in Germany* в *The Economic History Review, New Series*, Vol. 2, № 3 (1950), pp. 295–302.

Отметим, что свою докторскую диссертацию в Мюнхенском университете Л.Н. Юровский готовил под руководством Л. Брен-

тано, которого Александр Иванович Чупров отнёс к «позднейшим представителям исторической школы», к её «социально-этическому направлению». См. книгу А.И. Чупрова, *История политической экономии*, 8-е изд., Москва, 1918, с. 213. Упоминание о Принсе Смите содержится на с. 182 книги, в главе «Оппозиция школе Смита. Фритредерство и протекционизм».

Вероятно, с работами Джона Принса Смита Л.Н. Юровский познакомился в Германии. А.И. Чупров скоропостижно скончался от остановки сердца в доме другого руководителя Л.Н. Юровского в Мюнхене, профессора Лотца. Это трагическое событие, эхом отозвавшееся на страницах нескольких номеров газеты «Русские Ведомости», произошло 24 февраля (8 марта) 1908 года, как раз тогда, когда Л.Н. Юровский находился в Мюнхене. Добавим, что Александр Александрович Чупров, сын А.И., был одним из учителей Л.Н. Юровского в Санкт-Петербургском Политехническом институте и одним из издателей газеты «Русские Ведомости». Другим учителем Л.Н. Юровского в Политехническом институте был Александр Сергеевич Посников, теснейшим образом связанный с миром «Русских Ведомостей». Ему Леонид Наумович посвятил проникновенную статью «В аудитории Политехнического института» («Русские Ведомости», 13 декабря 1915 года, № 286, с. 4), публикуемую в приложении 1 к настоящему изданию. Интересные страницы об А.И. Чупрове и А.С. Посникове см. в книге редактора «Русских Ведомостей» В.А. Розенберга *Журналисты безвременья*, Москва, «Задруга», 1917. Рассказ об А.И. Чупрове содержит, между прочим, повествование о последних месяцах его жизни, основанное на переписке с «Русскими Ведомостями».

Возрождением интереса к яркой личности и трудам А.И. Чупрова в освободившейся от власти коммунизма России можно считать выход сборника работ А.И. Чупрова *Россия вчера и завтра: статьи, речи, воспоминания*, Москва, «Русский путь», 2009. Сам А.И. был человеком, органически связанным с Москвой.

Вот как позднее представлял тип московского учёного-экономиста Н.Д. Кондратьев в письме к А.С. Лаппо-Данилевскому от 19 ноября 1918 года: «Тип Московского учёного иной, чем Петроградского. Я ближе понимаю последний. Московский учёный слишком близко стоит к практике и слишком практически мыслит. Но он, несомненно, самобытнее и лучше отражает русскую науку. В Петрограде сильно влияние не только Европы, но и немцев». – Н.Д. Кондратьев. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, Москва, «Наука», 1991, с. 476. Вероятно, во многом это определение справедливо, но его вряд ли можно распространить на молодых представителей московской экономической школы. Это хорошо показывает так и не увидевшая свет при жизни автора статья выпускника Московского университета Л.Н. Литошенко «Метод Маркса», подготовленная для публикации в 1922 году для шестой книжки «Экономиста». Она была напечатана В. Телициным в журнале «Вопросы экономики», 2008, № 9, стр. 98–122. Впрочем, и отдалённость московской школы от немецкой экономической науки сомнительна.

Социальное содержание социалистической революции

«Газета «Свобода России» – 22 марта 1918 года трибунал печати приговорил «Русские Ведомости» к закрытию. Вот что в этой связи в язвительной заметке «Свобода печати» писал выходящий в Москве еженедельник «Накануне»:

21 марта 1918 г. «Известия Московского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» писали:

«Всякую критику приемлем – дружескую, суровую, резко враждебную... Признаем, что только в атмосфере критики, в условиях свободного обсуждения, может осуществлять свои замыслы диктатура пролетариата».

В тот же день «навсегда», без права выйти под другим названием, закрыто «Новое Слово», и закрыта до суда «Власть народа». А на

следующий день по приговору трибунала печати закрыты «навсегда» «Русские Ведомости», «Утро России» и газета «Мысль», причём выступивший в роли обвинителя бывший главковерх Н.В. Крыленко развил следующие соображения (по отчёту «Раннего Утра»):

«Здесь творятся новые формы революционного права и этических норм, так далёкие от форм буржуазного толка. И для революционных трибуналов не требуется разбираться, почему да как произошло это. Два момента важны для них: имеется ли враг советской власти и имеется ли причинённый им вред». – «Накануне. Еженедельник политики, литературы и общественной жизни», 14 (1) апреля 1918 года, № 2, с. 7.

Последний номер газеты «Русские Ведомости» вышел 27 марта (14 марта) 1918 года, № 46. Но газета продолжила выходить под другим названием – «Свобода России». Первый номер «Свободы России» вышел 11 апреля (29 марта) 1918 года. Если следовать подшивке газеты, хранящейся в ИНИОН РАН, то последний номер увидел свет 6 июля 1918 года, № 65. После этого газета, ведущая своё начало с 1863 года, была окончательно закрыта большевиками. Вот интересное описание мартовско-июльских 1918 года событий редактором «Русских Ведомостей» В.А. Розенбергом:

«После запрета «Русских Ведомостей» у товарищества, издававшего их, возникла мысль использовать оставшийся без дела редакционный и технический аппараты для какой-либо другой полезной работы. Между прочим, решили попытаться, нельзя ли издавать вечернюю газету. А надо сказать, что по сложившимся издавна в Москве и Петербурге порядкам государственной и общественной жизни (кажется, мало поколебавшимся и в настоящее время) вечерние газеты у нас плохо прививались. Они все оказывались малосодержательными даже в информационном отношении. Рассчитывали они только на городского читателя, не помышляя об иногородних, и за неимением других ресурсов били на сенсацию или даже превращались в своего рода расширенные театральные афиши. Создать

серьёзную вечернюю газету, особенно в условиях того времени, было очень трудно. Но в крайности – отчего не попробовать.

К удивлению, однако, рекогносцировка в советских кругах дала совершенно неожиданные результаты. «Почему они хотят издавать вечернюю газету?» – спрашивали там. – «Но, ведь, «Русские Ведомости» запрещены навсегда». – «Так что же? Другие издают после запрещения новые газеты. Ничего не мешает и им сделать то же».

Тогда решено было начать издание новой газеты – «Ведомостей». «Нет, – сказали власти, – это название неудобно. Надо уважать судебный приговор». «Ведомости» были переименованы редакцией в «Свободу России», и В.Я. Брюсову, бывшему в то время главой управления печати, был отдан приказ выдать надлежащее свидетельство.

Газета появилась. Издателем-редактором числилось, правда, постороннее редакции лицо, но весь внешний облик газеты, кроме заголовка, и, главное, всё её содержание не оставляли никакого сомнения, что это те же «Русские Ведомости», отпечатанные теми же хорошо известными каждому москвичу шрифтами в той же типографии издательства «Русские Ведомости» (Б. Чернышевский, 7). Мальчишки-разносчики, заручившись кипами свежих экземпляров первого номера «новой» газеты, кричали на всех перекрёстках московских улиц: «Русские Ведомости!», «Русские Ведомости!»... И редакция газеты не имела ни охоты, ни – быть может – даже способности вводить кого-либо в обман маскарадом. Кто приходил в редакцию, встречал на том же месте тех же людей, делающих то же дело. Ни от кого ни на одну минуту не было тайной, что возобновились именно «Русские Ведомости». И даже лейб-орган советской власти, московские «Известия», на другой же день по выходу первого номера «Свободы России», в ближайшем своём номере, возобновил полемику с... «Русскими Ведомостями». Заметка «Известий» так и начиналась: «Русские Ведомости» («Свобода России») пишут и т.д.

О это была только отсрочка. Прошло два-три месяца, и 6-го июля н.с. в день убийства германского посла гр. Мирбаха, в позд-

ний час пришло извещение, что газета приостановлена впредь до нового распоряжения. Одновременно были остановлены все московские газеты, кроме коммунистических и социал-демократических. Редакциям было объявлено, что право на дальнейший выход получают только те издания, которым будет дано, так сказать, вторичное разрешение (особая нелегальная отметка на типографском свидетельстве, установленная для газет и журналов по апрельскому закону). «Русским Ведомостям», как и большинству московских газет, разрешили возобновить выпуск номеров. Но это разрешение действовало всего несколько часов. В ночь на 15–28 июля, когда должен был выйти первый по возобновлению номер газеты, в редакцию явился советский военный чин в сопровождении отряда красногвардейцев и объявил новый приказ о приостановке. На утро в «Известиях» появилось пространное сообщение о том, что все московские «буржуазные газеты», т.е. фактически опять-таки все московские газеты, кроме коммунистических и социал-демократических (час последних пробили позднее), приостанавливаются «впредь до полного утверждения советской власти в России». – Владимир Розенберг, Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские Ведомости» (1863–1918 гг.), Прага, 1924, с. 167–170.

В первый раз выпуск газеты был приостановлен ими на две недели сразу после октябрьского переворота, с 26 октября по 7 ноября 1917 года «Русские Ведомости» не выходили. Вот как описывались в газете остановка и возобновление выхода: «Мы возобновляем свою публицистическую деятельность после двухнедельного насильственного перерыва... Две недели – две недели кровавого большевистского террора – «Русские Ведомости» должны были молчать: в помещении редакции и типографии газеты вторглись солдаты, прервали ночную работу над очередным номером, разбросали рукописи и корректуры, выгнали сотрудников газеты и тружеников типо-

рафии, окружили дом и двор штыками и расположились военным лагерем там, где в течение десятков лет помощью пера и печатного станка велась неустанная борьба за свободу с её угнетателями. И всё это во имя свободы и блага народного!.. А когда миновали эти две недели, когда даже пославшими этих солдат решено было, что «Русские Ведомости» могут возобновить свою полувековую работу, тогда... через два-три часа после ухода одного отряда солдат явился в редакцию новый вооружённый отряд, чтобы произвести обыск во всех её шкафах и столах и выяснить, не скрывается ли оружие под жилетами и в карманах редакторов и сотрудников газеты!..» – Да здравствует свобода печати! – «Русские Ведомости», 8 ноября (21 ноября) 1917 года, № 245, с. 1.

Интересно, что министр внутренних дел Н.А. Маклаков хотел закрыть «Русские Ведомости» ещё в 1915 году, совсем по другой причине. Спасло газету то, что Н.А. Маклаков был отправлен в отставку. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях московский цензор А.А. Сидоров:

«В марте 1915 г. умер Татищев от заражения крови вследствие пореза бритвой, а в апреле приехал в Москву Н.А. Маклаков и вызвал меня к себе.

– Я должен сказать вашему превосходительству, – начал он, когда я явился к нему, а я подумал: «значит, дело плохо, если министр титулет подчинённого вашим превосходительством», – что московская печать крайне распушена, что может повлечь для вас серьёзные последствия. Теперь во время войны особенно необходимо патриотическое настроение общества, а между тем московская печать производит «распыл» этого настроения.

Он распространился на эту тему, упомянул о том, что германские войска зашли далеко вглубь (Гродно) в таком тоне, точно в этом была повинна московская печать, а не Сухомлинов и Мясоедов. – Вот, например, это «Утро» («Утро России»), «Утро», – кончил он своё словоизлияние, – а эта профессорская газета («Русск. Ведомости»).

Слова «профессорская газета» он не произнёс, а прошипел. Я ответил ему, что во всех тех случаях, когда нарушается действующий закон, применяются меры воздействия, что «Русские Ведомости» – орган кадетского направления, но в общем сдержанный, и к этой газете... Но он резко перебил меня: «Вот и вы о законе. Покойный граф Татищев тоже всё ссылался на статьи закона, а я говорил ему, что теперь все статьи закона бездействуют за исключением единственной, которая называется «голова со здравым смыслом на плечах»... В Петрограде мне было объявлено, что Маклаков решил «Русск. Вед.» закрыть, а меня уволить. – А.А. Сидоров, Из записок московского цензора (1909–1917 г.), «Голос Минувшего. Журнал истории и истории литературы», № 1–3, январь–март 1918, с. 93–114.

Стр. 116. «...огромные государственные расходы...» – Ср. со следующей язвительной оценкой, сделанной примерно в то же время: «И в самом деле, на что может надеяться страна, с расходом в 80–100 миллиардов в полгода и с некоторой перспективой получить за тот же срок 3 миллиарда рублей прихода. Ведь это даже не дефицит, это просто бюджетный нонсенс». – Л. Литошенко, Экономическое возрождение России, «Накануне. Еженедельник политики, литературы и общественной жизни», май 1918 года, № 5, с. 3. Более точная оценка состояния государственного бюджета на 1918 год дана в вышедшей спустя 7 лет под редакцией Л.Н. Юровского работе. В ней говорится, что бюджетные предположения на 1918 год составляли по доходам 15580 милл. рублей, по расходам 46706 милл. рублей. – см. написанную Т.К. Энгеевым главу «Денежное обращение вслед за Октябрьской революцией и в период военного коммунизма» в книге «Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг.» под редакцией профессора Л.Н. Юровского, Финансовое издательство НКФ СССР, Москва, 1926, с. 15.

Стр. 116. «...тем успешнее развивается эта новая, мелкая, но преимущественно деревенская буржуазия... может быть, со временем она явится в деревне носителем технического прогресса и культуры.» – Интересно сравнить эти соображения о событиях в деревне с мыслями коллеги Л.Н. Юровского по «Русским Ведомостям» экономиста Льва Николаевича Литошенко (много писавшего и в «Свободе России»). Незадолго до закрытия «Русских Ведомостей» Л.Н. Литошенко опубликовал неизвестную современным исследователям рецензию на книжку И.И. Бунакова «Судьба земельного строя в России», Птг., 1918, где в полемической форме, которой он владел прекрасно, высказывается следующая мысль: «Мелкий буржуа-собственник, крестьянин-единоличник будет tertius gaudens происходящей земельной склоки. Его «историческое лицо» уже явно проглядывает во внешних формах нынешнего деревенского «эгалитаризма и коллективизма», он уже торжествует победу над минутным успехом народнических фантазий». – «Русские Ведомости», 20 марта (7 марта) 1918 года, № 40, с. 4. Выражение tertius gaudens (лат.), переводимое как «третий радующийся» означает выигрывающий от столкновения двух сражающихся.

Если Л.Н. Юровский обращал внимание на накопление средств «более зажиточными крестьянами», то Л.Н. Литошенко в другой забытой сегодня статье, продолжая свою полемику с «народническими фантазиями», описывает в то же время и, отчасти, тот же процесс, обращая внимание на другую его сторону, но, сходясь, по существу, с выводом Л.Н. Юровского:

«Нет надобности доказывать, каким тормозом для нашего хозяйственного развития служила рутинная, патриархальная психология крестьянства, насквозь проникнутая каким-то тёмным аграрным деизмом. Все идеи потребительных, трудовых и всяких иных норм, рассуждения о божьей и ничьей земле и другие аксессуары социалистических земельных программ заимствованы из этой натуралистически-архаической мужицкой психологии...»

Теперь этому пришёл конец. Война и революция разбили традиционные воззрения деревни. Даже бессмысленные бесплатные катания по железным дорогам не прошли даром. Можно быть уверенным, что после всего пережитого и перевиденного хозяйственная психология хлебороба сильно рационализируется. Он научится рассчитывать и сравнивать доходность своего дела и других занятий. Кроме того, временное богатство и расширение кругозора привьют ему иные привычки и дадут толчок беспримерному росту потребностей». – Л. Литошенко, Экономическое возрождение России, «Накануне. Еженедельник политики, литературы и общественной жизни», май 1918 года, № 5, с. 5.

Любопытно сравнить это место с тем, что писал в экономических рукописях 30-х годов Л.Н. Юровский о капитализме: «Одной из характерных черт исторической роли капитализма явилось усиление в деятельности отдельных предприятий рациональных начал. Традиция – начало преимущественно стихийное – стала всё более уступать место хозяйственному расчёту, стремлению точно взвесить и сопоставить доходные и расходные статьи, избежать всяких лишних трат, извлечь из каждого метра площади, каждого килограмма топлива и сырья максимум пользы и, конечно, получить от рабочего всё то, что с него в данных условиях возможно взять. В этом заключается, правда, лишь общее устремление и далеко не всем предприятиям удаётся реализовать его...» – РГАЭ, ф. 256, оп. 1, д. 14, лл. 262–263.

Интересно посмотреть, как изменилась оценка Л.Н. Литошенко произошедшего в деревне переворота под влиянием событий 1918–1921 годов:

«Все три описанные выше черты – нивелировка крестьянского хозяйства, его натурализация и понижение жизненного уровня – вместе взятые – дают картину ярко выраженной натурально-хозяйственной реакции.

Крестьянское хозяйство утратило приобретённые долгой эволюцией свойства сложного, дифференцированного целого и вернулось

к состоянию аморфной, механической совокупности однообразных простейших организмов.

Вместо полной гаммы хозяйств разной величины и мощности, выполняющих разнообразные функции в общей экономике страны, получилось массовое сползание вниз, равнение на нищету.

Вместо сложного, трудораздельного строения сельскохозяйственного производства с резко очерченными экономическими районами и богато развитой сетью внутренних и внешних сношений, создался тип замкнутого натурального хозяйства, хозяйства, собственными силами удовлетворяющего почти все свои потребности и стремящегося к полной эмансипации от окружающей его среды.

Вместо растущего разнообразия потребностей и культурных запросов обнаружился поворот в сторону всеобщего оскудения, падения импульсов к труду, довольства малым или даже прямого голода.

В короткий срок крестьянское хозяйство утратило значительную долю своих качеств прогрессирующего хозяйственного организма, нормальной клетки индивидуалистического народного хозяйства. На смену ему вырос давно изжитый тип натурально-потребительского хозяйства, вернувшегося к забытым настроениям подневольного труда, ленивого, инертного и застывшего на своём ничтожном трудово-потребительском балансе». – Л.Н. Литошенко, *Сельскохозяйственный кризис, «Сельское и лесное хозяйство»*, № 9–10, сентябрь–октябрь 1922, с. 18.

Неудивительно, между прочим, что при таких открыто высказываемых Л.Н. Литошенко взглядах, он считался в большевистских кругах человеком антисоветским. В.В. Оболенский (Н. Осинский) писал 23 августа 1922 года И.В. Джугашвили (Сталину) насчёт списка высылаемых из России интеллигентов: «...насколько список высылаемых составлен нерационально, видно из того, что, насколько мне известно, в него... не включён, напр., проф. Л.Н. Литошенко, с физиономией коего я знаком и который действительно является че-

ловеком антисоветским, типично кадетских убеждений, постоянно им высказываемых по мере возможности в печати (см. «Экономист», попавшая мне в руки корректура его статьи о натур. налоге и т.п.), а также в докладах». – Документ опубликован в книге – Н.Д. Кондратьев, «Суздальские письма», «Экономика», 2004, с. 674.

Сотрудничество Л.Н. Литошенко с «Русскими Ведомостями», по его словам, началось примерно в то же время, что и у Л.Н. Юровского: «Помещал в «Русских Ведомостях» изредка статьи по экономическим вопросам с 1910 г., постоянным сотрудником состоит с 1912 года. Пишет по экономическим вопросам и в отделе «Изо дня в день». – Автобиография, в книге «Русские Ведомости. 1863–1913. Сборник статей», Москва, 1913, с. 105.

Комментарии подготовлены А.Ю. Мельниковым

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН К СТАТЬЯМ Л.Н. ЮРОВСКОГО

Авксентьев Н.Д. 57, 152
 Александр Македонский 86, 128, 168
 Арсеньев (имя и отчество неизвестны) 8, 28
 Бронштейн (Троцкий) Л.Д. 91, 106, 173
 Брусилов А.А. 24, 179, 181
 Васильев М.И. 84
 Верховский А.И. 86, 169, 170
 Гвоздев К.А. 84
 Гинденбург (Hindenburg) Пауль 98
 Громан В.Г. 66, 67, 124, 158–160
 Диоген Синопский 8, 18, 128, 129
 Духонин Н.Н. 94, 173–175, 178–180
 Каменев Л.Б. 79
 Карл V 103
 Касперик (имя и отчество неизвестны) 24, 25
 Керенский А.Ф. 57, 58, 60, 73, 152, 153, 157, 158, 164, 165, 178
 Ковалёв В.В. 26, 28, 29, 34, 137
 Корнилов Л.Г. 56, 150, 151, 153, 158, 170, 173, 175, 176, 178
 Кропоткин П.А. 72, 165–167
 Крыленко Н.В. 92–95, 97, 98, 106, 153, 172–174, 176, 178–181, 199
 Ленин В.И. 42, 75, 90, 91, 103, 106, 154, 165, 188
 Ливеровский А.В. 84
 Липпс (Lipps) Теодор 34
 Михайлов И.Д. 69, 70, 162
 Налёт, конь Л.Н. Юровского на фронте в 1916–17 годах 19, 25, 37

Некрасов Н.В. 57, 58, 152, 164
 Питт Уильям, младший (William Pitt the Younger) 86, 87
 По Эдгар Алан (Edgar Allan Poe) 99, 182
 Потресов А.Н. 74
 Принс Смит (John Prince Smith) 112, 113, 195–197
 Прокопович С.Н. 57, 100, 153
 Пугачёв Е.И. 90
 Разин С.Г. 90
 Степанчук Мария (отчество неизвестно) 38, 39
 Степанчук Михаил (отчество неизвестно) 38
 Степанчук Василий (отчество неизвестно) 38
 Тахтамышев Г.С. 83, 84
 Фёдоров (имя и отчество неизвестны) 26
 Фон Ботмер (von Bothmer) Феликс 23
 Фон Кюльман (von Kuhlmann) Рихард 106, 172
 Фон Пёльман (von Pöhlmann) Роберт 34
 Фон Шамиссо (von Chamisso, de Chamisso) Адельберт 18, 128
 Фурман (имя и отчество неизвестны) 35, 38, 142
 Цертели И.Г. 54, 147, 168
 Чернов В.М. 55, 75, 79, 149, 154, 188–190
 Щербачёв Д.Г. 95

СТАТЬИ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ, ПИСЬМА, ИЗЛОЖЕНИЯ ДОКЛАДОВ Л.Н. ЮРОВСКОГО В ГАЗЕТЕ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1910–1918 гг.)

В небольшой автобиографии, опубликованной в книге «Русские Ведомости» 1863–1913. Сборник статей, Москва, 1913 год, с. 212, Л.Н. Юровский пишет: «Юровский Леонид Наумович (Автобиография). Родился в 1884 году в г. Одессе, обучался в одесской второй гимназии, в 1902 году поступил на экономическое отделение петербургского политехнического института, по окончании которого командирован был за границу. В 1910 году получил степень доктора мюнхенского университета и возвратился в Россию. В «Русских Ведомостях» сотрудничает с 1907 года главным образом по вопросам хозяйственной жизни и финансов». Редактор «Русских Ведомостей» Владимир Александрович Розенберг также указывает, что Л.Н. Юровский сотрудничал с газетой, начиная с 1907 года – В. Розенберг, Из истории русской печати. Организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские Ведомости» (1863–1918 гг.), Прага, 1924, с. 248, прим. 61.

Между тем, статей, подписанных фамилией Леонида Наумовича, его инициалом, инициалами, псевдонимом в «Русских Ведомостях» за 1907–1909 год при просмотре подшивки газеты, хранящейся в ИНИОН РАН, найти не удалось. Первая обнаруженная статья, подписанная инициалом Ю. появляется в «Русских Ведомостях» 22 сентября 1910 года. Это соответствует сохранившемуся семейному преданию (рассказанному автору племянником Л.Н. Юров-

ского – В.Е. Юровским в конце 80-х годов), что публиковаться в «Русских Ведомостях» Л.Н. Юровский начал в 1910 году. Хотя позднее В.Е. Юровский и писал, что Л.Н. «...в 1907 году... стал корреспондентом «Русских Ведомостей» (В.Е. Юровский, Архитектор денежной реформы 1922–1924 годов, «Вопросы истории», 1995, № 2, с. 139). Возможно, что В.Е. Юровский, обратившись к автобиографии Л.Н. Юровского в книге «Русские Ведомости» 1863–1913. Сборник статей, Москва, 1913 год (книга есть в списке литературы к цитированной статье), скорректировал свои воспоминания по этому письменному источнику.

В согласии с семейным преданием Ю.М. Голанд пишет: «Вернувшись из Германии в Москву в 1910 г., Юровский решил попробовать свои силы в другой области – журналистике». (см. «Портрет на фоне эпохи» в книге Л.Н. Юровский, Денежная политика Советской власти (1917–1927). Избранные статьи, Москва, «Экономика», 2008, с. 6).

Однако ещё одна мысль Ю.М. Голанда нуждается в уточнении. Он пишет о сотрудничестве Л.Н. Юровского с «Русскими Ведомостями», что тот «регулярно писал для нее статьи по экономическим проблемам» (там же). Это, конечно, верно. Но здесь нужно добавить в согласии с приведённой выше автобиографией Л.Н. Юровского словосочетание «главным образом». Составленная нами библиография подтверждает, что в «Русских Ведомостях» Л.Н. Юровским публиковались статьи и заметки не только, говоря его словами, «по вопросам хозяйственной жизни и финансов».

Вероятно, что подготовка не относящихся к экономике статей была вызвана не только желаниями автора, но и обязанностями сотрудника «Русских Ведомостей». Во всяком случае, именно об этом пишет применительно к своей работе сотрудник газеты Алексей Николаевич Максимов: «...вообще, как постоянный газетный работник, должен был затрагивать довольно разнообразные темы». («Русские Ведомости» 1863–1913. Сборник статей, Моск-

ва, 1913 год, с. 110). Но в ряде случаев мы можем, пожалуй, с большой уверенностью говорить, что о заданиях редакции речи нет; сам Л.Н. Юровский испытывал большой интерес к политическим вопросам, о которых писал, самостоятельно определяя выбор темы. Это чувствуется в статьях «Письма из Одессы (в гетто)» (11 апреля 1914 года), «В Одессе» (7 марта 1915 года), а также по публикациям 1917–1918 годов.

Л.Н. Юровский подписывал свои статьи по-разному. Иногда это «Л. Юровский» (в одном случае «Юровский Л.»). Встречаются также сокращение фамилии – «Юр-ий» или «Юр.».

Псевдонимом «Юр. Лигин» (в одном случае «Ю. Лигин») впервые были подписаны корреспонденции с Дальнего Востока (начиная с 7 июня 1911 года). Кроме того, в трёх случаях, до использования псевдонима «Юр. Лигин», под статьями зимы–весны 1911 года встречается псевдоним «Лигин». Все эти статьи не посвящены непосредственно экономическим темам. Точно также как и письма Л.Н. Юровского с Дальнего Востока лета–осени 1911 года. Сам Л.Н. Юровский назвал их «беглыми заметками по поводу виденного и слышанного» (в книге «На Дальнем Востоке», изданной издательством «Задруга» в 1913 году). Возможно, что псевдоним «Юр. Лигин» был придуман и использовался под статьями, не посвящёнными непосредственно «вопросам хозяйственной жизни и финансов»; использование псевдонима «Лигин» носило переходный характер. В целом можно говорить о том, что псевдоним «Юр. Лигин» использовался в указанном смысле все годы журналистской работы Л.Н. Юровского.

Встречаются также статьи, подписанные инициалами (Л.Ю., Ю.Л.) или инициалом (Ю.). Принадлежность этих статей перу Л.Н. Юровского определялась двумя способами.

Во-первых, просмотром списка всех сотрудников «Русских Ведомостей» по состоянию на 1913 год, содержащимся в книге «Русские Ведомости» 1863–1913. Сборник статей, Москва, 1913 год. Выяснилось, что среди сотрудников газеты не было лиц с подобными инициалами (инициалом). Методом исключения можно предположить, что так подписывал свои статьи Л.Н. Юровский.

Во-вторых, сопоставлением содержания статей, подписанных «Л. Юровский», со статьями, подписанными инициалом «Ю». Например, статья «Движение цен» (22 сентября 1910 года) имеет отчасти сходное содержание со статьёй «Мировой хлебный рынок» (20 октября 1910 года). Установив принадлежность инициала Ю., можно сделать вывод об авторстве Л.Н. Юровского для другой статьи – «Перспективы рабочего движения в Германии». Она также подписана инициалом Ю., но не касается круга вопросов, обсуждаемых в статьях 1910 года (однако, затронутые в ней темы прослеживаются в статьях Л.Н. Юровского в последующие годы).

Указанный метод несовершенен, и, возможно, сравнительный анализ текстов статей, проведённый по научной методике, позволит придти к другим выводам. Пока же я посчитал возможным, оставив подобное исследование на будущее, включить в библиографию статей Л.Н. Юровского в «Русских Ведомостях» все статьи, подписанные инициалами или инициалом.

Если мне не изменяет память, то в конце 80-х годов В.Е. Юровский показывал мне оттиск статьи Л.Н. Юровского из «Вестника Европы», посвящённый Августу Бебелю и подписанный инициалами «Л.Ю.». Вот полные данные этой статьи – Л.Ю., Август Бебель (некролог), «Вестник Европы», сентябрь 1913 года, кн. 9, с. 332–339. Этот некролог показывает, между прочим, насколько хорошо Л.Н. Юровский представлял себе обстановку в социал-демократической партии Германии. Некролог Евгению Бем-Баверку, написанный Л.Н. Юровским для «Русских Ведомостей» в августе 1914 года, менее чем год спустя, был также подписан инициалами «Л.Ю.».

Отмечу также, что и в последующие годы некоторые тексты подписывались Л.Н. Юровским инициалами «Л.Ю.». Именно так подписано предисловие к его книге «Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного

землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия», Саратов, Саратовский институт народного хозяйства, 1923.

Возможно также, что Л.Н. Юровским были написаны и другие статьи в газете «Русские Ведомости», но под ними не стоит его подписи. Определить, так ли это, является увлекательной задачей для будущих архивных и текстологических исследований. Кроме того, мы допускаем возможность того, что некоторые статьи Л.Н. Юровского остались незамеченными при просмотре газет.

В.Е. Юровский писал, что Л.Н. Юровским на страницах «Русских Ведомостей» «было опубликовано около полусотни... статей и корреспонденций». – В.Е. Юровский, Архитектор денежной реформы 1922–1924 годов, «Вопросы истории», 1995, № 2, с. 139. Просмотр газет позволил установить, что список работ Л.Н. Юровского в «Русских Ведомостях» включает 124 названия статей, библиографических заметок, писем, изложений докладов. Он составлялся путём сплошного просмотра номеров газеты «Русские Ведомости» за 1907–1918 годы, хранящихся в ИНИОН РАН. За некоторые годы использовались также указатели статей, публиковавшиеся «Русскими Ведомостями». Но содержащаяся в указателях информация проверялась по полосам газет.

1910 год

Движение цен, 22 сентября 1910 года, «Русские Ведомости», № 217, с. 4 (подписана Ю.).

Перспективы рабочего движения в Германии, «Русские Ведомости», 2 октября 1910 года, № 226, с. 1 (подписана Ю.).

Мировой хлебный рынок, «Русские Ведомости», 20 октября 1910 года, № 241, с. 4–5 (подписана Л. Юровский).

Об избытке экономического оптимизма, «Русские Ведомости», 28 октября 1910 года, № 248, с. 2 (подписана Юр-ий).

Элеваторы, «Русские Ведомости», 5 ноября 1910 года, № 255, с. 3 (подписана Л. Юровский).

Распределение русского богатства, «Русские Ведомости», 21 ноября 1910 года, № 269, с. 4 (подписана Юр-ий).

1911 год

О росте нашего богатства, «Русские Ведомости», 1 января 1911 года, № 1, с. 9 (подписана Л. Юровский).

Народные сбережения, «Русские Ведомости», 19 января 1911 года, № 14, с. 5–6 (подписана Ю.).

Из книги и жизни. Кандалынский перезвон («Русское Богатство», январь), «Русские Ведомости», 28 января 1911 года, № 22, с. 3 (подписана Лигин).

Государство и спекуляция, «Русские Ведомости», 16 февраля 1911 года, № 37, с. 4–5 (подписана Ю.).

Английские капиталы, «Русские Ведомости», 4 марта 1911 года, № 51, с. 4–5 (подписана Юр-ий).

Из книги и жизни. Помещики, «Русские Ведомости», 5 марта 1911 года, № 52, с. 5 (подписана Лигин).

Десятилетие нашей внешней торговли, «Русские Ведомости», 16 марта 1911 года, № 61, с. 6 (подписана Юр-ий).

Мнимая угроза и действительная опасность, «Русские Ведомости», 23 марта 1911 года, № 67, с. 6 (подписано Юр-ий).

К железнодорожному юбилею, «Русские Ведомости», 24 апреля 1911 года, № 93, с. 2–3 (подписана Юр-ий).

Ключевский-журналист, «Русские Ведомости», 14 мая 1911 года, № 110, с. 2 (подписана Лигин).

На Дальний Восток. Иркутск (От нашего корреспондента), «Русские Ведомости», 7 июня 1911 года, № 129, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

Сибирское железнодорожное горе (От нашего корреспондента), «Русские Ведомости», 9 июня 1911 года, № 131, с. 1–2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальний Восток. Байкал (От нашего корреспондента), «Русские Ведомости», 15 июня 1911 года, № 136, с. 1–2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальний Восток. В прибайкальской тайге (От нашего корреспондента), «Русские Ведомости», 21 июня 1911 года, № 141, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

С Дальнего Востока (От нашего корреспондента). Чита, «Русские Ведомости», 25 июня 1911 года, № 145, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Новосёлы Амурской дороги, «Русские Ведомости», 19 июля 1911 года, № 165, с. 1–2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Арестанты Амурской дороги, «Русские Ведомости», 21 июля 1911 года, № 167, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. (Амурская железная дорога), «Русские Ведомости», 26 июля 1911 года, № 171, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. (Амурская железная дорога). IV, «Русские Ведомости», 29 июля 1911 года, № 174, с. 1–2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Благовещенск, «Русские Ведомости», 31 июля 1911 года, № 176, с. 2–3 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Китайский берег, «Русские Ведомости», 3 августа 1911 года, № 178, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Около китайцев, «Русские Ведомости», 6 августа 1911 года, № 181, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. На Зее, «Русские Ведомости», 10 августа 1911 года, № 183, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Хабаровск, «Русские Ведомости», 12 августа 1911 года, № 185, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Амурская железная дорога. I, «Русские Ведомости», 18 августа 1911 года, № 189, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Амурская железная дорога. II, «Русские Ведомости», 20 августа 1911 года, № 191, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Из колониальных впечатлений, «Русские Ведомости», 24 августа 1911 года, № 194, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Волокита, «Русские Ведомости», 25 августа 1911 года, № 196, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. В Северной Маньчжурии. I, «Русские Ведомости», 27 августа 1911 года, № 197, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. В Северной Маньчжурии. II, «Русские Ведомости», 31 августа 1911 года, № 200, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. В Мукдене, «Русские Ведомости», 3 сентября 1911 года, № 203, с. 1–2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Из путевых заметок. II, «Русские Ведомости», 4 сентября 1911 года, № 204, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Японцы в южной Маньчжурии, «Русские Ведомости», 7 сентября 1911 года, № 206, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

На Дальнем Востоке. Порт-Артур, «Русские Ведомости», 8 сентября 1911 года, № 207, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

Война и наша торговля, «Русские Ведомости», 22 сентября 1911 года, № 217, с. 2 (за подписью Юр.).

Из китайских впечатлений, «Русские Ведомости», 26 октября 1911 года, № 246, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

Русский сахар и брюссельская конвенция, «Русские Ведомости», 3 ноября 1911 года, № 253, с. 5–6 (за подписью Юр.).

Многоголовая политика (из наблюдений на Дальнем Востоке), 15 декабря 1911 года, № 288, с. 2 (под псевдонимом Юр. Лигин).

1912 год

Дороговизна и социально-экономические перспективы, «Русские Ведомости», 1 января 1912 года, № 1, с. 13.

Бугульминские миллионы, «Русские Ведомости», 19 января 1912 года, № 15, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Кормчий без руля (А. Изгоев, П.А. Столыпин, очерк жизни и деятельности), «Русские Ведомости», 4 февраля 1912 года, № 28, с. 6 (под псевдонимом «Ю. Лигин»).

Искатели ленского золота, «Русские Ведомости», 28 марта 1912 года, № 72, с. 4 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

По поводу забастовки ленских рабочих. II, «Русские Ведомости», 1 апреля 1912 года, № 76, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Тени, «Русские Ведомости», 6 апреля 1912 года, № 80, с. 1–2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Не можем, «Русские Ведомости», 15 апреля 1912 года, № 88, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Из области накопления, «Русские Ведомости», 21 апреля 1912 года, № 93, с. 2.

Lacrimae industriae, «Русские Ведомости», 29 апреля 1912 года, № 99, с. 3.

В. Тотомианиц. Кооперация в русской деревне. М., 1912, «Русские Ведомости», 15 мая 1912 года, № 110, с. 4.

Невоенные силы балканских государств, «Русские Ведомости», 20 сентября 1912 года, № 216, с. 2.

Цусима, «Русские Ведомости», 28 октября 1912 года, № 249, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Некоторые итоги и некоторые перспективы, «Русские Ведомости», 31 октября 1912 года, № 251, с. 4.

М.И. Туган-Барановский. К лучшему будущему. СПб., Кн-во «Энергия», «Русские Ведомости», 5 декабря 1912 года, № 280, с. 6.

Старые жалобы, «Русские Ведомости», 12 декабря 1912 года, № 286, с. 3.

1913 год

Где урожай?, «Русские Ведомости», 31 января 1913 года, № 26, с. 2 (подписана Юровский Л.).

Губернаторское терпение, «Русские Ведомости», 22 июня 1913 года, № 143, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Ослепление, «Русские Ведомости», 28 июня 1913 года, № 148, с. 1–2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

К. Конрад. Посредничество в приискании работы в Германии. СПб., 1913, «Русские Ведомости», 11 сентября 1913 года, № 210, с. 5.

Судьба рабочей печати, «Русские Ведомости», 14 сентября 1913 года, № 213, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Германские университеты и русское студенчество, «Русские Ведомости», 19 сентября 1913 года, № 216, с. 6 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Неуместная сенсация, «Русские Ведомости», 22 октября 1913 года, № 243, с. 2.

К.Т. ф.-Эберг. Курс финансовой науки. СПб., 1913, «Русские Ведомости», 23 октября 1913 года, № 244, с. 6–7.

Социал-демократические разногласия, «Русские Ведомости», 3 ноября 1913 года, № 254, с. 2–3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Оскудевающее дворянство, «Русские Ведомости», 7 декабря 1913 года, № 282, с. 2.

Амурский путь, «Русские Ведомости», 14 декабря 1913 года, № 288, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

В заботах о железнодорожных слушаниях, «Русские Ведомости», 17 декабря 1913 года, № 290, с. 6 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

1914 год

Иностранцы и иностранцы, «Русские Ведомости», 1 февраля 1914 года, № 26, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Граф Кокцов (министр финансов), «Русские Ведомости», 2 февраля 1914 года, № 27, с. 2–3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Катастрофы и пьянство, «Русские Ведомости», 14 февраля 1914 года, № 37, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Маньчжурская смута, «Русские Ведомости», 9 марта 1914 года, № 57, с. 4 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

К подбёму или кризису, «Русские Ведомости», 12 марта 1914 года, № 59, с. 2 (подписана инициалами Ю.Л.).

Государственный банк, «Русские Ведомости», 13 марта 1914 года, № 60, с. 2.

Письма из Одессы (в гетто), 11 апреля 1914 года, «Русские Ведомости», № 83, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

В Московском народном банке, «Русские Ведомости», 12 апреля 1914 года, № 84, с. 2 (подписана инициалами Ю.Л.).

Судьба Московского народного банка, «Русские Ведомости», 16 апреля 1914 года, № 87, с. 2 (подписана инициалами Ю.Л.).

Новые явления концентрации, «Русские Ведомости», 30 мая 1914 года, № 123, с. 5 (подписана Л. Юровский).

И. Витгерс, Денежный рынок. Пер. с англ. А.Р. Орбинского. Одесса. 1914, «Русские Ведомости», 4 июня 1914 года, № 127, с. 5.

Н. Макаров, Очерк кооперативного сбыта зерна. Изд. В. Крестовникова. Москва, 1914, «Русские Ведомости», 18 июня 1914 года, № 139, с. 5.

Всероссийская выставка, «Русские Ведомости», 26 июня 1914 года, № 146, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

С точки зрения благонамеренного патриотизма, «Русские Ведомости», 13 июля 1914 года, № 160, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Население воюющих держав, «Русские Ведомости», 18 июля 1914 года, № 164, с. 2 (подписана инициалами Ю.Л.).

Отсрочка протеста векселей, «Русские Ведомости», 22 июля 1914 года, № 167, с. 2 (под инициалами Л.Ю.).

Последние впечатления, «Русские Ведомости», 23 июля 1914 года, № 168, с. 1 (под инициалами Ю.Л.).

Экономическое значение участия Англии в войне, «Русские Ведомости», 24 июля 1914 года, № 169, с. 2 (под инициалами Л.Ю.).

Ради нашего достоинства, «Русские Ведомости», 30 июля 1914 года, № 174, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Евгений Бем-Баверк (некролог), «Русские Ведомости», 24 августа 1914 года, № 164, с. 5 (под инициалами Л.Ю.).

Н.Г. Чернышевский, «Русские Ведомости», 16 октября 1914 года, № 238, с. 2 (под инициалами Ю.Л.).

Русские иностранцы и война (письмо из Швеции), 25 октября 1914 года, № 246, с. 5 (под инициалами Л.Ю.).

1915 год

Финансовая и экономическая политика графа Витте, «Русские Ведомости», 1 марта 1915 года, № 49, с. 4.

В Одессе, «Русские Ведомости», 7 марта 1915 года, № 54, с. 6 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Пропаганда борьбы, «Русские Ведомости», 25 августа 1915 года, № 195, с. 5.

Всероссийское бюро труда, «Русские Ведомости», 20 октября 1915 года, № 240, с. 2–3.

Московские вести. О биржах труда (Доклад Л.Н. Юровского в чупровском обществе), «Русские Ведомости», 20 октября 1915 года, № 240, с. 5.

В аудитории Политехнического института, «Русские Ведомости», 13 декабря 1915 года, № 286, с. 4.

1916 год

«Будни», «Русские Ведомости», 21 июня 1916 года, № 142, с. 1–2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Дела и дни, «Русские Ведомости», 13 августа 1916 года, № 187, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

На полях сражений в Галиции, «Русские Ведомости», 28 сентября 1916 года, № 223, с. 2–3.

1917 год

В зимние дни (письмо с позиций), «Русские Ведомости», 26 февраля 1917 года, № 47, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Запоздалая мудрость, «Русские Ведомости», 18 июня (1 июля) 1917 года, № 137, с. 3.

Без лозунга, «Русские Ведомости», 23 июня (6 июля) 1917 года, № 141, с. 3.

Восстание, «Русские Ведомости», 6 (19) июля 1917 года, № 152, с. 1.

Гражданская война, «Русские Ведомости», 11 (24) июля 1917 года, № 156, с. 3.

Две диктатуры, «Русские Ведомости», 13 (26) июля 1917 года, № 158, с. 1.

Впечатления, «Русские Ведомости», 13 (26) августа 1917 года, № 185, с. 3 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Из предварительных итогов, «Русские Ведомости», 15 (28) августа 1917 года, № 186, с. 3.

Единый путь, «Русские Ведомости», 18(31) августа 1917 года, № 188, с. 2.

Из наблюдений бюрократа последней формации, «Русские Ведомости», 24 августа (6 сентября) 1917 года, № 193, с. 1–2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

На пути к анабиозу транспорта, «Русские Ведомости», 30 августа (12 сентября) 1917 года, № 198, с. 5 (подписана инициалами – Л.Ю.).

В первый день республики, «Русские Ведомости», 7(20) сентября 1917 года, № 205, с. 1.

После грозы, «Русские Ведомости», 16 (29) сентября 1917 года, № 211, с. 2.

Железнодорожный конфликт, «Русские Ведомости», 17 (30) сентября 1917 года, № 212, с. 3–4.

Продолжение бюрократических наблюдений, «Русские Ведомости», 11 (24) октября 1917 года, № 232, с. 2 (опубликовано под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Освобождённая Россия, «Русские Ведомости», 16 (29) ноября 1917 года, № 251, с. 4.

По ту сторону человеческого, «Русские Ведомости», 6(19) декабря 1917 года, № 269, с. 2 (под псевдонимом «Юр. Лигин»).

Перед священной войной, «Русские Ведомости», 30 декабря (12 января) 1917 года, № 278, с. 1.

1918 год

Русское хозяйство, «Русские Ведомости», 3(16) января 1918 года, № 1, с. 3–4.

Крайний срок, «Русские Ведомости», 26 января (8 февраля) 1918 года, № 17, с. 3.

Вольные цены или свободная торговля, «Русские Ведомости», 15 февраля (2 марта) 1918 года, № 36, с. 1.

Социальное содержание социалистической революции, «Свобода России», 25 марта (12 апреля) 1918 года, № 12, с. 1.

• • •

Примечание: статьи 1918 года «Русское хозяйство», «Крайний срок» и «Социальное содержание социалистической революции» были ранее опубликованы Ю.М. Голандом в качестве приложений к переизданиям книги Л.Н. Юровского *Денежная политика Советской власти (1917–1927)*, увидевшей свет в 1928 году. Второе издание этой книги вышло в 1996-м году, третье – в 2008-м.

*Библиография составлена
А.Ю. Мельниковым*

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. В АУДИТОРИИ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Когда – не достигши ещё двадцати лет – мы вступаем в первый раз в аудиторию высшей школы, полные больших надежд и смутных ожиданий, ещё не окрепшие и не сформировавшиеся умом и характером, но уверенные в себе – увы, преходящей уверенностью юности – и не сомневающиеся, что нет ничего недоступного для нас на земле, когда мы жадно ловим профессорское слово, произнесённое с кафедры, безгранично требовательные к своим новым руководителям и в то же время безгранично доверчивые к тому, что подкреплено академическим авторитетом, – тогда для нас приобретает огромное значение, кто возвестит нам «истину», которую мы пришли узнать, и как она нам будет возвещена. Эти первые лекции и первые встречи играют в нашей жизни роль, которую нам часто удаётся осознать лишь в более поздние годы. И благо тому, для кого эти первые встречи были удачны. На мою долю выпало благо осенью 1902 года вступить в аудиторию Александра Сергеевича Посникова в только что открытом петроградском Политехническом институте.

А.С. Посников был в то время учёным и преподавателем с крупным всероссийским именем, он почитался одним из главных творцов вновь созданного политехникума, он был выдающимся местным деятелем Смоленской губернии и в течение многих лет руководителем большой газеты. Значительная часть жизни была уже позади. К концу шестого десятка лет профессора обычно завершают свою научную карьеру, подводят итоги и подносят их своей аудитории как неоспоримые плоды продолжительного труда. У нас на лекциях по

истории экономических учений в 1902–1903 академическом году и по теории политической экономии в 1903–1904 гг. дело обстояло иначе. А.С. Посников, которого общественные и публицистические дела оторвали на довольно продолжительный срок от исследовательской и преподавательской работы, в те годы вновь возвращался к последней. Ему приходилось считаться с новыми течениями мысли, с новыми книгами и фактами, и он с поразительной настойчивостью, с молодой энергией и зрелой опытностью подошёл к этой задаче. На кафедре перед нами стоял не пожилой мыслитель, излагающий давно и окончательно продуманную систему, а человек, сам напряжённо добивавшийся новой истины, и притом искавший её, опираясь на огромный запас ранее накопленного знания и опыта. Это было стечение обстоятельств для нас поразительно счастливое. «Уроки» А.С. Посникова приобретали, я бы сказал, научно-эпическое значение. А.С. являлся примером неутомимого искания, научной любознательности, не ослабевающей с течением лет постоянной готовности возвратиться к исходным точкам зрения и переоценивать признанные ранее ценности. Это не была неустойчивость научной мысли. Напротив, это была устойчивость в высшем и лучшем смысле слова: устойчивость непрекращающейся работы, придававшая тем позициям, которые он отстаивал, необыкновенную силу.

Лекции бывали по утрам, когда мы, студенты, посещали институт не слишком охотно. Тем не менее у А.С. Посникова в аудитории было всегда полно. Он входил и поднимался на кафедру в раздумьи, и первые, всегда не вполне явственно произнесённые слова были, казалось, продолжением тех мыслей про себя, с которыми он шёл. Затем настроение лектора всё более поднималось, слово становилось громче и отчётливей, мысль разгоралась, и настроение профессора заражало нас. Ясно и остро А.С. ставил научную проблему, ибо для него самого она продолжала ведь так стоять. Он не обнаруживал внешних данных оратора Божией милостью, но его манера говорить

точно гармонировала с его манерой мыслить: была проста, ясна и сильна. Он сам воодушевлялся всё больше и больше по мере того, как подвигалась вперёд его лекция и связь между лектором и аудиторией всё более крепла. Уже седой, красивый, с большими, яркими и выразительными глазами и жестом опытного оратора, выступавшего в разных аудиториях, А.С. располагал всем тем, что нужно для того, чтобы вести за собою молодёжь.

Нас много прошло через светлые, просторные аудитории Политехнического института, и многие из нас любовно вспоминают то время, которое мы прожили в Сосновке. Среди всех образов, связанных с этим временем, ярко выделяется фигура учителя, неутомимо бодрого и всегда готового к новой работе на кафедре и на общественном посту.

*Л. Юровский, «Русские Ведомости»,
13 декабря 1915 года, № 286, с. 4.*

Стр. 225. «...в только что открытом петроградском Политехническом институте.» – Вот что писал в статье, посвящённой С.Ю. Витте, по этому вопросу Александр Сергеевич Посников: «Но С.Ю. не останавливается только на низшем и среднем образовании, а идёт далее и учреждает три высших специальных учебных заведения – политехнические институты. В 1899 г. основаны Киевский и Варшавский институты, а 19 февраля 1899 года состоялось Высочайшее повеление об устройстве Петербургского политехнического института. Этот последний отличался и по своим размерам, и по специальности своих отделений: он был образован сначала в составе трёх технических отделений – электро-механического, металлургического и кораблестроительного и, кроме того, отделения экономического, представлявшего в то время новый тип высшей школы, вызвавшей резкие возражения со стороны министра просвещения».

щения Боголепова, но послуживший потом образцом для учебных заведений этого рода. Положение об институте, пройдя через Государственный Совет (хотя новый министр просвещения Ванновский со своей стороны не возражал) – было утверждено 2 мая 1902 года; однако, открытие института, вследствие неблагоприятных условий времени, затормозилось на полгода и последовало лишь в октябре. Одна история возникновения этого высшего учебного заведения может наглядно показать, с какими затруднениями приходилось бороться и сколько препятствий, часто самых неожиданных, нужно было преодолевать для осуществления задуманного плана, безусловно полезного. Но как бы то ни было, чтобы судить о разнице в положении высшей школы, созданной тогда министерством финансов, и той, которая находится в ведении министерства просвещения, достаточно привести в память хотя бы только то, что политехнические институты с момента учреждения получили право избрания своих профессоров и преподавателей, а университеты с 1884 года и по сей час лишены этого важнейшего права». – А.С. Посников, Граф С.Ю. Витте, «Вестник Европы», апрель 1915 года, с. 359.

Стр. 226. «У нас на лекциях по истории экономических учений в 1902–1903 академическом году и по теории политической экономии в 1903–1904 гг...» – Ср. с оценкой другого слушателя этих курсов: «Отпечаток продуманности и законченности лежал на изучении даже совершенно частных и второстепенных вопросов, получая резкое выражение в исследовании основных проблем экономической науки.

В этом отношении лекции А.С. о «Tableau Économique» Кенэ, характеристика трудового процесса с учётом его физиологической и психологической стороны (Джевонс, Сеченов, Бюхер), служившая материалами для введения слушателей в круг политико-экономических проблем, являлись настоящей научной лабораторией, в которой практически усваивались методологические приёмы и моло-

дые слушатели приучались с самого начала к кропотливой работе научного анализа понятий.

...У немногих созданная в аудитории научная воодушевлённость переходила в систематическую научную работу, давшую в результате группу молодых экономистов, уже успевших обратить на себя внимание в специальной экономической литературе. Но чрезвычайная заслуга А.С. заключается в усилиях привлечения к серьёзным научным интересам не только единиц, но и массы учащихся, поднимая общий уровень экономических познаний. Отсюда психологически связанная и с исключительной требовательностью к собственному преподаванию, повышенная требовательность ко всей своей аудитории.

В этом отношении курс теоретической политической экономии, читавшийся А.С., принадлежал к числу самых больших и сложных на экономическом отделении, требовавшим у студента нескольких месяцев для подготовки к нему... Приходилось вместо учебников и конспектов обращаться непосредственно к Ад. Смиту, Рикардо, Родбертусу, Д.Ст. Миллю, Бем-Баверку, Марксу, и обращаться за страх и совесть одновременно...» – Б. Коварский, А.С. Посников как профессор (к 70-летию со дня рождения), «Русские Ведомости», 13 декабря 1915 года, № 286, с. 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Л.Н. ЮРОВСКИЙ. ОЧЕРКИ ПО ТЕОРИИ ЦЕНЫ. САРАТОВ,
1919 г. стр. VII + 223 + II.

Настоящая рецензия по условиям времени является с очень большим запозданием, а по существу её общее содержание не только предвосхищено, но и развито в положительной форме в той статье, которую пишущий эти строки напечатал в первой книге «Экономического Вестника». Достаточно сказать, что весь смысл и весь пафос труда *Юровского* направлен, так сказать, на «спасение» («Rettung») концепции равновесия в политической экономии. Я говорю «спасение», потому что – и в этом смысле я испытал от книги *Юровского*, как писатель и ученый, величайшее личное удовлетворение – его апологетическая по отношению к традиционной политической экономии позиция определяется в значительной мере *моей* критической позицией. *Юровский* меня не переубедил, но я не могу отрицать, что его хорошо построенный и весьма прозрачно написанный труд помог мне формулировать проблему равновесия и тем, в известном смысле, «освободиться» от неё. Его точное определение экономической статики: «статика исследует вопрос о равновесии одновременно данных спроса и предложения» (стр. 148), даёт возможность отвергнуть статическую предпосылку как общую предпосылку экономического рассуждения. Этого, к сожалению, не усмотрел и не мог усмотреть сам *Юровский*, стоя на своей апологетической точке зрения. Конечно, в традиционном багаже политической экономии не всё – с современной критической точки зрения – должно быть забраковано, ибо не все сейчас равно ценно и равно важно сейчас

для нас, но, увлекаясь своей апологетикой, *Юровский* не замечает и этого. Уже самое его исходное положение, намеченное в предисловии и сводящееся к утверждению непрерывности линии развития политической экономии от *Рикардо* к *Жану Батисту Сэю*, *Сениору*, *Герману*, *Тюнелю*, *Джевонсу*, *Менгеру* и *Бем-Баверку*, вызывает недоумение. Названными именами обозначаются существенные и часто спасительные разрывы в развитии экономической мысли. Между пониманием ценности и прибыли у *Рикардо* и *Сэя* никогда не было и не может быть примирения, а *Джевонс* несомненно был прав, когда он думал, что ниспровергает *Рикардо* и сметает *Джона Стюарта Милля*. С какой-то третьей точки зрения можно критиковать одновременно *Рикардо* и *Маркса* с одной стороны, *Джевонса* и *Вальраса* с другой, но примирить *Рикардо* и *Джевонса* невозможно иначе, как в дурном эклектизме.

Формально, механический объективизм *Рикардо* и психологический субъективизм *Джевонса* и *Вальраса* сходятся на понятии равновесия, по при всём значении этого понятия в развитии экономической мысли, значения, которое я, конечно, не склонен отрицать, концепция не заполняет и не исчерпывает собой развития экономической мысли.

Если бы *Юровский* не задался несостоятельной апологетической мыслью оправдать и спасти традиционную концепцию равновесия, то он бы в багаже (или сокровищнице) экономической мысли легко различил бы пшеницу и плевелы. Это для него было тем легче, что он многое ясно видит и понимает. Он сразу становится на правильную точку зрения, отправляясь от цены как основной экономической категории. Он правильно усматривает огромное значение понятия ренты для экономического рассуждения вообще. Но, ведь, примечательно, что понятие ренты у *Рикардо* не случайно было как бы исключением или особенностью, присущей сельскохозяйственному производству и добывающей промышленности. И именно обобщение понятия ренты разрушает систему *Рикардо*, подрывая

её основное понятие – «свободно воспроизводимых благ». Можно в общей форме сказать, что современное экономическое миропонимание совершенно иначе, в радикально иной перспективе, располагает и развёртывает понятия, чем классическая политическая экономия. Повторяю, *Джевонс* был прав, считая свои рассуждения преодолением *Рикардо*. И еще раньше и систематичнее, в некоторых отношениях, преодолевал *Рикардо Германн*, и английский его современник и ученик *Банфильд* хорошо понимал это. А с другой стороны, сейчас то направление экономической мысли, или вернее, те экономисты, которые всё экономическое рассуждение строят на понятии цены, отмечают значительную долю концепций так называемого психологического направления. «Примиренчество» *Л.Н. Юровского* несостоятельно в применении к прошлому, по оно неверно и в отношении настоящего. Если есть новая политическая экономия, то она разрывает и с *Джевонсом* и с *Рикардо*, в то же время сохраняя и обобщая некоторые понятия того и другого. Мне думается, что *Л.Н. Юровский* по существу слишком увлекается методологическими подходами к экономическим проблемам и пренебрегает содержанием науки, её «материальными», или «мериторными» положениями.

Ему надлежит, избавившись от гипноза маршалловского эклектизма и от своей собственной, апологетической по отношению к традиции, тенденции, наново пересмотреть все экономические понятия. Тогда, я уверен, число и значение наших разногласий значительно уменьшится.

От этих общих замечаний я перейду к некоторым частностям, правда, очень, важным и для *Юровского* и для меня.

«Спасая» понятие равновесия в его всеобъемлющем и основоположном для учений о рынке и цене значении, *Юровский* обращается к единому курсу берлинской биржи, явлению, которое я использовал для построения своей статистической теории цены. Трудность, представляющаяся мне на этом пути, заключается в том, что в еди-

ном курсе так же, как при образовании цены вообще на рынке, мы имеем не один ряд величин, а два: ряд заявок спроса и ряд заявок предложения. Слить оба эти ряда в один, для постулирования, а тем паче для выведения «средней», мы по существу дела не можем без некоторых весьма серьёзных оговорок. Единый курс есть цена, по которой без изменения величин заявок спроса и предложения может быть заключено наибольшее число сделок. Вот почему я сопоставил цену единого курса с наиболее частным случаем или «модусом» («модой») английских статистиков. *Юровский* противопоставляет моему пониманию единого курса положение, что «в арсенале экономических понятий есть такое, под которое берлинский единый курс подходит *вполне*. Берлинский *единый курс фиксирует ту цену, при которой устанавливается равновесие между спросом и предложением*. Именно это и означает правило, требующее, чтобы маклера устанавливали такой курс, при котором большинство поручений выполнимо» (стр. 137). И далее: «способ установления единого курса *тождественен* с теми рассуждениями, при помощи которых *Маршалл* находить цену в 36 шилл. за квартал пшеницы в своём примере хлебного рынка, или *Бем-Баверк* объясняет образование цен на конском рынке в своих «Основах теории ценности хозяйственных благ». Обычные цифровые примеры, которыми иллюстрируют приёмы составления единого курса, годятся для теоретических объяснений сторонников математического направления (в самом широком смысле слова) и, наоборот, примеры, взятые из теории цены, пригодны для объяснения котировочной техники Берлинской фондовой биржи. Ибо и здесь, и там ищут равновесия между спросом и предложением. «В обоих случаях даны кривая спроса и кривая предложения, а искомой является точка их пересечения» (стр. 139).

Я уже указал в своей статье «Научная картина экономического мира и понятие равновесия» («Экономический Вестник», кн. I), что предпосылкой и единого курса, и теоретической концепции

равновесия является неподвижность или стабильность заявок спроса и предложенья (стр. 13). В концепции равновесия эта предпосылка является теоретическим предположением. В берлинском едином курсе она реализуется, становится фактом. С точки зрения эмпирического индуктивного исследования не единый курс подлежит истолковывать при помощи концепции равновесия, а, наоборот, для истолкования концепции равновесия надлежит привлечь единый курс. Поскольку *Юровский* поступает обратно, он совершает ошибку известную в логике под названием *Hysteron-proteron*. Единый курс и концепция равновесия суть только возможные и потому лишь вероятные схемы протекания событий, из которых слагается рыночный торг. В случае единого курса искусственно *осуществлены* предпосылки рассуждения *Маршалла* и *Бем-Баверка*: неподвижность заявок цен, выведение из них некоторой единой величины, соответствующей наибольшему числу возможных при этом условии сделок, и подведение этого максимального числа сделок под такую единую цену. Конечно, единую рыночную цену нельзя просто характеризовать как статистическую среднюю из всех рыночных заявок, но «статистическая природа» рыночной цены как некоего отвержения «сингулярных фактов» (1) заявок спроса и предложения и отдельных (диспаратных) реализованных цен этим не устраняется. Как я уже указал во французском переводе главы о «Цене-ценности» из «Хозяйства и цены» (2), уже *Тюрго* ясно понимал статистическую природу цены и эту же мысль ясно высказал *Германн*, построивший понятие средней цены или рыночной цены, которую он называет также *возможной* ценой и отождествляет с меновой ценностью. *С.С. Кон* в частном письме ко мне и в своей программе министерского экзамена предлагает определить и характеризовать ценность не как статистическую среднюю, а как математическое ожидание цены. Я ничего по имею против этой формулировки, которую, как я надеюсь, *С.С. Кон* разъяснит в специальном этюде, но я не ниже в ней никакого отрицания моей

мысли о статистической природе ценности, ибо математическое ожидание для эмпирического исследования хозяйственной действительности может покоиться лишь на данной в опыте частости «сингулярных фактов». В опыте даны только частости, и математическое ожидание или вероятность есть не закон этих частостей, а лишь какое-то их рациональное выражение или предвосхищение. Нельзя говорить, что математическое ожидание величины «лежит в основе эмпирической средней». Математическое ожидание есть, как математический коррелят, лишь идеальное выражение эмпирической частости.

Таким образом, и после критики *Юровского* я продолжаю считать, что указание на статистическую природу ценности соответствует существу этого явления и что то искусственное построение ценности, которое мы имеем в Берлинском едином курсе, именно своей искусственностью весьма наглядно выясняет эту природу. Положение *Юровского*, что «Берлинский единый курс фиксирует ту цену, при которой устанавливается равновесие между спросом и предложением» надлежит обернуть и сказать, что ценой равновесия называется цена, устанавливаемая при помощи своеобразного приема, реальным примером которого является метод единого курса. Это в связи с анализом всей концепции равновесия я установил в вышеуказанной своей статье. После этого *В.П. Тимошенко* обратил моё внимание, что то же самое утверждает *Лифман* во втором томе своих «*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*». Он говорит там о так называемой австрийской теории цены (очевидно, имея в виду классическую её формулировку у *Бем-Баверка*), что эта теория «применяется лишь к установлению единого курса, как оно до сих пор практиковалось на Берлинской бирже. Это есть единственный случай, мне известный, для которого имеет силу австрийская теория. Если кто-нибудь знает ещё другой такой же пример, то я бы был ему благодарен за сообщение об этом». Ясно, — продолжает *Лифман* — и тут я с ним уже не могу согласиться, что эта теория как небо от земли

отстоит от объяснения цены, образующейся в процессе конкуренции. Ибо это установление единого курса не есть образование цены в свободном обороте, а возможно лишь путём вмешательства сверху, которое вычисляет единый курс. Это можно хорошо видеть на самой бирже, где в так называемом свободном обороте никогда не образуется единый курс» (стр. 59–60).

Вторую половину рассуждения *Лифмана* об едином курсе, в которой он воспроизводит мнение своего покойного учителя Макса Вебера, я не могу разделить. Единый курс, конечно, не есть случай вмешательства власти (*oblig-keitliches Eingreifen*). Это есть случай и приём не социально-политической, а технической рационализации процесса построения цены... – ценности, в отличие от той «средней цены», которая устанавливалась, например, по Маннгеймской системе регулирования субмиссионных цен, представлявшей уже опыт не чисто технической, и социально-политической рационализации цены-ценности (3).

В «Хозяйстве и цене» я, быть может, несколько преувеличил близость метода единого курса к совершенно свободному рыночному торгу, не подчеркнув характерной особенности единого курса, неподвижности (правда, не абсолютной) заявок спроса и предложения. В своей статье о равновесии я исправил этот пробел, указав с особым ударением, что при системе единого курса «рыночный торг по существу по заданию не отменяется, но из свободного взаимодействия торгующихся продавцов и покупателей превращается в свободно принимаемое или упорядочивающее посредничество маклеров». Отсюда, все-таки весьма далеко до начальственного вмешательства (тем более, что, как я показал в «Хозяйстве и цене» при помощи соответствующих справок, единый курс связан с правовым институтом «самовступления комиссионера»). Но также неверно видеть в едином курсе упрощенную схему, в основе своей воспроизводящую протекание свободного рыночного торга. Поскольку я был в «Хозяйстве и цене» близок к такому пониманию и оно сообщилось

Юровскому, я ошибался сам и ввёл в заблуждение своего оппонента, а последний, увлекшись этим сближением своеобразного и исключительного приёма единого курса со свободным рыночным торгом, построил на этом сближении логически ошибочное оправдание концепции равновесия.

На стр. 126 в примечании *Юровский* говорит: «Кажется, не исключено плодотворное и, во всяком случае, любопытное пользование механическими аналогиями и в другой социальной науке – в юриспруденции. Очень интересен в этом отношении опыт *Ориу*, пытающегося использовать понятие равновесия в системе публичного права и приписывающего этой идее очень широкое значение». Автор тут ссылается на «Principes de droit publique», но ещё больше *Ориу* (Hauriou) пользуется механическими аналогиями в своих более ранних «Leçons sur le mouvement social données à Toulouse en 1898» (Paris, Larose, 1899).

Эти идеи составляют довольно слабую часть теоретических построений замечательного французского публициста, который по силе социологической мысли выше всех германских государствоведов, даже ранга *Гирке*, *Лабанда* и *Еллинека*. Но в науке государствоведения концепция равновесия гораздо старше трудов *Ориу*: она восходит по меньшей мере к XVII веку. Необыкновенно отчетливо она выражена еще у *Гаррингтона* в «Осеана» и очень скоро становится клише в государствоведении и политической публицистике XVII и XVIII вв. По-видимому, *Юровский* этого не знает.

Книга *Л.Н. Юровского* написана весьма умело и читается с большим интересом. Это одна из тех книг, ознакомление с которыми может дать очень много начинающему ученому как весьма хорошо составленный и насыщенный разумно подобранным материалом путеводитель по литературе теоретической политической экономии. Весьма ценно в книге изложение такого классического, и в то же время мало известного писателя, как *Курно*. По форме и по архитектонике «Очерки» *Юровского* напоминают «Очерки» *А.А. Чупрова*,

непосредственным учеником которого был автор; по положительным идеям, *Юровский*, быть может, всего более обязан *Маршаллу*; наибольшее число отрицательных вдохновений и точек отталкивания дала ему, кажется, моя книга «Хозяйство и Цена», хотя во многом, и весьма существенном, мы с ним в то же время сходимся, или, точнее, он примыкает ко мне. Труд *Юровского* принёс мне большую пользу, заставив наново продумать целый ряд проблем, и полезность его при самостоятельных занятиях политической экономией я уже мог испытать и на других читателях, которым рекомендовал эту книгу. Появление такой книги есть отрадное доказательство той высоты, которой достигла научная культура в первые пятнадцать лет XX века в России и свидетельство широты и многообразия научных влияний, под которыми складывалась мысль автора: ближайший ученик профессоров Экономического Отделения Петроградского Политехнического Института и *Брентано*, автор в то же время впитал в себя и как-то лично и самостоятельно переработал мысли и учения *Курно*, *Вальраса*, *Менгера* и *Маршалла*.

Пётр Струве
Прага, июль 1923 г.

Примечания:

(1) Выражение «сингулярные факты» я заимствую у *Лотце*. System der Philosophie I, Logik Buch 2 Kap. IX.

(2) Prix-Valeur. Énoncés fondamentaux в «Revue d'Economie politique» за 1922, № 2, pp. 193–196.

(3) Этот весьма интересный пример искусственно сделанной цены-ценности игнорируется *Лифманом*. Он изложен и подвергнут теоретическому анализу в «Хозяйстве и цене», вслед за берлинским единым курсом (ч. I, с. 351–358).

«*Экономический Вестник*», Берлин, 1923, № 2, с. 247–252.

ФОТОГРАФИИ ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ЮРОВСКИХ

(хранятся в РГАЭ, ф. 256, оп. 1, д. 14)

*Леонид Юровский вместе с сестрой Надеждой,
1889 г.*

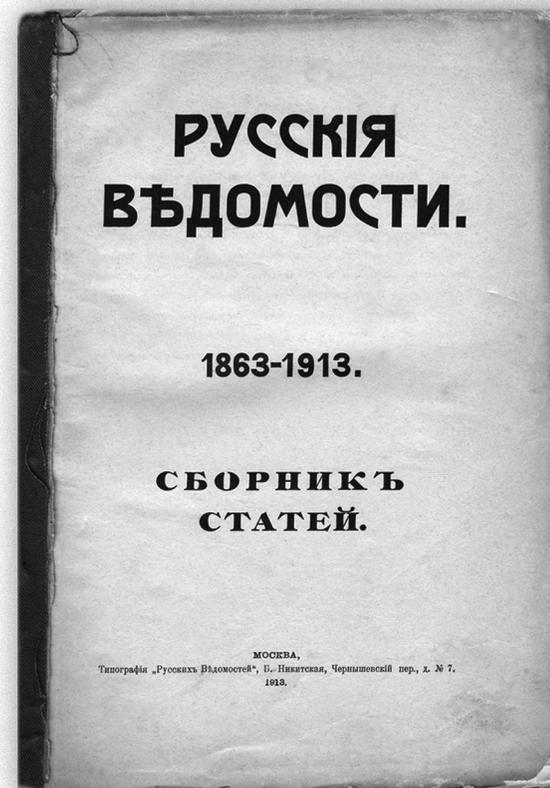
*Леонид Юровский – студент Санкт-Петербургского
политехнического института, 1906 г.*

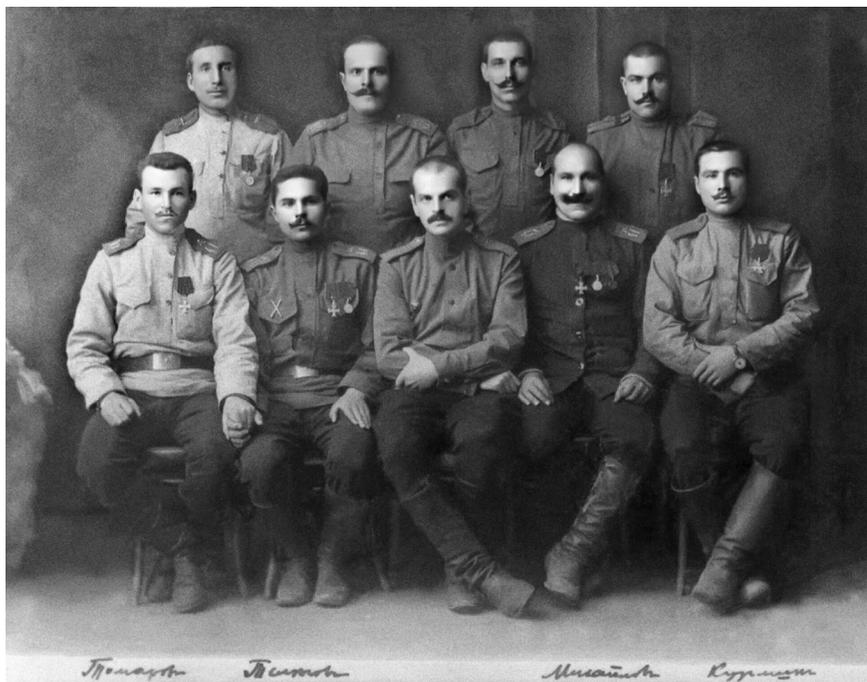
*Жена Л.Н. Юровского Вартуги Карповна Юровская
(урождённая Энгеева), 1903 г.*

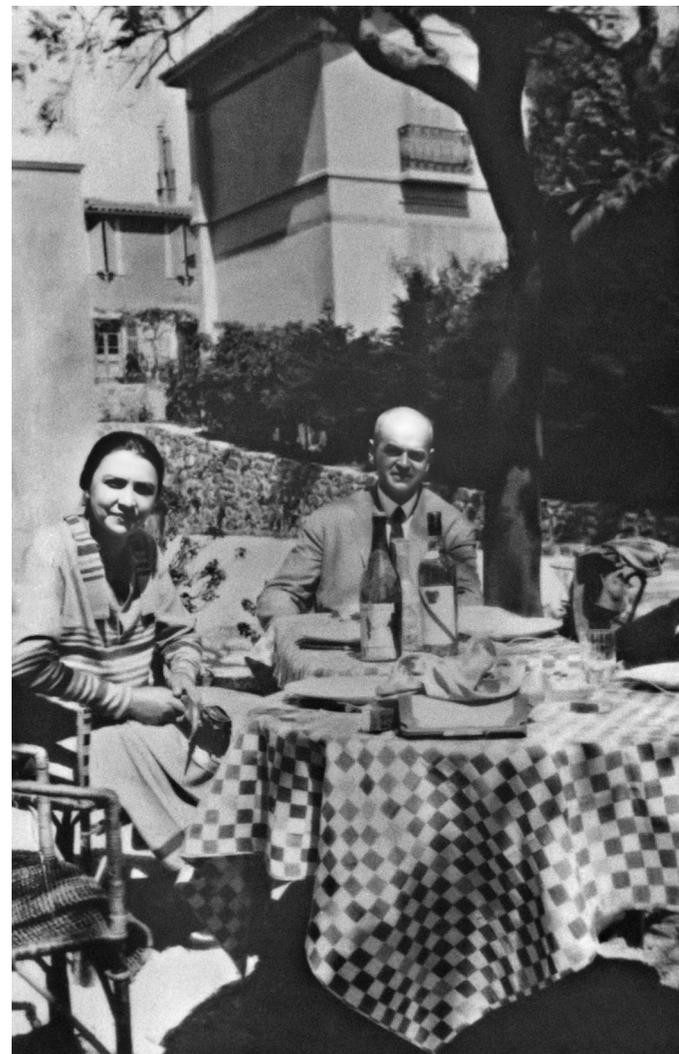
*Л.Н. Юровский и Н.В. Якушкин (сидят),
1908 г.*

*Сборник «РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ»,
1863–1913 г.*

*Л.Н. Юровский (в первом ряду в центре)
среди сослуживцев на Юго-Западном фронте,
1916 г.*

*В.К. Юровская и Л.Н. Юровский в Париже,
апрель 1928 г.*